

МОСТЫ

журнал переводчиков

№ 1 /2004

выходит 4 раза в год

Издатель:

ООО «Р.Валент»

Главный редактор:

З.В. Зарубина

Редакционная коллегия:

Мишель Берди

Линн Виссон

Д.И. Ермолович

И.В. Зубанова

Б.Н. Климзо

В.К. Ланчиков

А.И. Никольская

П.Р. Палажченко

К.В. Петренко

А.П. Чужакин

Н.Г. Шахова

Зав. редакцией:

В.Р. Колесниченко

Редакторы:

Н.Г. Богомолова

В.П. Кочин

Корректор

А.И. Никифорова

Подготовка макета

Т.И. Родионова

Адрес редакции:

105062, Москва,

ул. Покровка, д. 38а

Тел./факс: 917-41-53

e-mail: rvalent@online.ru

www.rvalent.ru

ISBN 5-93439-129-1

Номер подписан в печать 03.02.04

Цена свободная

Тираж 800 экз.

Заказ №301

Отпечатано в ОАО «Калужская

типография стандартов»

Калуга, ул. Московская, 25б

Перепечатка материалов – только

с разрешения «Р.Валент»

© 000 «Р.Валент» 2004

В номере:

От редакции 2

Восемь вопросов профессионалу 3

О нашей профессии

М. Цвиллинг. Профессиональный путь переводчика 8

И. Зубанова. Профессия переводчика:
штрихи к портрету 14

Анализ практики

П. Палажченко. Цитата в словарях
и в переводе 20

В. Ланчиков. Размах крыльев,
или Как не потерять первоисточник цитаты 28

Д. Ермолович. Имена и названия
в переводе (из переписки) 31

Л. Виссон. Terms for Describing Terrorism 36

М. Берди. Пытки переводчика 39

Заказчик – Переводчик

Н. Дупленский. Проект документа СПР «Заключение
и исполнение договоров на выполнение письменных
переводов. Нормы и правила» 44

Б. Климзо. Quality Versus Time. О качестве технического
письменного перевода 47

К. Флик. О чем обычно спрашивают
переводчика. *Пер. Н. Шаховой* 56

Слово молодым

О. Чуракова. Записки переводчика.
О переводе с французского романа Амели Нотомб
«Влюбленный саботаж» 61

XX век – глазами переводчиков

А. Чужакин. Лидеры и их тени (фрагменты истории) 69

Издательство «Р.Валент» предлагает

М. Загот. «Ищите и найдете, или Англо-русский словарь
библейских для всех и каждого» 80

Об авторах 84

От редакции

Еще в XVIII веке В.К. Тредиаковский утверждал: «Переводчик от творца только именем рознится». Во все времена искусству перевода отдавали и отдают свои силы многие талантливые люди. И если они подчас называют свой нелегкий труд ремеслом, а не творчеством, то именно потому, что умеют вникать в суть слов.

Как не затеряться переводчику в бурном море лингвистических проблем? Как лучше понять чужую культуру? Как найти общий язык с заказчиком? Существует ли юридическая поддержка профессии переводчика? Кто поможет разрешить горячие споры по той или иной проблеме? – Да, обо всем этом написано немало книг, однако есть проблемы столь актуальные, столь острые, что хочется поделиться ими сегодня, не ожидая выхода хорошо отредактированных книг в красивой обложке.

Мы назвали наш журнал «МОСТЫ». Мы задумали его не глянцевым, красочно иллюстрированным, а живым, рабочим, нужным. Мы хотим, чтобы он стал настоящим другом – таким, с которым можно поговорить, поспорить, но в котором ты уверен на все сто.

Название предложили наши ведущие переводчики. Наверное, это слово пришло к ним не случайно: кто-то перекинул мосты к недрам чужого языка, сокровищницам чужой культуры, кто-то – к новым вершинам мастерства, а кто-то обратил внимание на изображение мостов на банкнотах евро – и это все реалии современной переводческой жизни.

Но главное, переводя чужеземную культуру, переводчики раскрывают не только то потаенное, что порой мешает понимать друг друга – политикам, бизнесменам, ученым, – они обогащают свою страну, аккумулируя лучшее, что есть в чужой культуре, делясь с миром своей, родной. Так и получается: строим мы мосты – навстречу друг другу.

Хочется надеяться, что предпринимаемый издательством «Р.Валент» выпуск журнала для переводчиков поможет восстановлению всего комплекса взаимоотношений между переводчиками, и заказчиками.

Мы приглашаем к сотрудничеству переводчиков – и не только из России и стран ближнего зарубежья. Наш журнал и для вас, уважаемые преподаватели перевода, и для вас, уважаемые студенты из числа тех, кто мыслит перевод своей профессией. Мы открыты для коллег со всех уголков земного шара. Мы ждем интересные статьи, фотографии и др. материалы из личных архивов. Мы не ставим тематические и прочие препоны. Нас не волнует количество знаков в присланных материалах. Мы ждем вас – тех, кто возводит мосты.

В общем, так: We try to bridge the communication gap!

Восемь вопросов профессионалу

Отвечает Зоя Васильевна Зарубина

— **Книги, которые у Вас всегда под рукой.**

— Сейчас времена очень изменились. И уверена, что сейчас многие маститые переводчики назовут совсем другие главные источники. Для нас в те далекие годы считалось обязательным знать, во всяком случае быть знакомым с Библией, с *Alice in Wonderland*, и уже в то время мы начинали изучать Организацию Объединенных Наций: Устав и основные положения, которые нас возмущали тем, что это «нерусский русский», потому что это переводили люди, которые не жили в стране, которые давно были оторваны от нас. Вот с чего и начиналась, собственно, профессиональная подготовка переводчиков тех лет, и мы об этом не пожалели. Хотя вообще очень важно как можно больше читать и больше пользоваться источниками.

— **Словари, которые у Вас всегда под рукой.**

— Моя переводческая биография началась несколько специфически, с чисто технической литературы, и я с тех самых пор собирала любые словари, которые могла найти — маленькие, большие, сокращенные — любые, и не было бы случая, когда бы я пожалела о том, что их приобрела. Конечно, большие словари — это классика, но они печатаются раз лет в двадцать пять и поэтому, конечно, в повседневной жизни они не дают подчас тех нюансов, которые необходимы.

— **Считаете ли Вы закономерным, что стали переводчиком?**

— В молодости у меня были другие мечты, но война все поменяла. И так как я волею судеб оказалась в водовороте серьезнейших политических событий в качестве скромного участника, меня это подтолкнуло к языку, к пониманию того, что язык необходимо знать. В тот момент я не слишком хорошо знала язык, но, когда я видела, что искажается перевод, меня как патриота это брало за живое. Я понимала, что надо переделывать. И делать хорошо.

— **Что Вам дала профессия переводчика?**

— Понимание многого. Например, в начале своей профессиональной деятельности, опять-таки волею судеб, у меня был как политический перевод, так и технический. Однако до сих пор слабо себя чувствую в техническом переводе. Хочу вам сказать: нельзя недооценивать работу над основными постулатами технического перевода, потому что провела не один день буквально в слезах, переводя некоторые документы, потому что в то военное время не было никаких словарей со специальными терминами, а сейчас их можно найти чуть ли не в двадцати. А для нас, в то время начи-

Восемь вопросов профессионалу

нающих переводчиков, было непонятно: как же так, открываешь словарь, а там нет того или другого термина. А как же быть? Вот тогда я уже поняла, как нужно постоянно приобретать словари. Кстати позже, когда я была директором курсов ООН и принимала экзамены, если в ответ на мой вопрос «Какие вам нужны словари?», слушатель отвечал: «Мне не нужно словаря, я без словаря», для меня, как для человека, который прошел определенный путь переводчика, это говорило о том, что передо мной не настоящий переводчик.

Можно говорить о различии между устным и письменным переводом, об этом написано и будет написано много книг, и, хотя работа устного переводчика, по-моему, более эмоциональная, но письменный перевод — это шлифовка граней алмаза. Понимание, терпение и переработка материала — это совершенно необходимо всегда. Поэтому я хочу посоветовать то, чему меня учили: сначала надо переводить самое основное, то есть чтобы не было наврано. Только после тщательной проверки фактов, вы можете позволить себе шлифовать русский язык. Иногда, залихватски желая хорошо написать по-русски, мы упускаем самое основное. Это очень жаль. В устном, конечно, сказал — не понимаешь, но сам переводчик должен чувствовать ответственность.

— Ваше пожелание молодым.

— Я бы сказала вот что. Хотя я и не работаю синхронным переводчиком с 1990 года, все-таки «хватка на перевод», остается. Порой сержусь на себя, зачем я прислушиваюсь к чужим переводам, хотя мне это и не нужно, и возмущаюсь чужой халтуре, однако в крови переводчика «услышал — принял — отдал». И никуда от этого не денешься. И этим качеством необходимо овладевать. Я хотела бы пожелать молодым не останавливаться на достигнутом. Что касается меня, то и я постоянно стараюсь ловить то новое, что появляется в языке, потому что меня, как переводчика, раздражает, когда я не понимаю то или иное слово, например, касающееся компьютеризации и т.п.. Над языком нужно работать вечно! Потому что буквально каждый день появляется новая лексика, и переводчик не может себе позволить сказать: «Я не хочу этого знать». В пределах общего языкового багажа нужно знать несколько областей, но четко осознавать, что ты знаешь, а что нет. Если человек говорит, что знает все, — это значит, что он не знает ничего. Язык он безграничен. Это океан. Вообще я хочу пожелать молодым: поменьше чванства! Если ты можешь сказать А–В–С, да еще сделать языковой реверанс, то это не значит, что ты уже все знаешь. Это очень опасное заблуждение! Нельзя этому поддаваться. И не стесняться спрашивать у своего коллеги. К сожалению, если в наше трудное время, коллеги помогали друг другу, то сейчас зачастую тебе могут подставить подножку. Надо понимать, что никто из нас не с Богом за пазухой, и ты сам можешь оказаться в подобной ситуации. Надо работать, работать, работать.

— Кто был Ваш первый учитель?

— Во время Тегеранской конференции, где мне довелось работать, майор Арнольд Бирс, личный переводчик Черчилля, видя, что молодой русской переводчице интересен каждый момент, много объяснял и советовал мне. И эти советы стали основой моего кредо. Он давал советы человека опытного, они касались множества конкретных вещей, о которых я спрашивала, — и когда-нибудь я расскажу об этом, — но самое главное, он дал

мне понять, что не бывает людей, которые могут или знают все. И вот эта его скромность в описании того, что и ему бывало трудно, научила меня никогда никого не принижать и не думать, что ты самый лучший.

– **Самый трудный случай в Вашей практике.**

– Вообще самая большая трудность на первом этапе моей работы – неумение совладать со скоростью выступления оратора и правильно передать на грамотном языке его речь. Это просто вызывало у меня панику, пока я не научилась притормаживать и выбрасывать не важные для понимания кусочки текста. И другого выхода нет. Приходится редактировать на ходу, потому что бежать все время невозможно. Что касается конкретного случая, я вспоминаю, как я переводила японца на Всемирном конгрессе молодежи. Надо же уметь разбирать акцент. И когда оратор сам волнуется, спешит, говоря на чужом для него языке, то это еще более сложно. Когда я еле живая вышла из кабинки после того перевода и меня спросили, с какого языка я переводила, я даже растерялась: «Не знаю». Это показывает еще и то, как важен альянс переводчика и оратора. К сожалению, и в наши дни не всегда это бывает так.

– **Самый поучительный случай в Вашей практике.**

– Надо, когдаходишь в кабину, проверять, на каком языке стоит ваш микрофон. Это было давно в МОТе (*Международная организация труда. специализированное учреждение ООН, созданное в 1947 г.*). Я захожу в кабину, передо мной переводила наша бывшая соотечественница, графиня. Она мило попросилась со мной и ушла, а я надела наушники и, услышав английскую речь, начала переводить, не видя, кто выступает и удивляясь, кто же так хорошо говорит. Потом, когда я гордая вышла из кабины, мне сказали, что это я наших переводила с английского, который звучал в наушниках моей коллеги. Вот так я и перевела с русского на русский. Ой, как мне было стыдно.

Отвечает Линн Виссон

– **Почему Вы стали переводчиком?**

– I have always been fascinated by the process of communication, by how thoughts, ideas and images in one language can be recreated in another tongue. That process does not merely involve the selection of appropriate lexical and semantic units, but requires a shift into another culture, another way of perceiving the world. Only through an understanding of the culture in which a language is embedded can the interpreter/translator successfully convey the full meaning of a foreign linguistic/cultural system.

Growing up in America a quadrilingual household – my parents spoke their native Russian, as well as French, German and English – probably fated me to be an interpreter. My parents were from a generation of Russian intellectuals who thought that any child who did not speak four languages fluently by the age of four was probably mentally retarded. They didn't give me much choice as far as language learning was concerned! I very early fell in love with Russian and French literature, and was intrigued by translation and interpretation problems. Extensive contacts with Russians in the US and my own trips to Russia

Восемь вопросов профессионалу

reinforced my interest in language and interpretation. Interpretation provides instant gratification: you immediately see the result of your work, the communication and understanding you provide people who otherwise would fail to understand each other. And you understand how much good a talented interpreter can do, how greatly he can help people understand each other, and how much damage a poor interpreter can inflict.

– Что Вам дала профессия переводчика?

– My more than twenty years as a staff interpreter at the United Nations, working in the English booth from Russian and French, in addition to my previous work for the US Department of State and in the private sector provided me with a unique opportunity to work for international understanding and to be directly involved in international communication. It allowed me to deepen my understanding and knowledge of Russian, French, of the languages and cultures. Contacts with my colleagues at the United Nations have been deeply gratifying. Work as an interpreter has expanded my intellectual and cultural horizons, as I moved from a more narrowly academic focus to explore Russian-American relations in the context of Russian-American marriages and the impact of culture on language. My background in teaching Russian and my involvement with the United Nations interpreter training program prompted me to write a textbook, *praktikum* and other materials on issues of Russian-English interpretation, and other works. If it were not for my career as an interpreter and my interest in Russia I would never have met the wonderful people at RValent and the many outstanding Russian interpreters and translators who have become my friends and colleagues. And United Nations conferences have provided an opportunity to be a direct participant in negotiations and to travel all over the globe.

– Что отняла профессия переводчика?

– I gave up a promising career in academics to become an interpreter. With a Ph.D. in Slavic Languages and Literatures, and a dissertation on Sergei Esenin, I was sure that I was destined to teach Russian language and literature, and I taught at several American universities, including Columbia University, for nearly ten years. While I very much enjoyed teaching, I have no regrets about leaving the rather narrow confines of academics for interpretation, which has proved to be far more rewarding in all respects.

– Кто был Ваш учитель?

– Life. An interpreter learns from dozens, from hundreds of colleagues, speeches, books, contacts. It would be absolutely unfair and wrong to single out any one of the many talented individuals to whom I owe so much.

– Самый трудный случай в практике.

– In 2000 at the Millennium session of the UN General Assembly I was given only the English – but not the Russian – text of President Putin’s speech. That English text was a horrendous translation, stuffed with lexical and grammatical errors. What was I to do? Read that out? And do an enormous disservice to all those in the hall? I decided to drop the hopeless text and did the speech by listening carefully and rendering it into grammatical, literate and idiomatic English.

– **Самый поучительный случай в практике.**

– When I was just beginning my career as an interpreter, back in the 1970s, I was working at a conference of Russian and American women. The American delegate, a radical feminist, announced that in her country there had been great progress: women were now allowed to work at construction sites, in mines, operate heavy machinery, etc. The Russian delegate immediately responded that there must have been a mistake in the interpretation, for in her country there had also been great progress: such heavy work by women had just been prohibited by law. Two very different definitions of progress!

– **Книги, к которым Вы чаще всего обращаетесь**

– I don't believe in "*nastol'nye knigi*." One never has enough time to read all the interesting books and *posobiia* which would make one a better interpreter – and a better human being. I do, however, think that every interpreter should have a solid background in the classics of world literature – Tolstoy, Dostoevsky, Shakespeare, Dante, Goethe, Flaubert, Balzac, the Greek and Roman classics, and, of course, the Bible, which is the basis of Judeo-Christian civilization and which should be required reading for all interpreters and translators.

– **Пять словарей, которые у Вас всегда под рукой.**

- a) The OED (Oxford English Dictionary)
- b) Merriam Webster's Collegiate Dictionary
- c) BTC (Bol'shoi Tolkoviyi Slovar' Russkogo Iazyka (Sankt Peterburg: Norint, 1998)
- d) The Russian-English/English-Russian Oxford Dictionary
- e) Larousse Dictionnaire General Anglais-Francais/Francais-Anglais

– **Ваши пожелания молодым коллегам**

– I hope you realize – and enjoy – the fact that being an interpreter is a life-long learning experience which doesn't end when you finish your schooling – it only starts then.

I hope you keep an open mind, an open heart, and keep asking questions. What does this word or expression really mean? How do we say this in my culture? What does it mean and how is it expressed in another culture? I hope you keep constantly reading in all of your working languages. I hope you keep up with current events, news, new discoveries in science and technology, new developments in the arts, new trends in literature. I hope you are continually in contact with native speakers of all your working languages.

I hope you travel to the countries where your working languages are spoken, I hope you enjoy helping people communicate and understand each other, and that this is as important to you as the material rewards of this profession. I hope you share your experience and pass it on to others, so that more and more talented people join this profession.

I hope you always have as much fun as I'm having, and that you never lose a sense of humor!

Профессиональный путь переводчика Размышления и воспоминания

М. Цвиллинг

Профессия переводчика всегда (или, по крайней мере на протяжении жизни нескольких последних поколений) занимала в общественном сознании как бы двойственную позицию.

С одной стороны, переводчик обладает несомненными преимуществами перед «простыми смертными» благодаря своему двуязычию, позволяющему ему оставаться «на высоте» в тех ситуациях, когда остальные становятся по существу совершенно беспомощными из-за недоступности даже самой обыденной информации (автор сам испытал на себе это ощущение, оказавшись на склоне лет в научной командировке в Китае). В принопамятные времена «железного занавеса» переводчику-билингву были приоткрыты каналы коммуникации, надежно перекрытые для большинства рядовых жителей страны. Нельзя недооценивать и значение такого фактора, как официальные зарубежные поездки «по линии» (так это звучало на бюрократическом жаргоне того времени) государственных, политических, общественных, культурных, научных, спортивных и иных организаций, ведь о ставших ныне массовым явлением частных поездках по всему миру тогда и мечтать не приходилось.

С другой стороны, однако, профессия переводчика отягощена и целым рядом свойств, на первый взгляд вызывающих у «среднего обывателя» (а тем более,

преуспевающего на карьерном поприще чиновника) ассоциации скорее негативного свойства. Переводчик — человек на побегушках, переводит, что прикажут, а могут приказать не только переводить, кому — чемодан поднести, кому — сделать покупки в магазине, и еще Бог знает что...

К тому же, идеология постоянной угрозы со стороны «капиталистического окружения» автоматически заставляла видеть в каждом переводчике потенциального агента вражеского влияния, а то и просто вредителя или лазутчика, «врага народа», одним словом. Немало представителей этой, по существу, сугубо мирной профессии были обвинены в пособничестве чуждым силам и подвергнуты обычным для тех времен репрессиям. Не секрет, что в тридцатые годы люди нередко предпочитали скрывать свои языковые знания и умалчивать о приобретенной ими профессии во избежание неприятностей, да и в первые послевоенные годы немало переводчиков оказалось «в местах не столь отдаленных» по обвинению в пособничестве англо-американским империалистам, на том только основании, что по долгу службы обеспечивали контакты с союзниками при проведении конвоев с военными грузами или обслуживании аэродромов для дальних бомбардировщиков, выполнявших боевые вылеты по челночной схеме.

Правда, в то время едва ли была хоть одна профессия, представители которой были полностью гарантированы от подобных обвинений со всеми вытекающими отсюда последствиями, а потому даже такие мрачные перспективы (тем более, что многое стало известно лишь спустя годы) не удерживали потенциальных профессионалов от выбора в пользу данного вида деятельности.

Пути прихода в данную профессию очень многообразны. Чтобы не слишком растекаться «мыслию по древу», придется, прежде всего, ограничиться одной только нашей страной. Ведь в странах с широко распространенным двуязычием существует практически неисчерпаемый «естественный резервуар» билингвов, для каждого из которых открыт путь в переводчики. Свобода передвижения, открытость для международных контактов на личностном уровне также создают принципиально иные предпосылки для формирования профессионального корпуса, чем те, которые многие десятилетия существовали у нас.

Если же говорить о нашей стране, то особенности рекрутирования переводческих кадров уже в послеоктябрьские годы существенно менялись в зависимости от социальных условий того или иного периода. Первую волну, естественно, составляли в основном «буржуазные спецы» – выходцы из дореволюционной интеллигенции, в среде которой знание иностранного языка (в первую очередь французского и немецкого) считалось чем-то само собой разумеющимся. К началу моего профессионального пути, т.е. к сороковым годам прошлого века, представители этого поколения, ряды которого сильно поредели в результате бурных событий 20-х – 30-х годов, продолжали еще занимать видное место в сообществе специалистов по иностранному языку – в качестве переводчиков, преподавателей, редакторов, составителей словарей и т.п. Я до сих пор испытываю чувство глубокой благодарности к принадлежавшим,

к этой категории моим учителям, таким, как незабвенный Александр Михайлович Таубе (отпрыск остзейского дворянского рода), вошедший в историю лексикографии как составитель ряда военных словарей, непревзойденный в своей педантичной приверженности к бескомпромиссной точности в деталях Борис Эммануилович Шванебах (достойный представитель фамилии обрусевших немцев, имевшей немалые заслуги перед Российским государством еще во времена Империи), блистательный знаток немецкого языка и литературы Александр Андреевич Лепинг (во время 1-й мировой войны – штабс-капитан Российской армии), фамилия которого стала впоследствии нарицательным обозначением немецко-русских словарей, и многим другим.

Конечно, был и другой источник пополнения языковых (и переводческих) кадров – репатриировавшиеся в Советский Союз революционеры-эмигранты и их дети, а также (главным образом, уже в 30-х годах) антифашисты, спасавшиеся от диктаторских режимов Гитлера, Муссолини, Хорти, Антонеску, а позднее и Франко. Многие из них оставили заметный след в своей области деятельности. Так, из немецкоязычных специалистов хотелось бы назвать австрийца Тео Ауэрбаха. В годы Великой Отечественной войны по заданию легендарного генерала Н.Н. Биязи, начальника Военного института иностранных языков Красной Армии (ВИИЯ КА), он создал уникальный разговорник-справочник бранных выражений и крепких словечек немецкого солдатского жаргона. Понятно, что фронтовым переводчикам, получившим еще в мирное время свою языковую подготовку под руководством интеллигентных старушек-«немок», именно таких коммуникативных средств больше всего недоставало для достижения желаемого «прагматического эффекта» при общении с военнопленными.

О нашей профессии

Итак, как читатель понял, речь до сих пор шла о поколении, к которому принадлежат наставники автора, так что пора перейти к повествованию о некоторых моментах собственного профессионального пути. Мои сверстники, родившиеся в первой половине 20-х, это как бы первый эшелон «советских людей» — не в смысле «совок» или «homo sovieticus», а в объективно-историческом значении этого термина. Мы родились и сформировались в годы советской власти, и большинство из нас воспринимали тогдашние условия жизни, включая ее идеологическое обрамление, как естественные и неоспоримые.

Разразившаяся война, нападение гитлеровской Германии на нашу родину — СССР — могла вызвать у нас единственную реакцию: немедленно принять участие в битве со смертельным врагом. Добровольное поступление на военную службу стало с первых дней войны массовым явлением, на этом, в частности, и основывалось формирование народного ополчения, что позволило хоть частично компенсировать роковое промедление в реализации мобилизационных планов.

Для меня лично именно эти события оказались стимулом к выбору профессионального пути. Мне, правда, только должно было исполниться шестнадцать лет, и среднюю школу закончить я еще успеть не мог, но зато с детства свободно владел немецким языком: об этом позаботились мои родители, много лет проработавшие в загранпредставительствах Народного комиссариата внешней торговли. В августе 1941 г., только что получив паспорт, я подал заявление на курсы военных переводчиков при военном факультете 2-го МГПИИЯ (впоследствии на этой базе был сформирован ВИИЯ КА, ныне переводческий факультет Военного университета), куда и был зачислен как курсант-доброволец.

Моя военная служба продолжалась 15 лет, в течение которых я не только

учился и преподавал, но и выполнял самые разнообразные виды переводческой работы, включая трехмесячную боевую стажировку в начале 1945 г. на должности офицера-переводчика разведотдела штаба 42 стрелкового корпуса, воевавшего тогда в составе 3-го Белорусского фронта в Восточной Пруссии. Однако весьма своеобразную деятельность военного переводчика целесообразнее осветить в специализированном издании, и здесь я на ней останавливаться не буду, тем более, что этот период моей «карьеры» частично освещен мною в журнале СПР «Мир перевода» («Как молоды мы были...», № 1/5, 2001 г., сс.40 — 53).

На «широкую дорогу» в качестве переводчика я вышел вскоре после демобилизации, а точнее — в 1957 г., когда уже зрелым специалистом я, наконец, впервые попал в кабину синхронного переводчика. Профессиональное сообщество синхронистов сложилось в нашей стране, можно сказать, стихийно. Настоящее боевое крещение первое поколение получило во время Нюрнбергского процесса 1946 г., подробные мемуары о котором изданы одной из переводчиц, ныне здравствующей Т.С. Ступниковой («Ничего, кроме правды», М., «Возвращение», 2003 г.). Именно эта бригада, старшим в которой был преподаватель ВИИЯ КА Евгений Абрамович Гофман, надолго стала костяком зарождающегося цеха. Как младший коллега по кафедре, я получил возможность непосредственно приобщиться к опыту Евгения Абрамовича и даже пройти под его руководством первичную ознакомительную тренировку.

Моя «синхронная премьера» — съезд Союза композиторов СССР в помещении нынешнего Цыганского театра (он же — «Яр»). Нетрудно себе представить, что по своей тематике такое мероприятие — не подарок для начинающего синхрониста. Смесь выпяченного пафоса с музыковедческой терминологией и художественными реалиями, чередование самых разно-

образных манер речи и акцентов (от прибалтийского до кавказского и среднеазиатского), постоянное нарушение регламента и вызванная этим спешка — вот, поистине, целый букет препятствий, превращавших перевод в настоящий стиплчейз. Должен сказать, что для меня, как достаточно опытного и свободно владеющего языком переводчика, главной трудностью оказалась все же как раз нервно-эмоциональная нагрузка, или стресс, хотя такого термина мы тогда еще не знали. Тяжелее всего было не терять концентрации, не отвлекаться от речи оратора, не терять нити собственного перевода. В частности, критическими мгновениями оказывались смены, открывающаяся дверь кабины сразу же нарушала настрой, и перевод мог просто прерваться. Перевод настолько поглощал внимание, что один раз, надевая при смене свободную пару наушников, я не сразу почувствовал, что пролежав 20 минут на абажуре лампы они накалились до нестерпимости, а когда уши начали гореть, сделать что-нибудь было уже поздно. Волдыри, правда, через несколько дней прошли, но урок запомнился на всю жизнь: синхронист должен всегда распределять внимание, воспринимать информацию многоканально. И если вообще попытаться вкратце суммировать, чему я все же научился как синхронист за несколько десятилетий профессиональной практики, то это — умение управлять собой, сохранять самоконтроль, не теряться в сложной обстановке (как языковой, так и ситуативной).

Осенью того же 1957 года меня впервые включили в группу синхронистов для работы, как принято говорить, «на высшем уровне». В связи с 40-летием октябрьской революции в Москву съехались главы социалистических государств («стран народной демократии») и руководители коммунистических партий со всего мира. Их совещание проходило под председательством Н.С. Хрущева в Геор-

гиевском зале Большого Кремлевского дворца. Кабины (их было восемь или десять) были установлены непосредственно в зале, у внешней стены, противоположной парадному входу. Делегации сидели вокруг прямоугольного стола. Друг против друга в середине длинной стороны прямоугольника восседали Н.С. Хрущев и Мао Цзэдун (охлаждение советско-китайских отношений было еще впереди). Речь китайского Великого кормчего переводилась на русский с места последовательно его личным переводчиком — китайцем, мы же синхронно «транслировали» ее на свои языки. Помнится, не все формулировки ведущего переводчика были корректны, но в целом обошлось без ляпов. Речь Мао Цзедуна неоднократно прерывалась аплодисментами, в частности, после его знаменитой фразы о том, что «ветер с Востока одолеет ветер с Запада» (видимо, многие только спустя несколько лет задумались о том, где же, собственно проходит эта грань между «Востоком» и «Западом». Но, кто старое помянет, тому глаз вон!).

В последующие годы в Георгиевском зале доводилось работать не раз. Проходили здесь и заседания Политического консультативного комитета (ПКК) Организации стран Варшавского договора, фактически — многосторонние совещания глав социалистических государств. Вначале они протекали (по крайней мере внешне) в пристойной, дружеской атмосфере, однако со временем политические разногласия, возникавшие между советским руководством и некоторыми своенравными членами сообщества, выливались в весьма бурные сцены, инициируемые Н.С. Хрущевым. Когда албанский лидер Энвер Ходжа проявил строптивость, Никита Сергеевич не стеснялся в выражениях по его адресу. Приехавшему вместо Э. Ходжи Мехмету Шеху было отказано в допуске к совещанию, с формулировкой, что, мол, сегодня тов. Ходжа

О нашей профессии

заставляет нас говорить со своим заместителем, а завтра, глядишь, придет вместо себя своего шофера, а то и просто штаны повесит на спинку стула. Делегатам Албании было предложено покинуть зал, а когда они не сделали этого, был объявлен перерыв, люстры погасили, официанты начали убирать со столов бутылки с водой и пепельницы, а уборщицы – пылесосами чистить ковры. Конечно, «нарушители конвенции» вынуждены были убраться восвояси, и через некоторое время работа возобновилась без них.

Для синхронистов работа в Кремле была серьезным испытанием. Все было под контролем, так как в аппарате было достаточно сотрудников, отлично владеющих иностранными языками и по долгу службы отслеживающих весь ход дебатов. Какие-либо репрессивные меры к переводчикам, конечно, не применялись, но отбор производился жесткий. Самые высокие требования предъявлялись к переводу на русский язык. Во-первых, его слушало самое высокое начальство, а во-вторых, от его качества зависел перевод на все остальные языки.

И на заседаниях ПКК, и на сессиях Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) сложнейшую задачу для синхронистов представляла собой работа в многосторонней редакционной комиссии (к тому же часто проходившая в промежутках между пленарными заседаниями, то есть, по ночам). В кабине лежали толстые папки с текстами проектов обсуждаемых документов на двух языках, плюс целая стопка листов с поправками (не всегда уже переведенными). По ходу дебатов приходилось отыскивать соответствующие места в обоих текстах и на ходу в устной форме вносить изменения в текст перевода, в точности отражающие поправки, предлагаемые к исходному тексту проекта. А что делать, если поправка к немецкому тексту сводится к замене определенного артикля неопреде-

ленным? На первых порах работа сильно осложнялась еще и несовпадением нумерации страниц в текстах на разных языках, но через некоторое время эта трудность была устранена самым простым способом: во всех текстах была введена единообразная сквозная нумерация абзацев. Почему-то до этого элементарного решения додумались не сразу.

Вообще, наличие текста при синхронном переводе (на языке оригинала или на языке перевода), с одной стороны, облегчает работу переводчика, с другой же – ставит перед ним дополнительные задачи (ушами слушать, глазами читать). Особенно же, когда оратор отступает от текста (что любил делать Н.С. Хрущев) либо пропускает целые куски, или путается в страницах (как Л.И. Брежнев), синхронисту приходится заниматься прямо-таки переводческой эквилибристикой. И хотя читать все же легче, чем слушать, доминирующим источником информации для синхрониста всегда остается живая речь. Недаром на предварительно подготовленных текстах речей, предназначенных для раздачи журналистам после выступлений, у немцев принято писать «Es gilt das gesprochene Wort» (буквально: «Действительно только произнесенное слово»).

Письменный текст может иногда сыграть с переводчиком злую шутку. На одном из заседаний ПКК заслушивался доклад советского маршала, главнокомандующего Вооруженными силами Варшавского договора. Перед его выступлением в каждую кабину были переданы папки с совершенно секретным текстом его доклада, и передавшие их офицеры остались у дверей кабины, чтобы получить папки обратно сразу же после окончания перевода. Перевод по-военному четкой речи маршала, да еще при наличии текста, давался легко. Наконец докладчик говорит: «А теперь разрешите доложить вам некоторые количественные данные, характеризующие

боеготовность группировки войск ...». Переводчики перевели дух, названия видов вооружения трудностей не представляют, а цифры, они цифры и есть, читай их на своем языке с листа, и все. Но не тут то было... Открыв следующую страницу, я увидел столбик терминов, а рядом — приписку крупными буквами: **ЦИФРЫ ПЕРЕВОДИТЬ НА СЛУХ!** Видимо, степень секретности этих данных не допускала их воспроизведения в наших рабочих экземплярах. Хороший урок синхронисту. Помни, что информацию ты должен воспринимать в звуковой форме, а остальное — только необязательная добавка. На этом, кстати, следует также заострить внимание при обучении синхронному переводу, и не увлекаться упражнениями, построенными на привлечении письменных текстов.

Конечно, профессиональный путь переводчика-синхрониста разнообразен и извилист. Ведь тематика мероприятий, обслуживаемых им, практически не знает ограничений. Всеведущих специалистов не бывает, но существуют признанные переводчики-универсалы (англ. *allroundmen*, нем. *Generalisten*), но их универсализм — не всезнайство, а богатый разносторонний опыт в сочетании со способностью к интенсивному самообучению под строгим самоконтролем.

Синхронный перевод при всей своей привлекательности и эффективности ни в коем случае не должен рассматриваться как некая вершина переводческого мастерства. «Мама всякие нужны, мамы всякие важны» — высокопрофессиональный последовательный перевод, без которого, например, не обходятся ответственные переговоры на самом высоком уровне (а до середины XX века он фактически оставался единственным способом устного межъязыкового общения) ни в чем не уступает по значимости синхронному, не говоря уже о самых различных видах письменного перевода — от высокоспециализированного научного до поэтическо-

го и драматургического и т.д. Не следует забывать, что и большинство синхронистов не замыкается только в «родном» виде деятельности, но с успехом проявляет себя и на других поприщах, в том числе и в качестве письменных переводчиков, опровергая на практике принятое на Западе стереотипное разграничение профессий “*interpreter – translator*” или соответственно “*interprète – traducteur*”, “*Dolmetscher – Übersetzer*”, “*talk – vertaler*” и т.д.

Заканчивая этот несколько отрывочный обзор пройденного мною за добрых шестьдесят лет профессионального пути, хочу вернуться к начальным положениям этих заметок. Профессия переводчика полна противоречий, и избравшего ее всерьез легкая жизнь не ожидает. Но она, как немногие другие, предоставляет благоприятнейшие возможности для расширения своего кругозора, контактов с людьми, накопления жизненного опыта. Профессиональное сообщество переводчиков — я говорю в первую очередь о синхронистах, как наиболее близком мне кругу — вырабатывает в своих членах чувство коллегиальности, взаимоуважения, разделенной ответственности, чему в немалой мере способствует и характерная для этого цеха преемственность поколений, основанная в равной степени на готовности младших учиться на опыте своих предшественников и на желании старших передать своим последователям все «нажитое» ими.

И еще. Молодой человек, избравший для себя профессию переводчика, отнюдь не обречен оставаться в ее рамках до конца своих дней. Знания, навыки и человеческие контакты, обретенные на этом пути, без всякого сомнения окажутся полезными в любой другой области деятельности, будь то политика, дипломатия, журналистика, наука, педагогика, менеджмент, юриспруденция, информатика или какая-нибудь иная, еще не известная специальность, которая может возникнуть в недалеком будущем.

Профессия переводчика: штрихи к портрету

И. Зубанова

Деятельность переводчиков, в первую очередь устных, принято в шутку называть «второй древнейшей профессией». В самом деле, уже на заре человечества, со времен легендарной Вавилонской башни, появилась необходимость помочь объяснить людям, говорившим на разных языках; без этого трудно представить себе развитие торговли и ремесел, миграционные и интеграционные процессы, ведение войны и заключение мира и многое другое. В роли первых переводчиков – толмачей – выступали люди, в силу тех или иных обстоятельств овладевшие не только своим родным языком, но и языком другого народа: путешественники, купцы, военнопленные и рабы, захваченные в чужих землях, женщины, выданные замуж в соседнее племя.

Долгое время толмачество не воспринималось как специфическая деятельность, отдельная от двуязычия, то есть владения двумя или более языками. Тем более не рассматривалось оно как профессия. Бытовое языковое посредничество и сегодня остается фактом повседневной жизни в самых разнообразных ситуациях – от многонациональных семей и соседских общин до кулуаров международных конференций. Однако в XX веке наряду с этим появилась и необходимость в квалифицированном и профессиональном устном переводе. Произошло это в связи с развитием небывало широких международных контактов в

дипломатической, научно-технической, торгово-экономической, культурной и прочих сферах. Особенно важную роль сыграл выход на международную арену языков многих стран, которые прежде оставались в изоляции или на периферии такого рода процессов. Международные связи перестали, как в прошлые века, быть уделом немногих избранных людей, к тому же обычно владевших традиционными «универсальными» языками: латынью в среде ученых или французским у дипломатов. Сегодня на встрече с зарубежными коллегами или на трибуне международной конференции может оказаться и инженер, и сотрудник общественной организации, и религиозный деятель, и экономист, и педагог. Каждый из них, скорее всего, будет говорить на своем родном языке, рассчитывая при этом, что его мысли и слова во всей полноте будут донесены до всех присутствующих переводчиками.

На дворе XXI век. Жизнь все стремительнее, решительнее отрывается от патриархальных основ и дедовских обычаев. В быт прочно вошла электроника. Мы не мыслим жизни без компьютеров, факсов, сотовых телефонов, телеконференций. Мы почти не пишем письма, разве что электронные, реже читаем газеты, а новости ищем в Интернете. Все чаще приходится сталкиваться с людьми, с большим трудом справляющимися с ручкой и бумагой: они пишут только на

клавиатуре компьютера и читают только печатный шрифт. Наконец, наряду с микрокалькуляторами и электронными записными книжками появились и карманные «переводчики». Эти относительно недорогие устройства, снабженные обширной памятью и нередко даже функцией звукового воспроизведения слов и фраз, пользуются все большей популярностью. Люди, всю жизнь жалевшие, что так и не позаботились овладеть хоть каким-нибудь иностранным языком, охотно покупают умные приборы в надежде, что теперь их проблемы решатся сами собой, стоит только нажать несколько кнопок. Но так ли это? Следует ли ожидать, что профессия переводчика вскоре уйдет в прошлое, вслед за профессией писца или глашатая?

Вряд ли это случится. Электронные средства хранения и поиска информации, от «записных книжек» до компьютеров с выходом в Интернет, несомненно, могут быть полезны переводчику, особенно письменному. Всеми этими инструментами удобно пользоваться, чтобы проверить и уточнить значение слова, просмотреть типичные контексты и примеры употребления, написание, произношение и т.п. Интересных результатов можно добиться, работая со словарями синонимов и антонимов, типовых документов, системами проверки правописания. Впрочем, устному переводчику все эти средства могут пригодиться лишь на этапе подготовки к работе. В реальной переводческой ситуации устный переводчик по-прежнему один на один с сообщением, между оратором-источником и слушателем. Даже синхронный переводчик, работающий в окружении большого количества техники, опутанный проводами микрофонов и наушников, использует все это только для обеспечения связи с участниками коммуникации. Он знает, что, хотя несовершенство техники и может затруднить

ему работу или даже сделать ее неисполнимой, справиться с работой по сути техника ему не поможет. Устный переводчик вооружен лишь тем, что хранится у него в голове: знание языка, привычка к поиску смысловых эквивалентов, владение тематикой, общая эрудиция, натренированная память, направленное и распределенное внимание, владение переводческими приемами, предыдущий опыт перевода и т.п.

В отличие от машины-переводчика, человек при выборе иноязычного эквивалента руководствуется очень большим количеством критериев. В их число входят не только значение каждого слова, встречающегося в данном отрезке, и типовой смысл употребленных грамматических конструкций (это может и достаточно мощная электронная машина), но и понятие о ценности (новизне, важности) предлагаемой информации; возможность и уместность компрессии, то есть сжатия отрезка сообщения, например, за счет отсева повторной информации; стандартные формулы и клише, принятые в языке перевода, и многое другое. А главное, переводчик-человек может в зависимости от аудитории слушателей или читателей, которым предназначается перевод, внести в текст перевода необходимые поправки, разъяснения, дополнения, замены.

Попробуем задаться вопросом: кому или чему служит переводчик как ключевой участник опосредованной двуязычной коммуникации? Что (или кто) должно стать главным предметом его заботы, определяющей выбор важнейших стратегических и тактических решений? Вспомним, что переводчик является промежуточным звеном цепочки, включающей отправителя (автора) текста, сам текст оригинала, текст перевода и адресат перевода. Разумеется, ни один из этих элементов не может быть исключен

О нашей профессии

из процесса двуязычной коммуникации без разрушения этого процесса, поэтому выбор «важнейшего» элемента неизбежно будет относительным и условным. Очевидно также, что ответ на поставленный вопрос будет зависеть от вида и формы перевода.

Бывают случаи, когда по той или иной причине отправитель не может или не хочет создавать текст, предназначенный для перевода, однако требует, чтобы переводчик представил адресату «текст перевода»: например, руководитель делегации, ведущей однотипные переговоры последовательно с несколькими партнерами, может сказать переводчику: «Изложите им нашу точку зрения», полагаясь на то, что переводчик может сделать это по опыту предыдущих подобных ситуаций. Как указывает В.Н. Комиссаров, «переводчик может быть вынужден по условиям коммуникации выступать в качестве самостоятельного источника информации, давая дополнительные пояснения, делая выводы из содержания оригинала, указывая на возможные ошибки и т.д.» (В.Н. Комиссаров «Теория перевода», с. 43). Вопрос о том, можно ли такую деятельность, выходящую за рамки языкового посредничества, считать переводом, остается спорным, так же как и вопрос, работает ли в данном случае переводчик *на* отправителя или просто временно замещает его собой. Еще более шекотливая ситуация создается, когда переводчику приходится работать с отправителем, порождающим текст, страдающий грамматическими нарушениями, логическими пробелами, стилистическими огрехами и даже фактическими ошибками, и потому мало пригодный для донесения до адресата намерений и смыслов, входивших в замысел отправителя. Заметим, что все перечисленные пробелы и искажения могут не носить преднамеренного характера со стороны автора текста, а являться лишь следствием недостатка у него природного красноречия или ораторского

опыта, результатом усталости или отсутствия самоконтроля. Если переводчику, несмотря ни на что, удастся понять намерения и замысел оратора, он становится редактором и даже соавтором текста, перевода не столько то, что фактически сказал оратор, сколько то, что он имел в виду. Здесь переводчик служит *оратору*, прикрывая его собой.

Переводчикам — обычно письменным — иногда приходится иметь дело с текстами, по той или иной причине представляющими большую содержательную или филологическую ценность. В таком случае заказчики и потребители перевода желают знать, что в точности было написано в тексте оригинала, а иногда и как именно это было сказано; их не смущает, что попытка передать оригинал возможно ближе к тексту может сделать перевод громоздким, трудным для восприятия, а то и нарушающим узус (принятые употребления слов, форм и конструкций) языка перевода. Так действовали переводчики Библии, стремившиеся передать не столько дух, сколько букву священного текста. В наше время почти такой же подход к делу ожидается от переводчиков юридических и коммерческих текстов. Существует также и *филологический перевод* (к примеру, близкий к подстрочнику перевод шумерских текстов, Гомера, Шекспира и пр.), с помощью которого специалисты получают хотя бы некоторую возможность проанализировать текст на языке, которым сами не владеют. В таких случаях переводчик, хочет он того или нет, служит *исходному тексту*, представляя его для подробного изучения адресатам, принадлежащим к другой культуре.

Ситуация, когда в процессе работы переводчик служит главным образом *себе самому*, не вполне вписывается в нормы профессиональной переводческой деятельности — однако это не значит, что такое в принципе невозможно. И речь не

обязательно идет об анекдотических случаях, как в фильме «Кавказская пленница», где «товарищ Джабраил», персонаж Фрунзика Мкртчана, выступая в роли «переводчика», сумел напугать и заинтриговать доверчивого Шурика своим вольным переложением загадочного «Бамбарбия! Киргуду!». Иной раз переводчик, забывая о верности тексту, правах автора и интересах аудитории, действует своевольно, говорит или пишет совсем не то, что заключалось в исходном тексте, как говорится, «несет отсебятину». Чем бы ни объяснялось такое поведение — попыткой «поправить» автора оригинала, произвести на кого-то впечатление собственной эрудицией и красноречием или же элементарным непониманием исходного текста, — оно ставит под сомнение право получившегося текста называться переводом. Впрочем, в сфере художественного, а особенно поэтического, перевода бытовала и бытует и иная точка зрения: некоторые авторы отстаивают право переводчика на поэтическую вольность и свободу интерпретации. Для сторонников такого понимания сценарий мюзикла «Вестсайдская история» — это перевод «Ромео и Джульетты». Здесь, однако, было бы уместнее говорить не о переводе, пусть даже вольном, а об авторском переложении или создании нового произведения по мотивам старого.

Письменный, особенно художественный перевод по большей части предназначен для создания текстов, которым предстоит существовать в культуре переводящего языка самостоятельно, без прямой связи с текстом оригинала. То же относится и к некоторым ситуациям, когда применяется устный перевод, например в переводе звукового ряда кинофильмов или телепередач. Причем аудиторию переводного текста составляют главным образом именно те, кто не имеет возможности обратиться непосредственно к ори-

гиналу. Основным объектом внимания переводчика в таком случае становится именно *текст перевода*. На переводчика ложится большая ответственность — ведь по тексту перевода аудитория будет судить о достоинствах и недостатках оригинального произведения. При этом переводчик (и заказчик перевода) обычно не стремится довести до сведения адресата, как именно автор оригинала достигал решения своих коммуникативных задач, какие языковые средства и приемы он применял. Главная задача — создать переводное произведение, которое было бы удобно для восприятия целевой аудиторией. Иной раз создается даже парадоксальная ситуация, когда переводной текст по своим читательским достоинствам может превосходить исходное произведение. Широко известным примером этого являются работы Б. Заходера, который подарил русскоязычным детям настолько удачные переводы «Винни-Пуха» и «Алисы в стране чудес», что ими зачитываются уже не одно поколение.

Письменный переводчик, даже если он создает тексты, которым предстоит долгая жизнь, не имеет прямого контакта с потребителями своей работы, и об их реакции он может судить только косвенно, и то не всегда. Совсем с другой ситуацией сталкивается переводчик устный. Тексты, которые он порождает, эфемерны, в большинстве случаев они никак не фиксируются (ни в виде стенограммы, ни на магнитной ленте), зато реакцию получателя можно наблюдать самым непосредственным образом. Более того, возможна даже обратная связь: если слушатель недоволен переводом или находит его непонятным, он может напрямую обратиться за уточнениями к переводчику или через него — к оратору-источнику. В таких обстоятельствах в фокусе внимания переводчика неизбежно оказывается именно *адресат перевода*. Устному переводчику ни в коем случае нель-

О нашей профессии

зя считать, что единственно важное взаимодействие происходит между оратором и ним или что процесс перевода заканчивается, когда переводчик произносит свой текст. На самом деле процесс перевода, в особенности устного, заканчивается только в голове слушателя. Главная задача переводчика – обеспечить максимально полное и правильное понимание адресатом коммуникативных намерений оратора, добиться той интеллектуальной или эмоциональной реакции, на которую оратор рассчитывал: привлечь внимание, объяснить, убедить, рассмешить, напугать и т.п. Однако известно, что подобных целей носители разных языков и культур добиваются нередко совсем разными способами, не поддающимися прямому воспроизведению средствами другого языка, поэтому на переводчика ложится дополнительная обязанность (и большая ответственность), связанная с адаптацией исходного сообщения к иной аудитории. Это означает, помимо всего прочего, что переводчик должен как можно лучше представлять себе эту аудиторию, ее состав и уровень, мотивацию и потребности, а главное – объем фоновых знаний, которыми она владеет по тематике данной коммуникации, и степень совпадения с фоновыми знаниями, которые предполагает у нее оратор. Это совпадение будет максимальным, если, к примеру, происходит профессиональный разговор между специалистами в той или иной области (физиками, финансистами, музыкантами), и значительно уменьшится, если, скажем, на встрече экономистов или компьютерщиков оратор поведет речь о событиях отечественной истории или начнет ссылаться на произведения национальной литературы. Попробуйте быстро объяснить иностранцу, что значит «до основания, а затем», или что такое «Нью-Васюки»!

Устный переводчик не может рассчитывать на то, что слушатели сумеют еще

раз прослушать и обдумать произнесенный им текст, чтобы углубить свое понимание, исправить ошибки, уточнить неясное. Все, что может произойти в головах и сердцах аудитории в связи с воспринятым ею переводным сообщением, должно произойти «здесь и сейчас», или оно не произойдет вовсе. То есть коммуникация не состоится, или, что может быть еще хуже, она состоится с искажениями, и стороны не поймут друг друга или поймут неправильно, причем не из-за несовместимости позиций по обсуждаемым вопросам, а по вине переводчика. В умении избежать подобных сбоев и состоит мастерство устного переводчика.

Перевод, в том числе и устный, это увлекательный и творческий вид деятельности. Умелый и талантливый переводчик вовсе не «попугай», повторяющий без осмысления чужие мысли и слова, как иной раз думают люди, не разбирающиеся в этом деле. Успешный перевод невозможен без глубокого понимания всех элементов и уровней переводимого сообщения, что требует от переводчика подключения всех граней своей личности, от интеллекта и памяти до эмоциональной сферы и актерских способностей.

С одной стороны, работа устного переводчика весьма своеобразна и не похожа в точности ни на какую другую, в то же время, она имеет немало общих черт с тем, чем занимаются люди иных, иногда совсем неожиданных профессий. Начнем с того, что, работая с представителями того или иного рода деятельности, переводчик должен хотя бы немного «вжиться в образ», чтобы говорить с врачами как врач, с дипломатами как дипломат, с коммерсантами как коммерсант и так далее. Кроме этого, он должен обладать недюжинными способностями психолога (а то и экстрасенса!), чтобы суметь понять оратора, которому не удастся ясно выразить свою мысль. Он

обязан, как жонглер, имеющий дело с хрупкими предметами — смыслами, — подброшенными в воздух оратором, уметь ловко манипулировать ими, чтобы поймать, не потерять, не сломать ничто из того, что оратору было важно и дорого. Как авиадиспетчеру, переводчику нужно одновременно решать множество различных задач, отслеживать протекание разных мыслительных и речевых процессов, своих и оратора, прогнозировать дальнейшее развитие событий и в конечном итоге обеспечить, чтобы «количество взлетов равнялось количеству посадок», то есть чтобы все то, что пытался выразить оратор, нашло отражение в переводе. Наряду с журналистами-международниками, именно переводчики, как устные, так и письменные, знакомят друг с другом разные народы, культуры и языки; именно они первыми вводят в языки новые слова и значения, и именно на них лежит ответственность за охрану чистоты родного языка и его развитие. А еще работа переводчика сродни работе учителя или проповедника: он стремится добиться понимания аудитории, донести до нее во всей полноте смысл оригинала, убедить ее, затронув как разум, так и чувства. Как артист, устный переводчик должен уметь «держат зал», расположить его к себе, привлечь его доброжелательное внимание — этим он сослужит наилучшую службу оратору, которого он переводит. И, разумеется, переводчик сам является оратором, то есть человеком, выступающим перед аудиторией, и для него, как и для всякого оратора, чрезвычайно важна «подача», тембр и постановка голоса, жестикация, умение держаться перед публикой, умение обратить волнение и стресс на пользу делу, а не во вред, и тому подобное. Наконец, давно известно полусутоливое сравнение устного переводчика с сапером — ведь у каждого из них для выполнения своей работы есть только один шанс.

Устный перевод продолжает успешно существовать в сегодняшнем мире и не намерен сдавать свои позиции. Более того, сфера его применения продолжает расширяться, а требования к профессионализму переводчиков постоянно растут. Что можно посоветовать молодым людям, которым хотелось бы попробовать себя в этом увлекательном деле? Разумеется, учиться профессиональному мастерству, причем у признанных мастеров, имеющих реальный опыт такой работы. Обогащать свои знания в сфере иностранного и родного языков, а также в том, что можно назвать общей эрудицией. И дерзать!

Об искусстве перевода

Совершенство удаляется от глаз наших по мере нашего к нему приближения — сие пребудет истинно в морали, в искусствах, и в самом искусстве переводить.

(Н.М. Карамзин)

Цитата в словарях и в переводе

П. Палажченко

Одной из характерных особенностей текстов современной художественной и публицистической литературы, языка средств массовой коммуникации и даже обычной повседневной речи является интертекстуальность. Этим термином обозначается мозаичность текстов, обилие в них явных и скрытых цитат, отсылок к явлениям литературы и массовой культуры — таким, как названия кинофильмов, строки из песен, рекламных лозунгов, анекдотов, и т.п. По мнению некоторых лингвистов, это связано со стремлением людей в наше время к более личностной манере говорить и писать. Независимо от того, принимаем ли мы эту трактовку, очевидно, что это явление ставит ряд проблем перед лингвистами, переводчиками и лексикографами.

Начать с того, что далеко не всегда просто провести границу между цитатами, «крылатыми словами» и фразеологическими сочетаниями. Если первые относятся к явлениям речи (а не языка как системы) и поэтому обычно не фиксируются толковыми и переводными словарями, то фразеологизмы, а также близкие к ним пословицы и поговорки — это уже вошедшие в язык выражения, и лексикографы стремятся насколько возможно полнее отразить их в общеязыковых словарях.

Но где грань между ними? Авторы классической работы «Крылатые слова» Н.С. и М.Г. Ашукины относят к этой категории «вошедшие в нашу речь из литературных источников краткие цитаты, образные выражения, изречения исторических лиц, имена мифологических и литературных персонажей, ставшие нарицательными, образные исторические характеристики исторических лиц. Спорно здесь, на мой взгляд, лишь включение имен мифологических и литературных персонажей. Все же остальное в данной статье будем для краткости называть цитатами.

Некоторые лингвисты особо выделяют *паремии* — «устойчивые в языке и воспроизводимые в речи изречения с синтаксической структурой предложения». Так, Л.Б. Савенкова считает, что «в большинстве своем паремии анонимны, хотя связь с источником в отдельных случаях легко прослеживается», и относит к кругу паремий, среди прочих, «пословицы, поговорки, изречения из Священного Писания». Оставляя в стороне вопрос о том, целесообразно ли ограничивать интересующую нас категорию фразами, имеющими синтаксическую структуру предложения, отметим, что, по мнению того же автора, «поскольку паремии устойчивы и

воспроизводятся в речи наравне со словами и фразеологическими единицами, служа знаками типовых ситуаций, постольку они выступают в качестве элементов языковой системы, участвующих в создании целостной структуры текста».

Подвижность границы между цитатами и фразеологизмами можно проиллюстрировать на примере общеизвестных фраз из Библии и произведений Шекспира. Очевидно, например, что Десять заповедей или широко известные слова из книги Екклесиаста (*To every thing there is a season, and a time to every purpose under the heaven. A time to be born, and a time to die; <...> a time to cast away stones, and a time to gather stones together*) — цитаты, а такие выражения, как *the forbidden fruit, a fly in the ointment* или *at the eleventh hour* — вошедшие в язык, более или менее переосмысленные фразеологизмы. То же самое — из Шекспира: *To be or not to be: that is the question или A horse! A horse! My kingdom for a horse* («канонический» перевод — «Коня, Коня! Полцарства за коня!») — цитаты, осознаваемые многими как таковые, причем, по крайней мере в первом случае, подавляющему большинству говорящих известен их источник, а, скажем, *foregone conclusion, to wear one's heart upon one's sleeve* или *at one fell swoop* — фразеологизмы, полностью «оторвавшиеся» от своего шекспировского источника. Но немало и спорных случаев. Это, например, шекспировские *a plague on both your houses, brave new world* (более известное как название романа Олдоса Хаксли) или *there is a method in the madness*. Где место этим выражениям — в словарях цитат или общезыковых толковых и переводных словарях, — вопрос спорный, к которому мы вернемся.

Для переводчика, вообще говоря, не имеет принципиального значения, к какой категории относится та или иная

фраза. Для него все они — «элементы языковой системы». Он должен уметь обнаружить их в тексте и преодолеть нередко возникающие при их переводе трудности. Надо иметь в виду, что осознанное или не очень употребление цитат и крылатых слов встречается в речи современных англичан, американцев и русских, пожалуй, не менее часто, чем употребление фиксируемых словарями фразеологизмов, пословиц и поговорок. И, как мне кажется, в последние десятилетия фразеологизация цитат идет особенно быстрыми темпами.

Приведу один пример из собственной практики.

Во время своего визита в Москву в апреле 1987 года госсекретарь США Джордж Шульц, увидев в числе участников переговоров с американской и российской сторон «знакомые лица», сказал М.С. Горбачеву: *All the usual suspects are here*. Если не ошибаюсь, мой американский коллега перевел эту фразу дословно — «обычные подозреваемые» — с добавлением небольшого пояснения. Но, наверное, лучше (хотя и несколько рискованно, ведь никогда нельзя исключать, что говорящий решит «развить метафору») было бы сказать «Знакомые все лица» (конечно, тоже цитата — из «Горя от ума»).

Это эпизод вспомнился мне, когда недавно в статье о критике, которой подвергается Тони Блэр в собственной партии, мне встретилась следующая фраза: *John Reid, the party chairman, today dismissed the mavericks like Mr. Dalyell as "the usual suspects."* Многие, конечно, узнают бессмертную фразу капитана Рено из кинофильма «Касабланка» — *Round up the usual suspects*. Она встречается и в таком, «полноформатном» виде (перевести ее можно, например, так: «Всех, кого обычно, — под арест!» — уж очень пресно звучит «Арестуйте обычных подозреваемых»).

Анализ практики

Реминисценции с этой знаменитой фразой — не редкость. Можно считать, что она вошла в язык. И перевод ее почти всегда контекстуален. Так, название кинофильма *The Usual Suspects* переведено как «Обычные подозреваемые», и лучше в данном случае, пожалуй, не получится, хотя и жаль, что ассоциация с «Касабланкой» для большинства зрителей утрачивается. А вот пример из *Denver Westword: Eugene Valershteyn's newer Russian Cafe in Littleton is still going strong*. <...> *we really love this spot for its comprehensive list of chilled vodkas available by the shot. In addition to all of the usual high-octane suspects, both foreign and domestic, the Russian Cafe also stocks an impressive spread of artisan vodkas in flavors like black currant, lemon, pepper and cranberry.* Здесь, конечно, ни «подозреваемые», ни «лица» не подходят, зато можно сказать «стандартный набор горячительных/крепких напитков».

Не менее интересный пример из спортивного раздела американской газеты: *There are prime suspects among the usual suspects, but I will stick my neck out now.* (Речь идет о футбольных клубах, традиционно претендующих на победу.) Здесь мы имеем дело с дальнейшим обыгрыванием цитаты, все более входящей в язык в качестве устойчивого сочетания. В переводе, как мне кажется, напрашивается слово «список»: «В списке традиционных претендентов есть всем известные фавориты, но я все-таки рискну высунуться со своим прогнозом». В других контекстах возможны варианты «ничего неожиданного», «джентльменский набор» и т.д.

Против включения этого словосочетания в обычный (а не лингвострановедческий) словарь могут быть два возражения. Во-первых, можно утверждать, что цитата еще не оторвалась от контекста и не стала, таким образом, идиомой. Ко-

нечно, «степень зрелости» фразеологизма определяется во многом субъективно. Но приведенные примеры, пожалуй, способны убедить скептиков. И второе: словосочетание семантически устроено просто и не представляет особых трудностей для переводчика. Но и этот аргумент опровергается приведенными примерами. Кроме того, примерно то же самое можно сказать, например, о поговорке *There is no smoke without fire*, переводимой почти «пословно» и тем не менее включаемой в словари.

Близкий пример — превратившаяся почти в поговорку фраза из речи президента Дж. Кеннеди — *A rising tide lifts all the boats*. Здесь, кстати говоря, и перевод не так уж очевиден. Словарь мог бы предложить, например, вариант «Большая волна поднимает все лодки». Смысл этого высказывания — экономический подъем помогает всем слоям населения, в том числе бедным, больше, чем ориентированные на них социально экономические программы.

Вообще изречения политиков (часто результат невидимых миру усилий составителей их речей) — мощный источник пополнения идиоматики. Мне кажется, что вошло в систему языка и представляет интерес с точки зрения перевода рузвельтовское (*Theodore Roosevelt*) *lunatic fringe* (однажды мне пришлось «крепко задуматься» — долго думать не было времени — когда Джордж Буш-старший употребил это выражение в разговоре с Горбачевым, а дело было в 1987 году, когда слово «маргинал» в русском языке еще не вошло в активное употребление). А что такое вильсоновское (*Woodrow Wilson*) *make the world safe for democracy* — просто цитата или идиома, факт языка? Вероятность встретить это выражение в реальной речи весьма велика. И так ли очевиден перевод? «Обезопасить мир для демократии»? «Сделать мир безопасным

для (ради) демократии»? Словарь может предложить ответ.

Знаменит и афоризм Уинстона Черчилля о России: [*Russia is*] *a riddle wrapped in a mystery inside an enigma* – «загадка, окутанная тайной и погруженная в неизвестность». Это все-таки, пожалуй, цитата, еще не ушедшая в свободное плавание. А как быть с труменовским *If you can't stand the heat, get out of the kitchen?* Для одних носителей языка это уже поговорка, совершенно оторвавшаяся от источника цитаты, другие прекрасно знают, что это сказал именно Трумен. На мой взгляд, это уже факт языка, а не историческая реалья. И переводить эту фразу надо в стиле поговорки: «Кому жарко – прочь из кухни». Или забавное *If it ain't broke, don't fix it* («Что не сломано – не чини»). Сказал это уже позабытый министр финансов в кабинете Джимми Картера Берт Лэнс. Кто-то это помнит, кто-то нет, но будь то цитата или поговорка – ей место в словаре.

Можно привести еще немало выражений, которые, на мой взгляд, стоит включить в общезыковые словари. Вот, например, *the dismal science*. Это определение экономической теории *economics* (или, по-старому, *политэкономии* – *political economy*) – дал Томас Карлейль (Thomas Carlyle). В общезыковых словарях я его не нашел. А в *Columbia Encyclopedia* это выражение приводится без ссылки на Карлейля (и вообще в связи с Мальтусом): *One of the most influential writers of the 19th cent. was Thomas Malthus, whose predictions that population growth would always tend to outstrip advances in the means of subsistence earned for economics the title "the dismal science."*

Естественно, такое «определение» не всем нравится. И все же это выражение вошло в язык, есть даже несколько книг, в названии которых оно присутствует, например: *Naked Economics: Undressing*

the Dismal Science by Charles J. Wheelan. Перевод неочевиден. Я бы перевел «мрачнейшая из наук» (превосходная степень – потому что в английском определенный артикль). Но возможна и другая интерпретация – «скучнейшая» или даже «нуднейшая» (и ведь тоже верно, пожалуй). Вплоть до «бесмысленная» или «бесполезная» – но это, конечно, не для словаря.

Или возьмем выражение *manifest destiny*, происхождением своим обязанное президенту Эндрю Джексону (*...A country manifestly called by the Almighty to a destiny which Greece and Rome, in the days of their pride, might have envied* – Америка, естественно). В БАРСе это выражение отсутствует. В словаре Г.В. Чернова *Americana* дается неверная, на мой взгляд, отсылка этого выражения к более поздней (1845 г.) «статье Дж.Л. О'Салливена об аннексии Техаса». Интересно определение в *The American Heritage Dictionary: 1. A policy of imperialistic expansion defended as necessary or benevolent. 2. often Manifest Destiny The 19th-century doctrine that the United States had the right and duty to expand throughout the North American continent*. Г.В. Чернов предлагает перевод «предназначение судьбы», а также варианты «божий промысел» и «божественное предопределение».

Наконец, вошедшая в поговорку фраза госсекретаря Дина Раска, сказанная в момент развязки Карибского кризиса (кстати, так его называют только у нас, по-английски – *the Cuban missile crisis*): *We're eyeball to eyeball, and I think the other fellow just blinked*. Думаю, эта фраза имеет не меньшее право на включение в словари, чем многочисленные пословицы и поговорки, многие из которых вышли из активного употребления. Перевод может быть такой: «Мы смотрим друг на друга в упор, и, кажется, противник моргнул».

Анализ практики

Цитаты, как и фразеологизмы, пословицы и т.п., могут выступать в тексте в модифицированном и контаминированном виде. Чтобы принять правильное решение, переводчик должен знать «источник». Вот интересный пример из журнала *The Atlantic*: ...these statements also represent <...> the same contempt for the decent opinion of mankind that have marked the Administration's drive for war. Что за decent opinion? Если не знать источник, то переводчик оказывается в замешательстве. Это — контаминация (трудно сказать, намеренная или по оплошности) известной фразы из Декларации независимости США: *When in the Course of human events, it becomes necessary for one people to dissolve the political bands which have connected them with another, and to assume among the powers of the earth, the separate and equal station to which the Laws of Nature and of Nature's God entitle them, a decent respect to the opinions of mankind requires that they should declare the causes which impel them to the separation.* В опубликованном переводе Декларации эта фраза переводится как «уважительное отношение к мнению человечества». Сохраняя авторскую аллюзию, можно перевести: «все то же неуважительное отношение к мнению человечества, которое проявляет администрация в своем стремлении к войне».

Заслуживают включения в словари не только вошедшие в язык цитаты, но и некоторые названия (книг, фильмов и т.п.). Обозреватель «Нью-Йорк таймс» Поль Кругман, конечно, не лингвист, но к его мнению, наверное, стоит прислушаться: *The 1997 movie "Wag the Dog" had quite a plot. Although the movie's title has entered the language, I don't know how many people have watched it lately. Read the screenplay. If you don't think it bears a resemblance to recent events, you're in denial.* Итак, автор считает, что выраже-

ние *wag the dog* «вошло в язык». По-русски этот фильм назывался (кстати, почему?) «Плутовство». Не знаю, от этого ли фильма идет русское выражение «хвост виляет собакой». Неплохо бы проверить. Во всяком случае, *wag the dog* я бы включил в словари с этим переводом.

Интересный пример обыгрывания выражения, которое находится на грани между узнаваемой многими цитатой и вошедшим в язык фразеологизмом, находим в статье Морин Дауд в «Нью-Йорк таймс»: *Most Americans, even Republicans, have a more tolerant and happy vision of the country than Mr. Scalia and other nattering nabobs of negativism.* Пикантность здесь в том, что автор, по американскому идеологическому ранжиру относящийся к либералам (то есть левым), использует здесь выражение, впервые употребленное в речи вице-президента США (и отнюдь не «либерала» в американском понимании этого слова) Спиро Агню. Употребление и обыгрывание этой цитаты (нередко без атрибуции) встречается часто. Вот заголовок из *The Austin Review: The Nattering Nabobs of Nanotech Negativism*. Еще один пример: *These networks, like radio, have gone the way of talk to attract more viewers. But it is mostly weightless recycled opinion. After a while, these nattering nabobs of negativism sound like radio static (The Salt Lake Tribune).* Считать ли это словосочетание цитатой, не подлежащей включению в обычные словари, или все-таки фразеологизмом — вопрос, может быть, спорный. Что касается перевода, то можно предложить «вечные нытики-нигилисты» — вместо тройной аллитерации здесь используется что-то вроде внутренней рифмы «ны-ны-ни».

Пример «пограничного случая» — на грани между цитатой и устойчивым словосочетанием — выражение *a fine mess* (вариант — *another fine mess*), не вошедшее ни в известные мне словари цитат, ни

в общие словари, возможно по причине простоты и «прозрачности» его смысла (причина, как сказано выше, далеко не всегда убедительная). Вот пример из недавней статьи Уильяма Сэфайра (кстати, упомянутую речь Агню писал именно он): *Our dovish left will say, with Oliver Hardy, “a fine mess you’ve got us into” – as if we created Saddam’s threat, or made our C.I.A. dance to some oily imperialist tune, or would have been better off with our head in the sand. Most Americans, I think, will move past these unending recriminations, reject defeatism and support leaders determined to win the final Iraq war.*

Сэфайр указывает на источник цитаты – это слова героя одного из (чуть ли не пятисот!) фильмов с участием американского комика Оливера Харди (of the Laurel and Hardy pair). Правда, другие источники дают эту цитату в несколько ином виде. Так на сайте MSNBC Entertainment читаем: *Sound added even more ingredients to Hardy’s comic repertoire, not the least of which were such catch-phrases as “Why don’t you do something to help me?” and “Here’s another nice mess you’ve gotten me into.”* Но в язык вошел вариант a fine mess. Характерная особенность цитат, вошедших в язык, – они часто используются в названиях фильмов. В 1986 г. вышел фильм *A Fine Mess*. (Codep-жане: *Spence and Dennis are a couple of losers who work odd jobs, while awaiting their big break. One day, Spence overhears some mobsters planning to dope a horse at the racetrack. Sure-fire way to make some dough, right? Wrong! Because the gangsters find out that Spence knows their secret – and they’ll do anything to shut him up.*) Как видим, здесь просматривается тема «непредвиденных последствий».

Поиск в Интернете позволил найти несколько статей, названных Another Fine Mess (например, об истории свержения иранского правительства в 1953 году, по-

следствиях американского вторжения в Ирак, злоклучениях британской монархии). В Новом БАРСе приводится пример *You made a fine mess of my watch* (Ну и починил же ты/во что ты превратил мои часы!) Но не приводится значение, существующее, на мой взгляд, уже как отдельное («собачья кучка»). С учетом этого можно предложить такой перевод первоначальной фразы: Ну и вяпался/влип/»вступил» же я по твоей милости (из-за тебя). Конечно, возможны и другие варианты («втянул же ты меня в историю», «связался же я с тобой себе на беду» и т.п.)

Наконец, встречаются выражения, которые одними воспринимаются как цитата, другими – как фразеологизм, третьими – как обычное предложение. Шекспировскую фразу *to protest too much* я не нашел в большинстве словарей цитат. Автор статьи в «Нью-Йорк таймс» о полемике в связи с телефильмом о Рональде Рейгане употребляет это выражение вполне осмысленно и, конечно, знает, что это цитата: *If there was one consistent theme to 90 percent of the outrage over a mini-series that no one outside CBS (including me) has seen, it was focused on a single line about AIDS attributed to Ronald Reagan: “They that live in sin shall die in sin.” The screenwriter of “The Reagans” admitted to The New York Times that she had no source for the line and it was cut. Yet even after it was cut, those on the attack kept harping on it more than any other element in the unseen film. Why? It was the syndrome of protesting too much, methinks. There’s no evidence to suggest that Reagan was a bigot, but even so, he did say things similar to that jettisoned sentence.* Явный признак знакомства с источником – архаичное *methinks*. Указание на источник можно найти, например, на сайте GoEnglish.com: *To “protest too much” is to insist so strongly about something not being true that people begin to suspect maybe it is true. Example: “You do like that girl, don’t you?” Answer: “No! I don’t!*

Анализ практики

Not at all! Why do you think so?" Reply: "You protest too much." "Protest too much" comes from Hamlet by William Shakespeare; the Queen speaking: "The lady doth protest too much, methinks." (Note: people do not usually use the word "methinks" when they are speaking English today.) To "protest too much" is to insist so passionately about something not being true that people suspect the opposite of what you are saying. Example: "Do you think he is telling the truth?" Answer: "I think he protests too much."

Еще одно определение: *To protest too much, which is what Hamlet's mother describes the remarriage-forswearing player Queen as doing, is to vociferously insist on the opposite of what is actually true (Merriam Webster's Word for the Wise).* Как видим, здесь два главных смысловых компонента: «слишком старается» и «что-то тут не так (говорящий неискренен)».

В некоторых случаях эта фраза употребляется так, что, хотя и ясно, что автором вполне осмыслены эти смысловые компоненты, неизвестно, известен ли ему источник цитаты. В других же случаях — и это самое трудное для переводчика — имеет место игра слов: protest, употребляемое в источнике в значении «уверять», «настойчиво заявлять», одновременно означает и «протестовать»: *Protesting Too Much. Anti-globalization fizzles in D.C. (theamericanscene.com) Protesting too much. The anti-war camp is wrong. It's not the supporters, but the radical opponents of this war who are shameless opportunists, writes Sion Simon MP (The Guardian).* — В общем, «подозрительное рвение протестующих». «Цитатность» здесь вроде бы очевидна, но в переводе не удается передать ни ее, ни игру слов, которая позволяет авторам убить сразу двух зайцев: дать понять, что протестующие заходят слишком далеко, и в то же время — ведут себя не вполне искренне, преследуя свои корыстные политические цели.

Разумеется, сказанное в отношении английских цитат верно и в отношении русских. Для русских текстов «интертекстуальность» не менее характерна. Так, в последнее время нередко встречается выражение «[нужно] подморозить Россию». Эта цитата иногда осознается как таковая (хотя часто она приписывается Победоносцеву, а не ее автору К. Леонтьеву). Но это происходит не всегда, и тогда цитата превращается в своеобразный фразеологизм с объемом коннотаций, зависящим от эрудиции читателя. Слово «подморозить» встречается в современных русских текстах чаще всего именно в этом сочетании. Заслуживает ли оно включения в словари? Во всяком случае, перевод и в этом случае неочевиден. Варианты с *freeze (up)* не подходят, потому что предполагают более «глубокую заморозку». Может быть, *to chill Russia? Russia needs to be chilled (a bit)? To give Russia a chill?* Думаю, путаницы с новомодным значением *to chill (to chill out — расслабляться, «оттягиваться»)* здесь не будет.

Пример высказывания с использованием и обыгрыванием этой цитаты (но без указания источника) в комментарии обозревателя радио «Свобода» Анатолия Стреляного по поводу отставки президента Ельцина: «Он оставляет команду молодых серьезных людей, которые в состоянии справиться с нацистами, с народной завистью, команду, способную подморозить Россию воров, бездельников и самодуров, но есть признаки, что эта же команда может прихватить морозом и другую Россию — просвещенную, благородную Россию Андрея Сахарова. Обоюдоострое наследство!..» В первом случае я предпочел бы *...to rein in the Russia of thieves, loafers and bullies.* А во втором можно вернуться к «морозной» метафоре: *there are signs that the actions of this team could have a chilling effect on the other Russia...* Конечно, в этом переводе утра-

чивается развитие метафоры, но, на мой взгляд, это разумная «жертва качества» ради того, чтобы перевод был идиоматичным и «звучал» — мне кажется, что попытка передать стилистический изыск автора сделала бы перевод тяжеловесным.

Совсем иная аллюзия в сенсационной книге Елены Трегубовой «Записки кремлевского диггера»: «Очень скоро я вообще запуталась, кто же из нас на кого больше влияет в этих «опасных связях» — журналисты — на ньюсмейкеров или, наоборот, ньюсмейкеры — на журналистов». Здесь намек — то ли на название романа Шодерло де Лакло, то ли на одноименный голливудский фильм с Гленн Клоуз в главной роли. Знание этого позволяет избежать пресного перевода *dangerous connections* и выбрать точный — *dangerous liaisons* (интересно, что первоначальный вариант перевода названия романа — *Dangerous Acquaintances*, но сейчас закрепились *liaisons*).

Широко известный и переизданный недавно «Русско-английский словарь крылатых слов» И. Уолш и В. Беркова содержит немало цитат и интересные, хотя, на мой взгляд, не всегда достаточно яркие и идиоматичные попытки их перевода. В книге «Мой несистематический словарь» я постарался дополнить содержащийся там материал, предложить свои переводы. Но мне кажется актуальной и вполне выполнимой задача постоянного обновления этого издания и через Интернет. А что касается англо-русской комбинации, то готовится к изданию работа Т. Клюкиной, М.Клюкиной-Витюк и В. Ланчикова под рабочим названием «Политика и крылатика. Сборник цитат политических, государственных и общественных деятелей Великобритании, Ирландии, США и Канады».

И последнее. Электронные словари дают новые возможности и в плане отражения такого материала, и в плане его обновления. В принципе можно представить себе два варианта. Первый: поскольку в принципе ограничений на объем словарной статьи в электронном виде нет, можно раздвинуть ее границы за счет включения лингвострановедческих сведений, цитат разной «степени зрелости» и т.п. И второй вариант: отдельный словарь цитат, включенный в «пакет» с общезыковым переводным словарем. Возможна, наверное, и какая-то комбинация двух вариантов. И все же мне представляется интересными с теоретической и с практической точки зрения вопрос о том, когда происходит фразеологизация цитат. Видимо, решается он в каждом отдельном случае индивидуально. Мое личное мнение состоит в том, что цитаты-фразеологизмы надо активнее включать в общезыковые словари.

Об искусстве перевода

Если всякий перевод на другой язык не есть простое повторение мысли, а её новое постижение, то про художественный перевод это приходится сказать в исключительной степени.

(С.Н. Булгаков)

Размах крыльев, или Как не потерять первоисточник цитаты

В. Ланчиков

В январе 2003 года один российский политик, давая интервью радиостанции «Би-Би-Си», заключил его таким, не говоря худого слова, смелым утверждением: «Как сказал поэт, все возвращается на круги свои».

Спора нет, «Книга Екклесиаст, или Проповедник» — произведение редкой поэтической силы. Но на этом основании называть царя Соломона «поэтом» — значит недооценить некоторые другие его заслуги. Сам того не желая, политик уподобился автору, упомянутому в книге С. Волконского «Разговоры» (1912 г.): автор не где-нибудь, а в богословском труде написал: «Как гласит французская пословица, — никто не пророк в своем отечестве».

Впрочем, права гражданства той или иной народной мудрости отечественные политики тоже подчас раздают по своему вкусу. В 1998 г. другой политик — вернее, деятель искусства, подавшийся в политику, — на вопрос журналиста, намерен ли он претендовать на пост президента, ответил: «В России говорят: человек предполагает, а Бог располагает».

Эта «русская народная мудрость» хорошо известна и во Франции (“L’homme propose, Dieu dispose”), и в Англии (“Man proposes but God disposes”), в Италии (“L’uomo propone, e Dio dispone”) и во многих других странах. Источником ее считается изречение из трактата немецкого богослова XIV-XV вв. Фомы Кем-

пийского «О подражании Христу»: “Homo proponit, sed Deus desponit”. И уснащать это выражение справкой: «В России говорят» — все равно что становиться на позиции «Любителя западных литератур» из фельетона русского журналиста и критика XIX в. Б. Алмазова «Сон по случаю одной комедии»: «Изо всех русских народных пословиц мне нравится только одна: “У всякого барона своя фантазия”».

Оговорки? Мелочь? Как сказать. Кому-кому, а политикам — людям, с которых, как еще принято думать, за их слова спросится больше, чем с прочих смертных, — не грех иной раз вспомнить об источнике полюбившегося им выражения. А то как бы конфуза не вышло. Слышишь, бывало, в очередной раз произнесенное с трибуны: «Не ошибается тот, кто ничего не делает», и диву даешься широте взглядов оратора: минуту назад костил коммунистов — и вдруг вот так сочувственно цитирует Ленина. Хотелось бы только уточнить: речь идет об ошибках того же порядка, что и те, о которых в июне 1918 г. говорил Ленин на V Съезде рабочих, крестьянских и солдатских депутатов? (Именно тогда и прозвучало: «Не ошибается тот, кто ничего практически не делает»).

После такого не очень-то удивляешься и неожиданной новости: «Если хочешь мира, готовься к войне, как говорил мольтеровский Тартюф». (Справка

для литературоведов: это сенсационное открытие было сделано на заседании Государственной Думы 7 апреля 1998 г.)

Умолчу о том, кому, как и с какой стати приписывают цитаты журналисты. «Не будем вспоминать о печалях», как говорил булгаковский Лариосик.

В полуоправдание любителей приписывать крылатые выражения наобум, можно заметить, что проследить траекторию перелета этих речений от автора к автору, из языка в язык, из культуры в культуру — дело непростое. Разумеется, Тартюф ничего подобного не произносил — чтобы убедиться, достаточно прочесть комедию Мольера. Но кого считать истинным автором приведенной фразы? Цицерона («Если мы хотим пользоваться миром, приходится воевать» — «Филиппики», VII, 6, 19)? Корнелия Непота («Мир создается войной» — «Эпаминонд», 5, 4)? Флавия Вегеция («Кто желает мира, пусть готовится к войне» — «Краткое изложение военного дела», вступление, 3)?

Вопрос: «Кто первый сказал: “Э!”» можно было бы посчитать надуманным, если бы цитатчики не норовили для солидности ссылаться на источник. В лингвистике вопрос о происхождении и бытовании подобных выражений затрагивался не раз (недавний пример — вышедшая в 2002 г. содержательная монография С.Г. Шулежковой «Крылатые выражения русского языка, их история и развитие»). Но история возникновения и кочевания таких речений бывает интересна и сама по себе, без научного осмысления.

Возьмем хорошо известное в англоязычных странах высказывание британского историка Дж. Э. Эктона (1834–1902): “The ship exists for the sake of the passengers” — «Корабль существует для пассажиров». Образная основа выражения очевидна: корабль стал символом государства еще в античности. И при учете этого обстоятельства не так удивительно,

что сходное выражение встречается в статье В.В. Розанова «Речь из “Речи”» («Новое время», 7 марта 1907 г.): «Русская оппозиция русскому правительству нам вовсе не претит, как естественное выражение двух точек зрения на одно и то же дело: точки зрения, так сказать, помещающейся внутри государственной машины, и точки зрения, разлитой в самосознании и самочувствии русского народа и общества. На плывущем корабле важно мнение капитана и команды, но важен, очень важен, кроме того, и голос нужды, опасения и удобства пассажиров, ибо в конце концов корабль плавает именно для них».

Что Розанов заимствовал образ из афоризма англичанина, маловероятно: в начале XX в. барон Эктон в России был не так уж хорошо известен. (Собственно говоря, и сегодня из его высказываний у нас неустанно цитируется лишь одно: «Власть имеет свойство развращать, а абсолютная власть развращает абсолютно» — “Power tends to corrupt and absolute power corrupts absolutely”.) Дело тут, скорее всего, именно в общем для двух культур — британской и русской — классическом первоисточнике образа.

Гораздо любопытнее история другого выражения: «Варвара мне тетка, а правда сестра». Сегодня уже забытая, эта пословица в XIX в. была очень и очень употребительна. Включил ее в собрание «Пословицы и поговорки русского народа» В.И. Даль.

Правда, кое-кто из современников Даля еще помнил, что это выражение имеет литературный источник. Причем не русский.

Знаменитый комический актер и драматург П.А. Каратыгин в своих «Записках» рассказывает про обстоятельства постановки своего водевиля «Знакомые незнакомцы» (1830), в котором в образе петербургского журналиста Сарказмова выведен недоброй памяти Ф.В. Булгарин.

Анализ практики

После премьеры, встретив автора на Невском, Булгарин заметил: «Я не видал еще вашей пьесы, но люди, которым я верю, ее хвалят; я на днях непременно пойду посмотреть ее и сам напишу о ней статью, только уж не прогневайтесь, какая случится, в литературном деле у меня нет ни свата ни брата; мне тетка – Варвара, а правда – сестра».

Последнюю фразу Булгарина Каратыгин снабдил сноской, где, как истинный водевилист, не удержался от каламбура: «Это была любимая его поговорка (из романа Свифта). Не знаю, была ли у него тетка Варвара, но что касается до сестры, так об этом бабушка надвое говорила».

Атрибуция Каратыгина верна лишь отчасти: источник выражения действительно английский роман XVIII в., но только автор его не Свифт, а Л. Стерн. Исходную цитату (правда, во французском переводе) можно найти в классическом труде М. И. Михельсона «Русская мысль и речь»: “Dinach était ma tante, mais la vérité est ma soeur. (Sterne)”.

Теперь установить источник совсем просто. Это фраза из романа «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» (I, 21): “Amicus Plato, my father would say, construing the words to my uncle Toby, as he went along, Amicus Plato; that is, DINACH was my aunt; – sed magis amica veritas – but TRUTH is my sister”. В переводе А. Франковского: «– Amicus Plato, – говорил обыкновенно мой отец, толкуя свою цитату, слово за словом, дяде Тоби, – amicus Plato (то есть Дина была моей теткой), sed magis amica veritas – (но истина моя сестра)».

Таким образом, у тетки Варвары имелся прадедушка Платон. (Латинское выражение “Amicus Plato sed magis amica veritas” – «Платон мне друг, но истина еще больший друг» восходит к книге Аммония «Жизнь Аристотеля» и представляет собой краткое выражение мысли, содержащейся в аристотелевой «Никома-

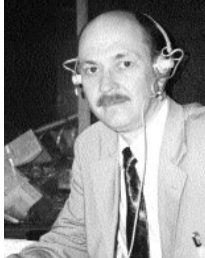
ховой этике»: «Ради соблюдения истины мы должны отклонить и то, что близко нашему сердцу: нам дорого и то и другое, но наш долг – отдать предпочтение истине». Речь идет о платоновском учении об идеях.)

Остается прояснить одно: когда же Дина превратилась в Варвару. Первый полный русский перевод «Тристрама Шенди» (выполненный Н. Кайсаровым) был опубликован в 1804-1807, отрывки из романа переводились еще в XVIII в. Скорее всего, в одном из этих переводов героиня и поменяла слишком в ту пору экзотическое для русского уха имя на более привычное. (Подобные замены имен второстепенных персонажей в то время не противоречили представлениям о норме перевода.)

Но каков размах крыльев оказался у выражения: от Аристотеля до Булгарина! И если подойти к нему не со стороны формы, а со стороны содержания, то его история неплохо подтверждает справедливость наблюдений Е. Баратынского:

«Сначала мысль воплощена
В поэму сжатую поэта,
Как дева юная, темна
Для невнимательного света;
Потом, осмелившись, она
Уже увертлива, речиста,
Со всех сторон своих видна,
Как искушенная жена
В свободной прозе романиста;
Болтуня старая, затем
Она, подъявля крик нахальный,
Плодит в полемике журнальной
Давно уж ведомое всем».

И это действительно: «Как сказал поэт».

Имена и названия в переводе Из переписки

Д. Ермолович

После выхода в свет моей книжки «Имена собственные на стыке языков и культур» (изд. «Р.Валент», 2001), где на последней странице был указан мой Интернет-адрес (rgorer_names@yahoo.com), я получил по электронной почте некоторое число писем от читателей. Одни высказывали мнения и пожелания, другие спрашивали совета.

Вопросы, которые задавали мне студенты гуманитарных вузов, были весьма неординарны и сопровождались интересным языковым материалом. Я с удовольствием вступил в переписку с начинающими переводчиками. По-моему, тема имен и названий в переводе просто неисчерпаема. Уверен, что с этими проблемами сталкиваются практически все читатели нашего журнала. Поэтому я решил опубликовать выдержки из моей переписки на тему о переводе текстов, в которых имена и названия вызывали у переводчика трудности.

Помрэ ли он?

Это письмо прислала мне студентка 5 курса Елена:

*Здравствуйте, уважаемый
Дмитрий Иванович,*

С большим удовольствием прочитала Вашу книгу «Имена собственные на стыке языков и культур». I liked it immensely. С вопросами, которые Вы рассмотрели в книге, я по-настоящему столкнулась в прошлом году при написании курсовой.

Сейчас занимаюсь написанием диплома.

Я имею дело с большим количеством имен собственных. На Интернет, как Вы сами пишете, полагаться не всегда можно. В работе мне очень помогли таблицы практической транскрипции, которые Вы разместили в конце книги, а также ваш словарь персоналий (особенно его дополнение). У меня много вопросов, которые я хотела бы Вам задать как специалисту в этой области, оказывающейся вне сферы внимания многих пособий по теории перевода. Я выбрала некоторые из них и была бы очень признательна Вам, если бы получила на них ответ:

*В научном тексте (New Scientist) мне встретились имена **Guy Poppy** и **David de Pomerai**. Как Вы считаете, их фамилии звучат комично? Следует ли мне изменить их или я не имею на это права (в связи с тем, что это имена ученых, а не художественная литература, где все герои вымышленные)?*

Забавно, я как-то даже не сразу понял, почему имена Poppy и de Pomerai могут звучать комично. Потом сообразил: наверно, потому, что Poppy похоже на слово *попа*, а Pomerai звучит как украинское *помрэ* — «помрет, скончается». Действительно, в своей книге я писал о том, что нужно задумываться об эвфонии (благозвучии) имени собственного при передаче его на русский язык, — но

Анализ практики

прежде всего тогда, когда нужно избежать крайне непристойного или оскорбительного звучания.

Однако изменение фамилии при передаче на другой язык, особенно в информационном или научном тексте, — это прием, к которому прибегают только в самых крайних случаях. Примеры этого я приводил в своей книге: например, в советские времена фамилию члена Политбюро Шитикова наши информационные агентства передавали по-английски как Chitikov, а не как Shitikov во избежание ассоциаций с вульгарным словом.

Ну, а если нежелательная ассоциация не столь серьезна, то это меньшая потеря, чем искажение имени. Кроме того, такие ассоциации возникают не у всех и обычно ненадолго. Разве они приходят нам на ум, когда мы читаем сказку «Мэри Поппинс» или смотрим поставленные по ней фильмы? Или когда мы слышим фамилию *Попов*? Кстати, в Молдавии очень распространена фамилия *Пона* (этимологически родственная греческому *παπας* «священник», русскому *поп* и тем самым фамилии *Попов*), и она ни у кого не вызывает никаких лишних ассоциаций.

Вот что я ответил Елене:

Здравствуйте, Елена. Спасибо за добрые слова о моей книге и словаре. Мне не кажется звучание этих фамилий очень уж комичным, но даже если это и так, то изменять их я не стал бы. (Об этом еще можно было бы подумать, если б они звучали неприлично). Иначе Вы запутаете ученых, им будет трудно, скажем, искать книги и статьи этих людей в библиотеке и т.п.

В том же письме Елена задала мне такой вопрос:

*Я не знаю, как перевести имя ученого из Канады **Ulrike Lohman** (Улрик Ломан, Алрик или Ульрик?). В словаре имен Рыбакина есть имя **Ulrica** (женское), а меня интересует мужское, да и пишется оно по-другому, но в конце его словарной*

*статьи написано: ср. нем. **Ulrike**. Значит, это одно и то же? Какой же вариант все-таки оставить?*

Здесь Елена ошиблась, приняв женское имя за мужское. Я написал ей:

Уверены ли Вы, что это мужчина? **Ulrike** — распространенное немецкое женское имя, и передается оно как **Ульрике**. (Соответствующее мужское имя — **Ulrich Ульрих**).

*И последний вопрос: не знаю, как быть с греческим именем еще одного ученого **Kessar (Alexopoulos)** — **Кессарь** (в энциклопедическом словаре написано, что это старославянская и древнерусская передача римского имени и императорского титула **Caesar**) или **Кессарь** (так как при переводе имен нельзя терять удвоенные согласные) или все-таки передать известным всем именем **Цезарь (Алексопулос)**?*

Что Вы посоветуете?

Ответ: Ни в коем случае не «Цезарь», ведь это только в латинском языке стало произноситься как [ц] в позднеримский период, а в греческом языке подобного явления не было. Я бы передал имя, следуя греческой норме: **Кессар Алексопулос**. Заметьте, **-poulos** по-русски всегда **-пулос**. В греческом языке здесь стоит сочетание букв *ου* («омикрон+ипсилон»), которое всегда читается как [у]. Рад, если помог Вам.

Кэгни и Шалтай-Болтай

Вот письмо, которое я получил от Алексея, студента 4-го курса факультета иностранных языков одного из вузов.

Здравствуйте, Дмитрий Иванович. Переводя для курсовой работы короткие рассказы, я встретился со сложностями, описанными в вашей замечательной книге «Имена собственные...». Дело в том, что в приведенном ниже абзаце первое имя, как мне кажется, требует описательного перевода, а второе его не требует.

He's a little Scotsman, feisty, round as a ball, with short legs. It's impossible to imagine him in the Navy, though he was. Of course, he was thinner then. In those days he looked like **Cagney**; today he looks like **Humpty Dumpty**. His waist size, as my mother complains to anyone who will listen, is almost the same as his height. He doesn't buy new clothes often.

Рабочий перевод:

...До сих пор с трудом верится в то, что он служил на флоте. Правда, тогда он был постройнее и смахивал на **Кэгни**; сейчас же он вылитый **Шалтай-Болтай**.

Что делать? Давать на первое имя сноску, что, мол, это актер такой? Пока ограничился сноской. Но это плохое решение. Надеюсь на ваш совет.

Мой ответ Алексею:

Спасибо за добрые слова в адрес моей книжки. Боюсь, что в приведенном Вами случае есть только два решения.

Первый вариант, как Вы правильно отметили, — сноска. В ней Вы сможете дать более или менее подробное описание киноактера Джеймса Кэгни и привести даты его жизни — кстати, если Вы себе его не представляете, то наверняка найдете его фото в Интернете: он невысокого роста, плотного телосложения с круглым большеглазым лицом.

Второй вариант — включение в текст перевода пояснительных элементов, примерно так:

«...тогда он был просто плотным, как киноактер Кэгни... а сейчас совершенно округлился, как Шалтай-Болтай».

В этом случае сноска не нужна, даже если читатель никогда не слышал о Кэгни. Однако в комментарии к Вашей курсовой работе я посоветовал бы дать о нем справку.

В ответном письме Алексей поблагодарил меня за совет и добавил, что ему

Джеймс Кэгни
(James Cagney)

очень понравился вариант с «округлением». Чтобы читатели, не знакомые с упомянутыми персоналиями, могли лучше представить себе, о ком идет речь, публикуем фотографию американского киноактера Джеймса Кэгни и рисунок, изображающий Шалтая-Болтая из «Алисы в Зазеркалье».

Шалтай-Болтай (Humpty Dumpty)

Поцелуй в Cinema Paradiso и «Всемирный магазин»

Наша переписка с Алексеем продолжилась. Спустя какое-то время он прислал мне письмо с еще одним вопросом.

Здравствуйте, Дмитрий Иванович. Прошу прощения за назойливость. Дело в том, что в переводе мне встретился случай «кинонима» (извините за ненаучность термина), который, как мне кажется, представляет определенный интерес и сложность.

Анализ практики

While he stood there ten stories above the Brooklyn alley..., the towers' distant absence seemed a light throwing a shadow behind him, a weak shadow, but inextricable from his presence—the price, it could be said, of his living presence...

“Amazing,” his daughter said, seeking to read his thoughts, “how the not-thereness remains so haunting. Sometimes you still see them in old ads, where the admen haven't noticed or taken the trouble to airbrush them out of the background, and it's a thrill. It feels illicit. A lot of these yuppie movies and TV serials have a glimpse of the towers, from SoHo or the Staten Island ferry or wherever, and now they've been collected on a tape, like the kisses in Cinema Paradiso. They've become a kind of cult.”

И дело тут даже не в переводе названия фильма (Cinema Paradiso, 1988 год), а в том, какую смысловую нагрузку он несет. Идея моего текста в том, что прошло вот уже полгода (на тот момент) со времени терактов 11 сентября, а небоскребы все еще заметны в рекламе и других съемках, как призраки, везде сопровождая героя. То есть flashbacks, которые были в Cinema Paradiso. “Most of Cinema Paradiso is told through flashbacks”, и в этом главная идея, перекликающаяся с моим текстом.

Сноска здесь, на мой взгляд, неуместна, просто потому что в ней невозможно будет передать тот образ, который у американцев (хотя я не уверен) возникает при упоминании этого фильма. Мне кажется, что у русских читателей и зрителей, кроме небольшой группы людей, Cinema Paradiso таких ассоциаций не вызовет.

Честно говоря, даже и не знаю, что делать. Опускать название... думаю, я не в праве это делать, так как такие, на первый взгляд, мелочи и формируют текст. К тому же там еще и “kisses”. Очень рассчитываю на Вашу помощь.

Надо признать, что текст, который прислал мне Алексей, действительно сложный и требует знания реалий. В нем важную роль играет сюжет фильма Cinema Paradiso. К счастью, у переводчика, который не видел этот фильм, есть возможность навести справки о нем в Интернете и выяснить сюжетную линию. Она заключается в том, что некий священник в небольшом городке выступал в качестве местного цензора и перед показом фильмов в кинотеатре вырезал из них сцены с поцелуями. А спустя много лет ему подарили пленку, куда были записаны все вырезанные им отрывки, то есть фильм из одних поцелуев. Вот что я написал Алексею:

Алеша, по-моему, Вы усложняете проблему.

Из Вашего текста вытекает, что кто-то сделал подборку кадров из фильмов, в которых засняты отсутствующие ныне башни-близнецы (World Trade Center). Эти фрагменты объединены в одном ролике аналогично тому, как в фильме Cinema Paradiso кто-то подарил цензору ролик со всеми вырезанными им кадрами поцелуев.

Я не смотрел этого фильма, но, насколько я могу судить, flashbacks (то есть вставка сцен из прошлого с нарушением хронологического порядка следования эпизодов) не имеют к этой аналогии особого отношения.

Мне кажется, в переводе не нужно ничего опускать или переделывать, ведь речь именно об этом ролике и об эпизоде из фильма Cinema Paradiso, а то, что мало кто из читателей видел данный

фильм, никак не предполагает перекройки авторского текста. Но сноску (комментарий) с кратким разъяснением «поцелуев» дать следует.

Вообще не надо так уж бояться сносок. Вспомните перевод романа Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи», выполненный Р. Райт-Ковалевой, ведь в нем передача многих реалий и персоналий не обошлась без сносок, но несмотря на это ее работа признана выдающимся достижением в сфере художественного перевода.

P.s. В связи с Вашим письмом вспомнилось, что трагедия с WTC связана с одной из застарелых журналистско-переводческих ошибок, о которой, я надеюсь, Вы знаете: ведь «Всемирный торговый центр» это неверный перевод названия **World Trade Center**, а правильный — «**Центр международной торговли**». Такие центры — это просто офисные или офисно-гостиничные комплексы, оснащенные условиями для ведения коммерческих переговоров и системами связи. Они существуют во многих крупных городах разных стран, нередко там размещается офис местной Торгово-промышленной палаты (Chamber of Commerce and Industry). Есть такой центр и в Москве, на Красной Пресне. Если замечали, то на нашем, московском, ЦМТ висит и его название по-английски — World Trade Center.

Добавлю для читателей журнала: по-русски *торговый центр* означает просто большой магазин, что соответствует по-английски выражению *shopping center* (а в Америке также именуется словом *mall*). Ошибка переводчиков связана с неверным пониманием синтаксиса названия: *world* относится не к *center*, а к *trade*, и уже словосочетание *world trade* *международная торговля* определяет существительное *center*.

Думаю, что у неискушенных русских читателей и слушателей выражение «Все-

мирный торговый центр» рисует в воображении огромный универмаг, который почему-то считается «всемирным» — ну, может быть, он самый большой и самый главный, думают они. Вдумайтесь: ведь «Всемирный торговый центр» — это по сути то же самое, что «Всемирный магазин». Не абсурд ли?

Возможно, читатели журнала возразят мне: ну что же теперь делать? Ведь все уже привыкли к тому, что трагедия 11 сентября 2001 года в Америке разрушила «Всемирный торговый центр», а не «Центр международной торговли». Пусть это ошибочный перевод, но он уже устоялся.

И все же: не принимайте результат журналистской безалаберности за свершившийся факт! Не миритесь с ошибкой! Кому, как не нам, переводчикам, такие ошибки исправлять? На нашей стороне — и факты реальной жизни (Центр международной торговли в Москве, о котором я уже сказал), и авторитетные справочники — например, англо-русский словарь-энциклопедия *Americana*. (Кстати, он вышел задолго до трагедии в Нью-Йорке. И что стоило журналистам туда заглянуть?) Если мы осознаем ошибку сами, то коллективными усилиями сможем ее исправить.

Вот, кстати, реакция Алексея:

Спасибо за предостережение насчет ВТЦ. Честно говоря, я не знал, что это ошибка, уж больно часто это название фигурировало в печати и на ТВ, хотя это, конечно, ни о чем не говорит. Officer — у нас тоже везде «офицерами» называют. Я какое-то время выбирал между двумя вариантами: ВТЦ и предложенным в «Американе» — правильным, как сейчас выяснилось. Я выбрал ВТЦ только потому, что мне больше понравилось по звучанию, но теперь буду менять.

Terms for Describing Terrorism

Lynn Visson

Since in today's world newspapers, radio and television programs around the globe are all too often filled with accounts of terrorist attacks, suicide bombings and other such horrific acts, the Russian-English/ English-Russian translator or interpreter is well advised to have a variety of synonyms in his active linguistic baggage. "Shocking," a word commonly used to describe terrorist acts, can be supplemented or replaced by a wide variety of negative adjectives such as "abominable," (*отвратительный*), "appalling" (*жуткий*), "atrocious" (*зверский, гнусный*), "brutal" (*жестокий*), "frightful" (*ужасный, страшный*), "hateful" (*ненавистный*), "heinous" (*омерзительный*), "hideous" (*безобразный*), "horrible" (*ужасный*), "monstrous" (*чудовищный*), "obnoxious" (*противный, несносный*), "odious" (*ненавистный, противный*), "outrageous" (*безобразный, возмутительный*), "repugnant," (*отвратительный*), "repulsive" (*отталкивающий*), "sickening" (*тошнотворный*), "terrible" (*страшный, ужасный*), "vile" (*гнусный*). Another useful word is "unspeakable" – "unspeakable acts" imply actions so awful that one is loath to even talk of them. These deeds may also be "brazen" (*дерзкие*). A common Russian adjective describing such acts is *коварный*, as in *коварная изощренность террористов*. While the dictionary defines *коварный* as "treacherous" or "perfidious," in many contexts these may not be appropriate translations. In the given phrase, "the

insidious" or "fiendish" sophistication of the terrorists would successfully render the phrase's meaning.

"Reprehensible" implies something which is both *предосудительный* and *отвратительный* – "revolting." "Disgusting" is somewhat too colloquial for such situations. And the correct adjective to render *варварский* is "barbaric," not "barbarian," as in "barbaric bombings" or "the barbaric and sick individuals who committed these acts."

The individual who carries out such acts is the "perpetrator," and he "commits," "carries out" or "perpetrates" his evil deeds. The individuals who order him to do so, *заказчики* or *зачинщики* are the "masterminds," "ringleaders" or "instigators" of violence. While the word *бандиты* often comes up in reference to terrorists, the English word "bandits" should be avoided. A far better translation is "thug;" the *пособники* or *приспешники* of terrorists are their "henchmen," "accomplices," or "those who aid and abet terrorists." *Преступные банды террористов* is better translated as "criminal gangs" than as "bands." Но *дело* ("cause") can justify the actions of any *заблудившиеся* ("misguided," "deluded") individuals, would-be martyrs (*мученики*) or fanatics.

While *сильный и беспощадный враг*, as terrorists are often called, can be translated as "a strong and merciless enemy," "ruthless" is a more idiomatic translation of

беспощадный, and a very useful word to describe someone who has no scruples/moral principles/will stop at nothing/will not shrink/shirk from perpetrating any kind of terrorist act.

Вопрос о дальнейшей активизации и повышении сотрудничества в борьбе с терроризмом is the “vital,” “critically important” or “crucial” issue of the continuous/continued further revitalization (“activation” is not a good choice here) of effective cooperation in combating terrorism.” *Борьба с терроризмом* can be rendered in several ways: the war on terrorism/campaign against terrorism/struggle/fight against terrorism. And *решение приоритетной задачи борьбы с терроризмом* can be rendered as “the high(est) priority objective of resolving (not solving!) the challenge/issue/problem of the fight/struggle against terrorism.”

Террористические акты, потрясшие мир, are acts which “shocked,” “stunned,” “rocked,” or “convulsed” the world, or “made the world reel.” While *террористические очаги* are often translated as “hotbeds” or “flashpoints” of terrorism, in some contexts these can be “strongholds» or “bastions.”

We often hear about the *главное условие успеха* – “the key to” or “prerequisite for” success in the war on terrorism. *Враг* – “enemy/adversary/opponent” – *далеко не сломлен* – “has by no means/has not yet been defeated/conquered/smashed.” The forces of evil *рвутся к обладанию оружием массового уничтожения* – “are (desperately) trying/eager/out/to acquire weapons of mass destruction.” There are also *многочисленные неопровержимые доказательства* – “a great deal of/a plethora of/incontrovertible/irrefutable evidence” regarding terrorist activities.

Терроризм нужно полностью искоренить/ликвидировать can be translated as “Terrorism must be eliminated/destroyed/

wiped out/ended.” This also requires putting an end to its *питательная среда*, or “breeding grounds.” *Совместные усилия* – “joint” or “common» efforts are needed to defeat the terrorists, and those involved in this struggle must “pool” or “unite” (not “share”) their efforts. What is required is a *комплексный подход к противодействию терроризму*. Better than a “comprehensive” approach would be “multipronged” or “multifaceted.” Also needed are *решительные, сплоченные и выверенные действия международного сообщества* – “vigorous/resolute (much better than “firm”), united and considered actions on the part of the international community.” As the Russian Minister of Foreign Affairs Igor Ivanov stated in his speech to the UN Security Council in January, 2003.

Использование методов террора ставит крест на политических амбициях тех, кто этим занимается, однозначно превращает их в преступников и подлинных изгоев. Не может быть никакого оправдания их действиям. И сами мы должны действовать в отношении их соответственно: преступники обязаны нести наказание за содеянное.

The translator here is presented with plenty of interesting possibilities. The use of terror can either “doom” or “put an end to” the political “strivings” (better than “ambitions”) of those engaged/involved in terrorism, and (“and” is necessary in English!) clearly/unequivocally/stamps/marks/brands them as criminals and utter/absolute pariahs/the lowest of the low/places them beyond the pale. There can be no justification (whatever) for their actions. And we must take appropriate action against them: the criminals must be punished/punishment must be meted out for their actions (or, much better) – for what they have wrought. In other words, they cannot be allowed to act *безнаказанно* – “with

Анализ практики

impunity.” Terrorists must not be allowed to *уйти от правосудия* – “to escape from justice.”

Those who *укрывают террористов*, “harbor/give refuge” to terrorists must also be punished. As the Foreign Minister pointed out in his speech: «для России укрепление международной солидарности в борьбе с терроризмом – не дань политической риторике». For Russia, strengthening/consolidating international solidarity/unity in the war on/campaign/fight against terrorism is not empty rhetoric/hollow platitudes/mere political gesturing/lip service/mere verbiage. All those who are fighting terrorism must *питать надежду* – “harbor/cherish the hope” that terrorism will be eliminated.

And the translator/interpreter must take care to keep abreast of the growing vocabulary of political, military and humanitarian terminology so frequently used in discussion of this scourge of the twenty-first century.

oggi bisogna chiarire che tutti devono rispettare le leggi del Paese» – «Надо всем дать понять, что все должны соблюдать законы своей страны». Как выяснили «Известия» в московском бюро газеты, автор вопроса, на который отвечал Путин, – корреспондент Фабрицио Драгосей не говорит по-русски, но на интервью с Путиным его сопровождал референт, владеющий русским языком. Понял ли журналист смысл ответа, неясно.

«Близко к тексту это можно перевести на итальянский язык так: «Tutti devono capire una volta per tutte che la legge va rispettata sempre e non solo quando ti prendono a calci nel sedere» – «Закон надо соблюдать всегда, а не только тогда, когда тебе дали пинка», – сказал «Известиям» заместитель главного редактора итальянского журнала «Фамилия Кристиана» Фульвио СКАЛЬОНЕ. – Существуют более точные выражения, но их никто и никогда в итальянской прессе не употребляет: они звучат слишком грубо».

Так что итальянская публика едва ли сможет понять, почему улыбаются (смущаются, возмущаются, качают головами) россияне, слушая своего президента.

Итальянцы, кстати, не исключение. «Известия» провели небольшое лингвистическое расследование и выяснили, что и на другие основные европейские языки фразу Путина было бы очень трудно перевести адекватно, сохранив юмор нашего президента.

Алена КОЖЕВНИКОВА – журналист и профессиональный переводчик. В 1991 году во время визита первого президента России в Лондон она работала синхронистом для Бориса Ельцина. «Эту фразу можно переводить по-разному, – сказала она «Известиям». – Совсем официально я бы перевела ее так: «The law should be observed always and not only when you have been caught» – «Закон должен соблюдаться всегда, а не только тогда, когда тебя поймали». Но все зависит от того, какая газета и кто конкретно переводит. В табloidных изданиях это может выглядеть и дословно, то есть «The law should be observed always and not only when you have been caught by the ass».

По мнению старшего преподавателя кафедры испанского языка МГИМО Натальи МАТЮШЕНКО, по-испански последняя часть фразы Путина звучала бы так: «...у solo en los momentos cuando te pillen» – «...а не только когда тебя застигают врасплох (ловят на месте преступления)».

Как считает переводчик Немецкого культурного центра имени Гете в Москве Татьяна МУХАМЕДИНОВА, в Германии лингвистический экзерсис российского президента могли бы перевести двумя способами. Первый, весьма резкий вариант звучал бы так: «...an den Pranger stellt» – «...поставят к позорному столбу», а второй, помягче: «...am Kragen (packt) bekommt» – «...возьмут за шкирку».

Так что насладиться очередным перлом Владимира Путина гражданам единой Европы вряд ли удалось бы. Да и не на них он был рассчитан.

(Известия 7.11.2003)

Дайджест

МЕСТА НАДО ЗНАТЬ

Наталья БАБАСЯН, Максим ЮСИН

В интервью итальянским журналистам Владимир Путин произнес фразу, которую телезрители, слышавшие выступление президента, мгновенно оценили: «Все должны раз и навсегда для себя понять – надо исполнять закон всегда, а не только тогда, когда схватили за одно место».

Проблема лишь в том, что очередная крылатая фраза российского лидера (сопоставимая разве что со знаменитым «мочить в сортире» и с предложением «сделать обрезание» французскому журналисту) на Западе осталась незамеченной. Выражение «схватить за одно место» очень трудно перевести на иностранные языки, сохраняя все нюансы, тотчас же приходящие на ум русскому.

В итоге в итальянской газете «Корriere делла сера», корреспондент которой присутствовал на встрече с Путиным, фраза о «местах» выглядела вполне невинно: «Invese

Пытки переводчика

М. Берди

Originally printed in The Moscow Times

Глюки: slang, from *галлюцинация* (hallucinations). Can mean “seeing things,” or can be a real malfunction in a computer, car or other machine. Can be translated as “glitch,” “problem” or “screw up.”

My car occasionally suffers from *глюки*. When the engine skips, this is a sign that there are *глюки* in the spark plugs or distributor. If not properly fixed, these can lead to *нюансики*. These are literally “little nuances” – small problems that have to be fine-tuned. I hate *нюансики*. They are much worse than *нюансы* – smaller and sneakier. I ask my mechanic if he fixed the problem and he says, “*Да, но есть нюансики. При быстрой акселерации может быть временный срыв в подаче тока.*” (*Yes, but there are some tiny problems. There might be a momentary break in the power supply with sudden acceleration.*) What does this really mean? My translation is something like this: you’re tooling along in the left lane at 80 kph. There’s a car on your right, and a Mercedes 600 SL coming up behind you fast. You decide to slip in front of the car on your right to let the Benz pass you. You hit the gas. The power outs. The superior power of the Mercedes propels you into the next world, where you are glad that you went to confession last week and paid up your life insurance premiums.

Глюки in the office are usually less life-threatening. But no less annoying. In a panicked call to your computer repairman

(*компьютерищик*) you can scream: “*Приезжай скорее! Компьютер глючит!*» (“*Come as soon as you can! My computer is screwing up!*”) You know the story: it’s 5 PM on the day you have to finish a 4 million dollar grant application. *Глюки* hit your computer and the fonts change every other line, the printer network has disappeared, and Outlook is experiencing the software equivalent of PMS (pre-menstrual syndrome). Sasha, my *компьютерищик*, who is a genius with anything that contains a microchip or integrated circuit, arrives to save the day. He grins, rubs his hands together and says, “*Ну-ка посмотрим! Какие тут глюки?!*” (“*Let’s see now... what’s the problem here?!*”) He hits keys, opens up the processor, pokes and prods and taps more keys, all the while keeping up a cheerful and totally incomprehensible monolog.

Listening to Sasha brings me back to the days when I was learning Russian and could pick out every fifth word in a sentence. Because I hadn’t mastered the grammar, I knew, for example, that I was being told there was a grandmother, a cat, and a stove, but I wasn’t sure if she was cooking the cat on the stove (that can’t be right) or (more mysteriously) sleeping with him... on the stove? (The village *печка* baffled suburban American students of Russian, for whom a “stove” was what you cooked eggs on.) When Sasha explains something to me, I hear a lot of familiar words, but I don’t quite

Анализ практики

get the context – the grammar of computers, as it were. He tells me his diagnosis: «В случае возникновения сбоя на поверхности жесткого диска, микропрограмма выводит головку в зону парковки и начинается процесс запуска исправления ошибки. Процесс повторяется, что приводит к характерному стуку – “стучит головой”».

Which I translate as: “It’s broken.”

Междусобойчик: an event for insiders, and event just between friends; a heart-to-heart talk

Over the years I’ve developed a list of Russian words that express very succinctly a concept that is hard to express in English. Some of them I love, because they put into a Russian nutshell something you can barely fit into an English cocoon shell. Some of them I loathe, because they are very hard to translate. Take *отсебятина*, a word that I love. This is frequently used in the world of translation and means literally, “something from oneself,” (*от себя*) i.e., editorial commentary that the translator or interpreter adds to the text. *Я не люблю с ним работать – идет сплошная отсебятина.* (I don’t like working with him. He adds a lot of his own commentary to the text.)

Another nice word along these lines is *всячина*, a noun from the adjective *всякий* (any, all kinds of), which means “a collection of all kinds of things.” In colloquial American English, this is usually expressed by the word “stuff.” It’s often used in the phrase *всякая всячина: В кладовке – всякая всячина.* (My closet is filled with all kinds of stuff.) *Всячина* can refer to big or small “stuff.” *Мелочи*, another handy little word, can be used to describe “small stuff,” i.e., a collection of small items, and in some contexts can be translated as “sundries.” *В магазине Тысячи Мелочей я нашла все, что нужно для новой квартиры.* (In the store “World of Sundries” I found

everything I need for my new apartment.) *Мелочевка* is the diminutive of this, a collective noun that means “details,” “trivialities,” or “small tasks.” *Я уже написала текст отчета – осталась только мелочевка.* (I’ve already written the text of the report – all that’s left are the last little details.)

Междусобойчик is another very useful noun. It comes from the phrase *между собой* (among ourselves/them), and refers to a conversation among close friends (usually over drinks) or any kind of event that is for insiders only. It can be translated variously, depending on the context. *У нас междусобойчик – не мешай.* (We’re having a heart-to-heart talk – please don’t bother us.) *Не стоит участвовать в грантовом конкурсе. Это междусобойчик.* (There’s no point applying in the grants competition. It’s for insiders only.) Russian encapsulates the notion of “an activity for a select group of people” so nicely in the word *междусобойчик* that I’ve always wanted to translate “insider trading” as *междусобойчик на бирже*.

Another group of nouns that are voluminous in meaning but a headache to translate are abstract nouns formed by adding *-ость* to the stem of an adjective. *Сиюминутность* is derived from the adjective *сиюминутный* and could be rendered literally as “right-this-minute-ness.” *Через Интернет можно организовать сиюминутность передачи информации.* (Through internet you can update information virtually every minute.) *Потусторонний мир* is “the other world,” “the afterlife,” literally “the world on the other side.” This has a nice abstract noun, *потусторонность*, literally “the concept of life in the next world,” which could be used in the phrase, *Потусторонность является одной из главных тем творчества Набокова.* (The idea of the afterlife is one of the main themes in Nabokov’s work.)

Russian-English translators and interpreters also loathe another commonly used “meaningful” Russian noun: *результативность* (the condition of producing constructive results). When you hit up against this, you groan, throw the Russian semantic construction out the window, and rebuild the thought in English in another way. Try “constructive” or “productive.” *Они довольны результативностью переговоров.* (They were pleased that the negotiations were productive.)

But if you’re interpreting in front of 3000 people and your brain short-circuits on “the resulting-ness of the negotiations,” try a bit of *отсебятина*: They thought the meeting went well.

Паронимы: *paronymous words, i.e., words that are allied by derivation from the same root*

If we English-speakers pull the dictionary off the shelf from time to time when we want to check usage of confusingly similar words, like “sensual” and “sensuous”, Russians must keep their dictionaries next to their mouse pads. Because Russian has developed largely from one language and been fine-tuned by all those prefixes and suffixes over the millennia, there are a plethora of paronymous words that native Russian speakers often confuse. And if they confuse native speakers, they wreak havoc with us hapless non-native speakers.

A classic example is *абонемент* and *абонент*. *Абонемент* is a season pass, a subscription; *абонент* is the subscriber. *Я купил абонемент на цикл лекций в музее.* (I bought a subscription to a series of lectures at the museum.) *Я хочу оставить сообщение для абонента 53999.* (I want to leave a message for subscriber 53999 – what you say to a paging service.)

Желанный/желательный can also throw you off. *Желанный* is something you are

aiming for, *желательный* is what you would like to see happen, the preferred outcome. Sometimes these are synonyms – what you are aiming for is what you prefer to get – but sometimes they are not. For example, *желанный результат* and *желательный результат* are nearly the same thing – the desired or preferred outcome. However, you can see the subtle distinction in the following sentence (which is a bit of a linguistic stretch, for purposes of illustration): *Дима – желательный кандидат, но Саша – наш желанный кандидат.* (Dima is a preferred candidate, but Sasha is the candidate we want.)

Confused already? Then take two kinds of “friendly”: *дружный* and *дружественный*. Both express the idea of “being disposed in a friendly way” but *дружный* means “internally friendly,” made up of friends, while *дружественный* means “externally friendly,” disposed in a friendly way to others. So *дружная команда* – a team made up of friends; *дружественная команда* – a team that is friendly to other teams.

You can hear the difference in the news headline (that was the inspiration for this migraine-inducing column): *Яблоко и СПС уже не дружные партии, но может быть, они станут дружественными?* This is a real nightmare for translators. What it means is: Once upon a time the members of the Yabloko and SPS parties were all good friends, but now they aren’t. Can the parties at least get along? But that’s an explanation, and it doesn’t help the poor translator in the news bureau, who has ten minutes to come up with a headline. How about: Yabloko and SPS are no longer one big happy family, but maybe they can still be friends? Or: The Yabloko and SPS parties are no longer kissing cousins, but maybe they’ll hold the family together? Or: Yabloko and SPS have gotten divorced, but maybe the divorce will be amicable? You lose the nice word play on kinds of friendship, but at least you convey the meaning.

Анализ практики

Thank heaven *надеть/одеть* (to dress) are related words with clear-cut rules of usage – complicated, yes, but at least comprehensible. *Надеть что* (what) *на кого* (on whom) or *на что* (on what); *одеть кого* (whom) *во что* (in what) or *чем* (as what). The rule of thumb is that *надеть* is followed by an inanimate object (WHAT you are putting on), and *одеть* is followed by an animate object (WHOM you are putting it on). *Надеть* is the verb to use when you are talking about yourself. *Я надела (ЧТО?) пальто.* (I put on my coat.) *Я надел (ЧТО?) браслет (НА ЧТО?) на ее ручку.* (I put the bracelet on her wrist.) *Я одела (КОГО?) ребенка (ВО ЧТО?) в школьную форму.* (I dressed the child in his school uniform.) *Я одела (КОГО?) ребенка (ЧЕМ?) зайчиком.* (I dressed the child as a rabbit).

So how about a more interesting example: what verb do you use for a condom? The confusion comes from not knowing if a body part is considered to be animate or inanimate in Russian. But look at the example above: *Я надел браслет на ее ручку.* In Russian, body parts are inanimate (sorry, guys). *Надеть* is the way to go: you use it for putting something on yourself, or for putting something on something else.

Обрезание: *circumcision*

We can thank President Putin for continuing to broaden our linguistic range. Now everyone knows that *обрезание* is the operation of circumcision. But it was news for me when the President recommended «*сделать операцию таким образом, чтобы у вас уже ничего не выросло*» (to do the operation so that nothing will ever grow back). Who knew that anything could?

The statement became the hot topic in the news largely because of the official Russian translation, which left out a good deal of the salty Russian original. We heard

the panicked stammering of the first translator, followed by the clatter of the microphone being grabbed by the second, who said, “...if you’d like to get a circumcision, please come to Moscow... You are welcome and everything and everyone is tolerated in Moscow.”

Journalists took the interpreters to task. But should they have? Interpreters are trained to judiciously edit the speaker in most situations, and especially to cut out improper words (*непристойные слова*). This is because, first, when you interpret, your tone of voice is usually supposed to be neutral and relatively unemotional, so a four-letter word would startle far more than in the original. Second, each language has its own norms for usage. If a Frenchman says *merde*, you’d never translate it with the 5-letter Russian word for excrement (or any other strong Russian expression). Similarly, an American might toss off something like “Yeah, I read it. It was a f***** lousy article.” The literal Russian would be vastly stronger than the English, so you might say instead “*Да, читал. Статья была чертовски плоха*” (back-translated as “it was a hellishly bad article”). This comes under the heading of “translate what he means, not what he says.”

The third reason is that interpreters are charged with “cultural facilitation,” so you edit out *ненормативный лексикон* (non-standard language), racial and other slurs, and afterwards pull the speaker aside and explain what you did and why.

I’ve certainly done this. A classic example is the traditional toast to “*за красивых дам, которые украшают наш стол.*” The guy giving the toast might have a mother in the Cabinet, a wife who is Chief Doctor of a major teaching hospital, and a daughter studying to be an astrophysicist. He may not be a sexist pig at all; he is just fulfilling his duties as host. But try telling a

table of ardently feminist businesswomen that they are “beautiful table decorations”! My standard cheat on this is “I raise my glass to the brilliant women gracing our table.” Everyone’s happy, no one’s insulted, and I’ve conveyed the intent of the toast, if not its exact meaning.

The book *Мир Перевода* by Chuzhakin and Palazhchenko quotes the memoirs of Minyar-Beloruhev, who once translated for Khrushchev. In one particularly fiery speech about the betrayal of Albania, Nikita Sergeevich ranted about its leader: “этот человек обосрал нас с ног до головы, туды его мать!” (that man shat on us from head to toe, the f***er!) Minyar-Beloruhev translated it into French as something like “that man heaped dirt on us from head to toe” — and promptly got scolded for “daring to edit the General Secretary.” But ten minutes later he was told, “*Никита Сергеевич просил поблагодарить вас. Он не хотел, чтобы его грубые выражения прозвучали на всех языках!*” (Nikita Sergeevich asked me to thank you. He didn’t want his crude expressions to be heard in every language!)

So what would I have done in the shoes of the Russian translators last week? I would have gulped and translated Vladimir Vladimirovich word for word. In private conversations editing is permissible and even advisable, but *not*, to my mind, for a head of state, and *not* in public. For one thing — you’ll get caught. When half of the audience of journalists is laughing or gasping and the other half isn’t, the half that isn’t, is sure to poke around until they find out what was so funny. And then you have a mess. If the interpreters had translated it all right away, the protocol folks could have just shrugged and said: *Он говорит, что думает.* (He calls it like he sees it.)

Дайджест

Зачем банки меняют лица

Журнал «Финанс» № 36 (17-23 ноябрь 2003)

Светлана БАРСУКОВА

Российские банки стали больше заботиться о собственных брэндах и при необходимости готовы их полностью изменять. Они охотно расстаются со старыми именами, особенно если они эпатажны, труднопроизносимы или безлики.

«В основном имена у банков безликие и мало о чем говорят клиенту, а ведь все банки производят одинаковый набор услуг на практически стандартных условиях, так что им просто необходимо выделяться из общей массы», — утверждает директор по стратегическому развитию компании Brand Way Екатерина Дворникова. Противоположной крайностью подобной безликости являются малопонятные аббревиатуры или чрезмерно длинные названия типа АКЭФ-банк или Метронефтегазохимпромбанк. Бывают и такие названия, которые, как выразился доктор филологических наук Валерий Белянин, способны вызвать лингвистический шок.

Лингвистический шок у банкиров вызывают названия банков «Петровка», ЗАТО-банк, банк «Общий», Щит-банк, Обибанк. Так, в банке «Петровка» прослеживается намек на близость к правоохранительным органам, Щит-банк в английской транскрипции звучит непристойно (от английского shit — «дерьмо»), а Обибанк вызывает ассоциации с женскими гигиеническими средствами. Однако, несмотря на это, большинство опрошенных журналом «Финанс» банков довольны своим названием и в ближайшее время не собираются переименовываться. А вот их коллеги из Лубянка-банка и иркутского банка «Падун» (в Сибири так называются пороги и водопады на реках) оказались менее равнодушны к собственному имиджу и переименовались соответственно в Росевробанк и Сибирский банк экономического развития (СБЭР). Правда, теперь бывший «Падун» упрекают в том, что аббревиатура его нового имени звучит как сокращенный вариант Сбербанка, переделанный на украинский лад («э» вместо «е»). Неудачным считается и переименование Буйкомбанка в Совкомбанк.

© ЗАО Газета «Финансовая Россия», 2000-2003

Проект документа СПР «Заключение и исполнение договоров на выполнение письменных переводов. Нормы и правила»

Н. Дупленский

Думаю, что не погрешу против истины, если скажу, что проблема качества перевода — как письменного, так и устного — остается в нашей стране острой на протяжении многих лет. С одной стороны, у многих заказчиков отсутствует надлежащее понимание важности качественного перевода для их собственного бизнеса, приводящее к скупости и желанию сэкономить на оплате труда переводчика, пренебрежению к его труду, а с другой — бросается в глаза дилетантство и самонадеянность «переводчиков новой формации», пришедших на переводческий рынок в надежде поправить свои финансовые дела и имеющих в своем багаже весьма поверхностные знания иностранного языка при отсутствии необходимых навыков профессионального перевода.

Недавно в Интернете довелось прочитать на эту тему интересные заметки С. Чечнева¹, который пишет, что «...профессия переводчика стала в последние годы жертвой “всеобщей интеллектуализации” и повального увлечения английским языком. Она превратилась из пре-

стижного, почти сакрального действия в банальную низкооплачиваемую работу.

Никто не сможет убедить современного менеджера, что он должен дорожить профессиональными переводчиками. Зачем? Ведь у него под рукой армия более покладистых и непритязательных кандидатов. Они целых ДВА месяца ходили на курсы, листали по воскресеньям учебник Бонк и прочли модный детектив в оригинале. И вот уже армия новоиспеченных переводчиков штурмует всевозможные бастионы иноязычной словесности...

Наступают новые времена. Это раньше переводчики — смешные, право, люди — годами учились, корпели над каждым словом, гонялись за редкими словарями, собирали сведения о культуре страны изучаемого языка. Какая же это тягомотина! Кому она нужна? Теперь все будет по-другому...».

Было бы неправильно утверждать, что все заказчики — «дремучие» люди, не понимающие собственной выгоды. Это далеко не так — юридические фирмы, компании, по-серьезному работающие с внешним рынком, иностранные клиенты, в конце концов, чаще всего взвешенно и ответственно подходят к удовлетворению своих нужд в переводческих услугах.

¹ Сергей Чечнев, «Игра в англичанство, или рассуждения о взлёте и падении Голливуда» http://rybakov.narod.ru/text/o_perevodax.htm.

Вместе с тем, самому переводческому сообществу нельзя «ждать милостей от природы», а следует целеустремленно работать для изменения создавшейся ситуации к лучшему, находя для этого такие инструменты, которые оказывались бы эффективными в реальных условиях нашего развивающегося рынка.

Одним из таких инструментов может оказаться стандартизация переводческой деятельности, понимаемая в достаточно широком смысле.

В ряде европейских странах существуют национальные стандарты на выполнение письменных переводов (в частности, в Австрии, Германии и Италии). В нашей стране существует набор ГОСТов, носящих название «Стандарты СИБИД»² («Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу», в том числе ГОСТ 7.36-88 «Неопубликованный перевод: координация, общие требования и правила оформления»), в которых можно найти немало полезного для переводчиков. В различных организациях — Всесоюзном центре переводов (ВЦП), Торгово-промышленной палате (ТПП РФ) и др., — занимавшихся организацией практической переводческой деятельности, имелись или имеются внутренние методические рекомендации для переводчиков и редакторов.

Около года назад на одном из заседаний секции перевода официальной и деловой документации Союза переводчиков России состоялось обсуждение немецкого стандарта DIN 2345 на письменный перевод, в результате чего возникло предложение создать свой документ более широкого содержания, который способствовал бы, с одной стороны, регулированию отношений, возникающих между участниками рынка переводческих услуг, а с другой — формирование у заказчиков потребности в качественном переводе и, как следствие, понимание ими того, что за такой надо

выплачивать соответствующее вознаграждение. Началась практическая работа над этим документом, которая в настоящее время подходит к концу.

Разрабатываемые СПР «Нормы и правила» (НиП) основываются на обобщении опыта российских переводчиков с использованием действующих и действовавших в прошлом ГОСТов, методических пособий и рекомендаций ТПП и ВЦП, инструкций российских переводческих фирм по обеспечению контроля качества, а также аналогичных документов, используемых в переводческой практике других стран. Они направлены на обеспечение высокого качества письменных переводов благодаря унификации и большей формализации отношений, возникающих между заказчиком и переводчиком на этапах заключения и исполнения договоров на выполнение письменных переводов (ДПП), и дополняют коммерческие условия таких договоров. Далее, в НиП предлагаются варианты решения вопросов, с которыми сталкивается переводчик в ходе работы над переводом и подготовки к сдаче его заказчику.

Такая формализация призвана защитить и обеспечить интересы обеих сторон, заключающиеся, в упрощенном виде, в том, что заказчик (если это — «нормальный» заказчик) желает по истечении договорного срока получить качественный перевод, а переводчик — иметь нормальные условия для работы, а по завершении ее — получить оговоренное вознаграждение в полном объеме и в срок. Таким образом, и заказчик, и переводчик заинтересованы в качестве перевода, поэтому в документе СПР делается попытка обобщить и сформулировать правила и **проверяемые** требования в отношении организации работ и качества, выполняющих которые, стороны могут с высокой степенью уверенности прийти к желаемым результатам.

Как сказано выше, НиП призваны дополнять коммерческие условия дого-

² См. по адресу <http://www.feb-web.ru/norms/>.

Заказчик–переводчик

воров на выполнение письменных переводов, не подменяя их.

НиП устанавливают требования к следующим компонентам процесса письменного перевода:

- исходному тексту;
- критериям выбора переводчика;
- взаимодействию сторон ДПП;
- организации перевода;
- переводному тексту;
- проверке качества выполнения переводов.

Не предполагается применение НиП в отношении переводов текстов литературных произведений. Все правоотношения по переводу произведений, предназначенных для публикации, являются объектом авторского права и регулируются Законом Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах» № 5351-1 от 9 июля 1993 года (в редакции Федерального закона от 19.07.95 № 110-ФЗ).

С учетом вышеупомянутого изъятия, НиП рекомендуются к использованию на территории РФ всеми сторонами договоров при выполнении письменных переводов: заказчиками, переводческими фирмами и переводчиками. Как правило, такие договоры являются либо трудовыми договорами (заключаемыми на неограниченный срок или, чаще всего, на выполнение определенного объема работ), либо договорами подряда, и регулируются, соответственно, либо трудовым, либо гражданско-правовым законодательством РФ.

Заказчики/переводческие фирмы могут использовать НиП в качестве основы для разработки требований к контролю качества, специфических для своих организаций.

В июне 2003 г. на рабочей группе Правления СПР состоялось обсуждение второй редакции проекта этого документа, в котором приняли участие члены Правления СПР, а также некоторые руководители переводческих фирм — коллективных членов Союза. В ходе оживленной дискуссии было высказано

немало критических замечаний и полезных предложений. Не по всем позициям участники пришли к единому мнению; в частности, не завершённой на тот момент осталось обсуждение характера складывающихся между заказчиком и переводчиком правовых отношений, которые, как подсказывает практика, не исчерпываются каким-то одним типом отношений. С учетом этого в название документа было внесено изменение, и теперь он называется «Заключение и исполнение договоров на выполнение письменных переводов. Нормы и правила».

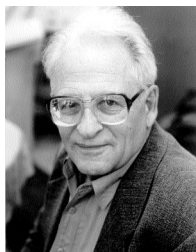
24 декабря 2003 г. Правление СПР утвердило переработанный вариант проекта НиП и постановило направить его на рецензию в региональные отделения СПР, переводческие фирмы, организации и индивидуальным переводчикам для того, чтобы они могли внести свой практический вклад в разработку этих правил.

Разработчики НиП будут признательны коллегам-переводчикам и иным специалистам за готовность ознакомиться с проектом обсуждаемого документа и высказать свои профессиональные замечания.³

После принятия документа в окончательной редакции и утверждении его на Правлении СПР он будет широко распространен, чтобы все участники рынка переводческих услуг в Москве и в других городах (а, может быть, и в странах ближнего зарубежья), могли применять его в своей практической деятельности.

Результаты этой работы можно будет считать удачными, если нам удастся предложить свод таких рекомендаций и правил, которые в силу своей целесообразности найдут широкое применение среди всех участников сторон, и по мере роста масштабов их применения станут обязательными и привычными.

³ Адрес эл. почты СПР — spr@translators-union.ru, адрес эл. почты автора статьи — ndoupl@ostrov.net.

QUALITY VERSUS TIME

О качестве технического письменного перевода

Б. Климзо

В зависимости от контекста, словосочетание *quality versus time* можно перевести на русский язык и как «изменение качества с течением времени», и как «зависимость качества от затраченного времени», и как «антитеза качество-срок» — при этом в настоящее время все три варианта перевода в контексте **проблемы обеспечения качества технического письменного перевода** будут актуальными. Действительно, с началом перестроенного периода в нашей стране внимание к качеству перевода ослабело; очевидно и то, что ставшая привычной экономия времени, затрачиваемого на перевод, отрицательно сказывается на качестве последнего; наконец, не менее очевидно, что в соотношении между сроками, отводимыми на перевод, и качеством нынешних переводов явно нарушилось равновесие. В то же время качество перевода зависит не только от срока — оно зависит и от многого другого. Поэтому, с практической точки зрения, интересно посмотреть, во-первых, существуют ли возможности удлинения сроков на перевод и, во-вторых, какие имеются рычаги воздействия на качество в условиях сжатых сроков на перевод.

Причины падения качества. В России первой причиной нарушения равновесия в соотношении качество — срок явился распад СССР и, как одно из многочисленных последствий, закат «серебряного века» переводов. Если в 70-80-е годы прошлого столетия ежегодно публиковалось множество книг по теории и прак-

тике перевода (и, в частности, очень полезные труды таких известных переводоведов, как А.В. Федоров¹, Я.И. Рецкер², Л.С. Бархударов³, А.Д. Швейцер⁴, А.Л. Пумпянский⁵), издавались журнал «Тетради переводчика» и сборники из серии «Мастерство перевода», в столицах и крупных городах республик проводились конференции и семинары по самым разным проблемам перевода, плодотворно работали издательства «Мир» и «Прогресс», то с конца 80-х вся эта просветительская деятельность по существу прекратилась. В сфере занятости переводчиков произошли не менее серьезные перемены. Многие научно-исследовательские институты и промышленные предприятия резко снизили свою активность, в результате чего были ликвидированы или существенно сокращены различные отделы научно-технической информации (ОНТИ, БТИ) и патентно-переводческие бюро. Все это привело к общему снижению уровня профессионализма технических переводчиков и, следовательно, к падению качества переводов.

¹ А.В. Федоров. Основы общей теории перевода. Изд. «Высшая Школа», М., 1968.

² Я.И. Рецкер. Теория перевода и переводческая практика. Изд. «Международные отношения», М., 1974.

³ Л.С. Бархударов. Язык и перевод. Изд. «Международные отношения», М., 1975

⁴ А.Д. Швейцер. Перевод и лингвистика. «Вoenиздат», М., 1973.

⁵ А.Л. Пумпянский. Чтение и перевод английской научно-технической литературы. Изд. АН СССР, М., 1961.

Заказчик–переводчик

В то же время потребность в технических переводах возросла, поскольку появилась масса совместных российско-иностранных проектов. В результате при общем сокращении армии профессиональных переводчиков, работающих в государственных учреждениях, появились переводчики, устроившиеся в иностранные фирмы, а также напрямую работающие с зарубежными фирмами «свободные художники», или фрилансеры (*free lancers*). Об этой категории переводчиков и пойдет прежде всего речь.

Если в доперестроечный период переводчики стремились повысить свой профессионализм, видя в этом единственную возможность карьерного роста либо приработка, то с развитием рыночных отношений новое поколение переводчиков захотело получить «все и сразу». Все их усилия направлены главным образом на поиски и удержание выгодного работодателя. Сейчас уже не кажется удивительным, когда, например, молодая выпускница периферийного педагогического института приезжает в столицу в поисках любой, но высокооплачиваемой «связанной с языком» работы, или рассылает по всему миру резюме с предложением переводческих услуг. Начинающие фрилансеры готовы взяться за любую тематику и соглашаются с любыми сроками, которые от них требует заказчик, причем хорошее качество перевода лишь подразумевается или (в лучшем случае) упоминается заказчиком. Однако ни заказчик (как правило это посредническая переводческая компания), ни сам переводчик не в состоянии определить, что такое хорошее качество, поскольку ни тот, ни другой не обладают необходимыми для этого профессиональным опытом и теоретическими знаниями. Ведь если начинающий коммерсант может быстро добыть начальный капитал (не будем говорить об используемых при этом средствах), то переводческий начальный капитал обрести в одночасье невозможно никакими средствами. Что же такое хорошее качество перевода и каковы главные критерии оценки качества?

К этим вопросам мы еще вернемся несколько позже.

Как это ни странно, но второй причиной нарушения равновесия в соотношении качество – срок явилась в *некоторой степени* всеобщая компьютеризация. Или, выражаясь конкретнее, компьютеризация, которая, давая переводчику многочисленные блага, таит в себе и ловушки, попадание в которые ведет к снижению качества переводов. Что принесла компьютеризация переводчику? Во-первых, сам компьютер, существенно облегчающий труд и экономящий время. Во-вторых, электронную почту, которая позволила ускорить процесс обмена информацией, оперативно решать возникающие вопросы по переводимому тексту и, следовательно, тоже экономить время переводчика. В-третьих, Интернет, этот могучий источник справочной информации, позволяющий выяснять значение новых терминов и аббревиатур, а также получать пояснения по новейшим технологиям, международным организациям, законам и т.д. Так почему же компьютеризация при всех ее достоинствах тоже иногда способствует снижению переводческого мастерства и, как следствие, качества переводов? Попробуем в этом разобраться.

Компьютер. Действительно, с появлением компьютерной техники (компьютеров, принтеров, сканеров) связанные с набором текста операции облегчились и ускорились. Непрерывно совершенствуются программные продукты, причем помимо программ, облегчающих набор и редактирование текста, таблиц и рисунков, разрабатываются и внедряются программы, предназначенные исключительно для переводчиков. Это – электронные словари и электронные подсказчики (*translation memory*). Вот тут-то и зарыта собака. Электронные словари отучают переводчика думать над термином. (Здесь можно было бы провести аналогию с традиционными – бумажными – газетами и книгами, с одной стороны, и электронными новостями на интернетовских сайтах, с другой.) Что касается распространённого мнения, будто бы элек-

тронные словари экономят время, то с этим согласиться нельзя. Нельзя согласиться и с тем, что электронные словари качественнее бумажных, поскольку издатели электронных словарей в погоне за универсальностью подчас сливают воедино качественные и некачественные словари. Единственное, с чем можно согласиться – это с тем, что собрать библиотеку электронных словарей дешевле и проще. Общий вывод: пользование электронными словарями нередко ведет к снижению качества.

Аналогичный вывод можно сделать и в отношении электронных подсказчиков. Они безусловно полезны, когда используются группой переводчиков, работающих над большим общим проектом. Во-первых, достигается унификация терминов; во-вторых, переводчики заимствуют готовые куски из ранее переведенных аналогичных документов проекта. Это, конечно, экономит время. Но не секрет, что базы данных в подсказчиках содержат массу нелепостей, в которых переводчик не всегда имеет возможность разобраться (из-за отсутствия того же времени и контекста). Поэтому во многих случаях использование чужих баз данных (в которых полезное перемешано с ложным) ведет к снижению качества.

Электронная почта. Ее достоинства неоспоримы. Вот только упомянутая выше возможность оперативного общения с авторами исходного текста, к сожалению, зачастую остается лишь теоретической. Иногда такому общению препятствует компания-посредник по «соображениям конфиденциальности» или из боязни лишней раз побеспокоить заказчика. Иногда причиной становится менталитет автора исходного текста либо его соображения психологического, культурологического или организационного характера. Всего один пример из этой категории. В процессе многомесячной работы вследствие «текучки кадров» над проектом над одним и тем же документом (например, главой ТЭО) нередко работают несколько авторов, поэтому найти концы порой невозможно, так как последний автор, к которому переводчик обращается

с вопросами, не в состоянии (или не хочет) разобраться в работе своих предшественников.

Интернет. Этот инструмент в принципе должен и может помочь переводчику повысить качество работы. Однако использование Интернета вместо, например, англо-русского словаря с целью отыскания простых однокомпонентных терминов – слишком расточительное занятие, напоминающее стрельбу из пушки по воробьям. Отыскание же в русских поисковых системах многокомпонентных терминов к тому же и бессмысленно, так как система обычно отвечает: *Искомая комбинация слов нигде не встречается* или *Поищите в других поисковых системах*. Таким образом переводчик вынужден обращаться к одной или нескольким глобальным поисковым системам, а это связано с большими потерями времени. Сначала он посещает в лучшем случае одну интернетовскую страницу, затем отыскивает на этой странице подходящий документ (что не всегда удается с первой попытки), читает его (либо в случае большого объема документа ищет контекст, содержащий многокомпонентный термин), строит русский эквивалент термина и, наконец, проверяет допустимость построенного эквивалента по русским источникам. Занятие это очень увлекательное, но в условиях дефицита времени переводчик практически не может его себе позволить и поэтому рассчитывать на помощь Интернета не приходится. А вообще говоря, пользоваться благами, даваемыми компьютером, следует в разумных пределах. Слегка перефразируя слова известного математика Юрия Манина, отметим, что «компьютеры усиливают не только человеческий разум, но и человеческую глупость».

Указанные издержки компьютеризации – цветочки. К ягодкам же можно отнести машинный перевод и попытку компьютерной стандартизации переводческого процесса. Не будем здесь останавливаться на «успехах» машинного перевода. Все, кто когда-либо хотя бы мельком видел результаты машинного

Заказчик–переводчик

перевода не поддающихся формализации текстов, в обсуждении этой темы не нуждаются. А вот надвигающаяся стандартизация таит в себе действительно реальную угрозу для качества переводов. Уже появилось понятие «индустрии перевода» и внедрился (правда, пока только в Германии) стандарт DIN 2345, регламентирующий деятельность переводчика и устанавливающий низший приемлемый уровень качества перевода (*the lowest acceptable quality*). Известно, к чему привело появление индустрии развлечений — к «попсе», то есть к искусству с низкими творческими критериями, в котором уровень мастерства подменяется ставшими стандартными шумовыми и световыми эффектами. К сожалению, похоже, что в направлении подобной стандартизации движется и искусство перевода.

Стандарт DIN 2345 исходит из того, что создаваемый переводчиками продукт интеллектуального труда (то есть продукт *индивидуального творчества*) по существу не отличается от промышленного изделия, выпускаемого в массовых количествах. В самом деле — объем работы при создании переводческого продукта, как и в случае изготовления промышленного изделия, легко измеряется (компьютер мгновенно подсчитывает количество страниц, слов или знаков). Что же касается качества, непустое определение которого, казалось бы, требует применения множества критериев, то оно устанавливается, как уже говорилось, на низшем приемлемом уровне. Наконец, важнейшая творческая составляющая, не поддающаяся никаким измерениям, просто игнорируется. Затем, опять же как и в случае массового промышленного производства, стандарт предлагает резко повысить производительность переводчика («станка»), используя для этой цели компьютерные подсказчики. И, конечно, стандарт ориентируется на конкуренцию, позволяющую снизить цену продукта. Такой индустриально-экономический подход неминуемо приведет к исключительно рыночным отношениям в области перевода — то есть к жесткой конкуренции между многочисленными слабыми,

но «дешевыми» переводчиками. И тогда о творческом подходе к переводу придется забыть. В соответствии с известным законом, количество перейдет в качество, но это будет низкое качество. Поэтому, как справедливо отмечает Питер Ковач⁶, "*the introduction of DIN 2345 is bad news ... for everyone who makes a living from translation*". Будем надеяться, что разрабатываемые российские нормы, направленные на повышение качества переводов и нормализацию отношений между заказчиками и переводчиками, будут лишены указанных недостатков и окажутся для переводчиков дружественными.

Справедливости ради отметим, что стандартизация переводов иногда, по-видимому, целесообразна — например в автомобильной промышленности или в сельскохозяйственном машиностроении. В этих отраслях ежегодно происходит незначительная модификация моделей, что влечет за собой незначительные же изменения инструкций по эксплуатации и обслуживанию. А поскольку автомобили и сельскохозяйственные машины крупных компаний расходятся по всему миру, нетрудно представить себе и достаточность «низшего приемлемого уровня качества» переводов на многочисленные языки, и экономическую целесообразность стандартизации переводов упомянутых инструкций. Однако распространять целесообразную для частного случая стандартизацию переводческого процесса на все остальные случаи — неразумно и опасно.

Отношения между компанией-заказчиком и компанией-подрядчиком. Стоит немножко остановиться на этих отношениях, так как они во многом определяют отношения между посреднической компанией-подрядчиком и переводчиком (фрилансером). Как известно, компания-заказчик (далее заказчик) выбирает компанию-подрядчика по переводу проекта (далее подрядчик), пользуясь процедурой конкурса. Перед проведением конкурса заказчик проводит аудит (проверку) предлагающих свои услуги подрядчиков по таким общим для всех конкурсов

⁶ Peter Kovacs. Paper in Language International, October 2002.

показателям деятельности, как профессионализм, финансовая самостоятельность и используемая система качества. По итогам аудита отбираются так называемые «квалифицированные подрядчики» и начинается собственно конкурс. Вот тут-то все соображения, касающиеся качества, отодвигаются на задний план, а на передний план выдвигается подрядчик, предложивший наименьшую цену выполнения перевода. В попытке заполучить заказ, такой подрядчик соглашается иногда на общую стоимость контракта на перевод, которая ниже себестоимости операций по переводу, редактированию и форматированию. Единственный расчет при этом на то, что в ходе выполнения контракта удастся уговорить заказчика пересмотреть стоимость контракта в сторону ее увеличения. Понятно, что в таких условиях подрядчик сужает свои возможности по привлечению квалифицированных переводчиков и, следовательно, по обеспечению высокого качества перевода.

Главная причина проблемы – непонимание чиновниками заказчика того, что перевод – процесс творческий и не может быть уподоблен (как и в случае со стандартизацией) процессу изготовления деталей на металлообрабатывающих станках. Экономия на переводах и, как следствие, соответствующее этому низкое их качество ведут к недоразумениям и даже конфликтам между участниками проекта, к потере времени из-за неоправданных переписки и согласований, а порой и к потере денежных средств. К сожалению, иногда заказчиков устраивают даже интерактивные конкурсы в Интернете, проводящиеся на полностью анонимной основе.

Отношения между компанией-подрядчиком и переводчиком-фрилансером. Из вышесказанного видно, что неблагоприятная для обеспечения качества обстановка складывается уже до получения заказа переводчиком. Затем она усугубляется. Подрядчики в естественном стремлении получить прибыль стараются сэкономить на переводчиках и нанять их в

странах с низким уровнем заработной платы, в частности в России. Более того, подрядчики подчас привлекают к работе неквалифицированных переводчиков, согласных на любые ставки, но в то же время ждут достаточно высокого (а еще лучше – высокого) качества перевода. При этом подрядчики стараются сэкономить также на редакторах, назначая им невыполнимые нормы редактирования (хотя это можно делать только в случае высококвалифицированных переводчиков) или привлекают в качестве редактора корректора (!), которому вменяют в обязанность «причесывать» слабые переводы под образцовый перевод аналогичного документа. В других случаях подрядчику приходится заказывать новый перевод, сроки на который сжимаются настолько, что переводчик-«подстраховщик» вынужден работать чуть ли не круглосуточно. Естественно ставку ему приходится повышать. *Казалось бы, проще с самого начала организовать выполнение переводов оптимальным образом. Почему-то подрядчики не очень к этому стремятся.*

Заслуживает упоминания еще один аспект. Стремление во что бы то ни стало ублажить заказчика приводит порой к отказу от здравого смысла. Так, некоторые подрядчики требуют от своих переводчиков оставлять без изменения явные ошибки и описки, допущенные в исходном тексте. Аргумент один: «Наше дело маленькое, мы переводим только то, что имеется в оригинале. А вот если мы что-то исправим, кто-то может предъявить нам претензии, привлечь к суду, наложить штрафные санкции и лишит контракт!» Попытки переводчиков объяснить свою позицию желанием подстраховать авторов документа, помочь исправить обнаруженные ошибки принимаются в штыки.

Показательным здесь может послужить следующий пример. В исходном тексте документа, представляющего собой сводную ведомость примерно одной тысячи различных технологических блоков крупного промышленного объекта, были указаны цифровые коды каждого блока. Эти коды имели очень важное

Заказчик–переводчик

значение, так как ими должны были пользоваться в своей практической деятельности все строительные подрядчики, субподрядчики, поставщики и субпоставщики. Переводчик установил, что в основной по объему части документа коды перепутаны, навел порядок, «зажелтил» внесенную правку и уведомил подрядчика. Последнему оставалось только в свою очередь предупредить заказчика. Не тут-то было! Подрядчик не рискнул побеспокоить заказчика, и что совсем удивительно – вернул все ошибки на место!

Еще один пример. Переводчик жалуется на подрядчика (цитата): «*Требования у них странные: например, нельзя исправлять явные ошибки – from legal considerations. Они даже просят, по возможности, воспроизводить в переводе опечатки. Кроме того, они очень неохотно исправляют старые ошибки в переводе, которые из-за этого переходят из документа в документ. Но зато очень следят за тем, чтобы между словами не оказалось двойных пробелов*».

Порой подрядчик препятствует контактам переводчика с заказчиком из боязни лишиться своего посредничества, и тогда в контракте с переводчиком можно встретить совсем удивительное требование: *Translator agrees that he/she cannot contact the agency's client directly for any purpose whatsoever from the date the project begins until a period of five years after the project has been completed.*

К чему приводит такая практика? К постепенному отказу квалифицированных переводчиков от всякой инициативы и, в конечном счете, к снижению качества переводов. Однако главное, что осложняет отношения между переводчиками и подрядчиками это – сжатые сроки. Как правило, переводчик получает заказ на перевод при очень малом сроке и поэтому нередко ему приходится работать ночью. Интересно, что работодатели все отлично понимают, сочувствуют переводчику, но, как они сами грустно шутят, *“as soon as possible is the only “due date” we get from our clients”*. И все же нередко напряженность со сроками создают именно подрядчики. Основных причин две. Первая – уже упоминавшаяся выше необходимость вторично отдавать материал на

перевод, то есть последствия риска «нарваться» на неквалифицированного переводчика подрядчик перекладывает на второго переводчика. Вторая – элементарная нерасторопность менеджеров подрядчика, которые не контролируют процесс поступления материалов от заказчика, или забывают вовремя отправить материал на перевод, или (что совсем обидно) назначают срок с запасом, в результате чего готовый и выполненный в спешке перевод лежит затем у менеджера без движения.

Критерии качества перевода. Мы не будем подробно останавливаться на этом вопросе, так как он заслуживает отдельного и подробного рассмотрения. Условно можно выделить два вида качественного перевода – добротный и полноценный. Добротный перевод не содержит ошибок по существу исходного текста, искажений мысли автора, переводческой отсебятины и написан с соблюдением грамматических и стилистических норм языка перевода. В полноценном переводе соблюдены все требования добротного перевода и, кроме того, выполнена дополнительная работа по обоснованному устранению ошибок и алогизмов автора исходного текста, уточнению автора, построению эквивалентов отсутствующих в словарях терминов, пересчету размерности. Полноценный перевод пригоден к публикации и может быть выполнен только профессиональным переводчиком, являющимся специалистом в области науки или техники, с которой тематически связан исходный текст. Добротный перевод под силу любому профессиональному переводчику, вне зависимости от его номинального образования. Естественно, в обоих случаях имеются в виду добросовестные профессиональные переводчики.

Кто лучше? Мы только что затронули очень большой вопрос: кто лучше справляется с техническим переводом – переводчик-инженер или переводчик-филолог? Этот вопрос очень бурно обсуждался переводоведами лет тридцать назад. В конце концов пришли к выводу, что однозначного ответа на этот вопрос не существует и поэтому разговоры на тему

«кто лучше» пора прекратить раз и навсегда подобно тому, как прекращены разговоры о вечном двигателе. К сожалению, добиться этого пока не удастся. Например, в ноябре прошлого года на одном из переводческих форумов появилась утопическая и деструктивная статья под названием «Вместо школы перевода нужно возрождение традиций российской инженерной школы». Автор обращается к давно минувшим временам, когда (как он обобщает) русские инженеры владели двумя-тремя иностранными языками и в переводчиках не нуждались. На этом основании он призывает вернуться к этой прежней ситуации и устранить тем самым необходимость в техническом переводе. Автор статьи при этом не задумывается над тем, что основную массу инженеров в дореволюционные времена составляли не дворяне, а разночинцы, и что объем зарубежной информации был на несколько порядков меньше. С равным успехом можно было бы призывать к другой утопии и уже сейчас отказаться от подготовки технических переводчиков в ожидании времени, когда вся планета заговорит на одном языке, — и когда уж точно потребность в любом переводе исчезнет. Не понимает, по-видимому, автор статьи и некоторых азбучных истин — того, например, что хорошее знание неким человеком и родного, и иностранного языка совсем не означает, что этот человек вообще в состоянии переводить; и что обладание инженерным дипломом далеко не главное требование, предъявляемое к техническому переводчику. Мы сознательно уделили этому примеру столько места, чтобы лучше оттенить главное требование, предъявляемое к любому переводчику, — требование профессионализма.

Качество обеспечивают профессионалы. Рассмотренные выше внешние причины, приводящие к снижению качества переводов, практически не зависят от переводчиков. Но профессионализм переводчика по-прежнему остается главным фактором, определяющим качество перевода, и уровень профессионализма зависит только от самого переводчика. Основные пути повышения профессио-

нализма это — обмен опытом, осознанное преодоление психологических барьеров и непрерывное самообразование. На двух последних направлениях полезно остановиться несколько подробнее.

У всех без исключения переводчиков имеются те или иные комплексы, мешающие им работать и зависящие от их образования, широты кругозора, степени владения родным и иностранным языком, переводческого опыта и даже пола. Переводческие комплексы довольно разнообразны⁷, и здесь достаточно ограничиться их кратким перечислением. К типичным комплексам переводчиков-филологов относятся страх перед незнакомой тематикой, робость при встрече с терминами, неэффективное использование словарей, слепое доверие к исходному тексту, слабое владение стилем научно-технической литературы. Среди типичных комплексов переводчиков-инженеров можно указать комплекс «знания иностранного языка», пренебрежение словарями, завышенную оценку собственной работы, субъективное отношение к исходному тексту, самозванное соавторство. Самокритичное отношение к своим ошибкам, заблуждениям и привычкам психологического характера — залог устранения перечисленных комплексов, а научиться преодолевать психологические барьеры не менее важно, чем научиться приемам перевода.

Роль самообразования в становлении профессионального переводчика переоценить невозможно. Очевидно, что институтских знаний грамматики и лексики иностранного языка здесь недостаточно — необходимо самостоятельное изучение упоминавшихся выше работ по теории перевода. Кроме того, переводчикам-филологам, для того чтобы ориентироваться в выбранных ими областях техники, очень полезно прочитать элементарные учебники для техникумов; рекомендуется также периодически просматривать соответствующие журналы, чтобы приобрести навыки в использовании стиля на-

⁷ Б.Н. Климзо. Психологические барьеры на пути технических переводчиков. Сб. Перевод и коммуникация. Изд. Института языкознания РАН, М., 1997.

Заказчик–переводчик

учно-технической литературы (как русской, так и зарубежной). Всем переводчикам без исключения рекомендуется составлять удобные собственные словари и вести базу справочных данных (владение компьютером подразумевается). Конкретные практические рекомендации по техническому переводу можно найти, например, в пособии⁸.

Однако и непрерывного самообразования для достижения профессионализма еще недостаточно. Непременное условие роста профессионального мастерства переводчика — это его ревностное, добросовестное и творческое отношение к работе. В этой связи хочется предостеречь начинающих переводчиков — не берите пример со своих западных коллег, потому что они нередко переводят плохо, но учиться не хотят! В настоящее время на Западе (и особенно в США) работает множество наших бывших соотечественников, для которых перевод — не призвание, а почти единственное средство выживания. Нередко среди таких технических переводчиков можно встретить людей с гуманитарным неязыковым образованием и даже выпускников консерватории. Они просто не догадываются, что, помимо словарей и интуиции (на которую они более всего уповают), им необходимо многое другое. Вот весьма показательный отрывок из письма профессионального переводчика:

«Недавно я переводил с французского на английский половину огромных ТУ на автоматизированную банковскую систему, то есть достаточно специальный и ответственный документ. Вторую половину переводил незнакомый мне человек, который за время работы извел меня вопросами. А потом он гордо заявил, что у него нет НИ ОДНОГО словаря, ни общего, ни специального, и он не желает вкладывать деньги в переводческое дело, поскольку работы очень мало». Вот если бы этому экономящему на словарях переводчику пообещать много работы и надолго, он, может быть, купил бы несколько словарей и даже учебник по переводу.

⁸ Б.Н. Климзо. Ремесло технического переводчика. Изд. «Р.Валент», М., 2003.

В тех же Штатах немало носителей английского языка, которые тоже занимаются техническим переводом только потому, что за него хорошо (или регулярно) платят. Обладающий переводческим сертификатом коренной американец с многолетним переводческим стажем признается: *“I hear a lot of people say that they love to translate; for me it is just a job. I would rather be splitting firewood or doing most anything outdoors, but translation pays well, so I do it.”* А мы в России ломаем копья в попытке постичь секреты переводческой профессии и ведем разговоры о творчестве как необходимой составляющей высокого качества!

Что касается сроков, то и здесь у западных переводчиков отношение, отличное от нашего евразийского, причем это относится не только к переводчикам. Не хотелось бы обобщать, но мне приходилось быть свидетелем того, как американские инженеры сдавали в срок явно недоброкачественную документацию в надежде (как они при этом успокаивали) переделать ее впоследствии. Кстати, если наш специалист, не успевая сделать работу к сроку, требует помощи, то американский специалист никогда ее не попросит, поскольку это может быть воспринято как проявление слабости. Более того — он откажется и от предлагаемой помощи, а что получится в результате такого отказа, его, похоже, не очень беспокоит. Такие вот культурологические расхождения!

Все сказанное выше отнюдь не означает, что фактор оплаты не может и не должен интересовать переводчика. Наоборот — оплата труда переводчика должна быть высокой, но адекватной (как сейчас принято говорить) профессиональному уровню. Когда же переводчик на первое место выдвигает денежные и конъюнктурные соображения, высокого профессионализма и высокого качества ожидать от него не приходится. Сугубо меркантильный подход западных переводчиков к своей профессии является, по-видимому, следствием концепции, выражаемой формулой *money rules over anything else*.

Не потому ли на Западе пользуются спросом такие, например, пособия «по переводу»: «Как переводчику-фрилансеру заработать более 80000 долларов в год»⁹? Мне не хотелось бы создавать рекламу этому произведению, но истина дороже. На 130 страницах автор подробно учит, как заинтересовать заказчика, подороже продать свой труд, переложить часть рутинного труда на низкооплачиваемых помощников (вот он — капитализм в чистом виде), контролировать оплату счетов, предельно автоматизировать процесс перевода, заботясь прежде всего об увеличении производительности и, следовательно, дохода, и т.д. А вот как обеспечить качество перевода — об этом в пособии не упоминается. Неудивительно поэтому, что многие западные переводчики о теории перевода не только не слышали, но и не хотят слышать, так как их устраивает существующее положение дел. Остается надеяться, что подобное отношение к своей профессии минует отечественных переводчиков.

Итак, для удлинения сроков на переводы и повышения качества переводов резервы имеются. Отсутствует только уверенность в заинтересованности их использования заказчиками, подрядчиками и некоторыми переводчиками. И все же попробуем сделать выводы и предложить конкретные меры, которые должны помочь повышению качества переводов:

1. Стремление заказчиков к низкой цене контрактов на переводы не должно выходить за рамки разумного. Заказчики должны понимать, что цена напрямую влияет на качество получаемой ими продукции, и дело подрядчиков всех уровней (в том числе переводчиков) проводить соответствующую разъяснительную работу.

2. В контракте, заключаемом с подрядчиком, заказчик должен оговаривать не только обязательное редактирование, но и минимальную ставку для переводчиков и редакторов. Эта мера не позволит подрядчику экономить на переводчике/редакторе и, следовательно, на качестве.

3. Подрядчики должны ценить готовность переводчиков к обоснованному устранению ошибок в исходном тексте, а не поступать наоборот. Они должны обеспечивать контакт (не обязательно прямой) переводчика с автором исходного текста.

4. Менеджеры подрядчика должны бережнее относиться к срокам, выдаваемым на перевод. Прежде всего они должны строго контролировать процесс обращения материалов, получаемых от заказчика и выдаваемых переводчику. Кроме того, они должны понимать, что, подбирая квалифицированных и надежных переводчиков, можно сэкономить на объеме редактирования, а высвобождаемое при этом время добавить переводчикам, в результате чего качество перевода еще более повысится.

5. Нельзя допустить принятия стандарта DIN 2345 (или ему подобных) как обязательного для всех случаев перевода. При разработке российских норм, направленных на повышение качества переводов и нормализацию отношений между заказчиками и переводчиками, необходимо учитывать отечественные переводческие традиции и реалии.

6. Добросовестному переводчику не следует браться за переводы с нереальными сроками и незнакомой тематикой — в противном случае низкое качество работы станет для него привычным и перестроиться ему будет трудно.

7. Переводчик должен постоянно учиться. Если единственная его цель — заработать, он неминуемо превратится в придаток компьютера, потеряет лицо и, в конечном счете, саму возможность получения работы.

В заключение, хочется надеяться, что обсуждение на страницах журнала будет способствовать восстановлению нарушенного равновесия между сроками и качеством технических переводов, а также всего комплекса взаимоотношений между переводчиками, с одной стороны, и заказчиками и подрядчиками, с другой.

⁹ Alex Eames. How to Earn \$80,000+ per Year as a Freelance Translator. My Insider Secrets Revealed. AMAZING Publication, 2nd edition, 1999–2001.

Заказчик–переводчик

Всем нам время от времени приходится отвечать на одни и те же вопросы клиентов. Устав от однообразных дискуссий, американская переводчица Кэти Флик, участница международной рассылки переводчиков Lantra, составила список таких типичных вопросов и своих ответов. Предлагаю вашему вниманию перевод этого списка. Мне кажется, каждому из нас стоит подумать о сочинении подобного текста.*

*Наталья Шахова, переводчик,
кандидат физико-математических наук*

О чём обычно спрашивают переводчика

К. Флик

Клиенты часто плохо себе представляют, в чем состоит труд переводчика. Им непонятно, почему переводчику так важно до предела отодвинуть срок сдачи и почему он «так много берет». Разве нельзя сесть за компьютер и быстренько, за пару часов, напечатать перевод? Ведь компьютер так упрощает работу!

Почему нельзя «напечатать» перевод за пару часов?

Когда я была аспиранткой, то делала неофициальные переводы по своей специальности довольно быстро – примерно с той же скоростью, с какой писала (это было еще во времена логарифмических линеек и пишущих машинок). Но если бы я переводила только статьи по своей узкой специальности, то давно бы умерла с голоду! А в любой другой публикации, даже из знакомой области, всегда могут оказаться новые для меня вещи. Кроме

* Чтобы подписаться на этот англоязычный список рассылки, надо послать сообщение SUBscribe LANTRA-L [ваше имя] по адресу listserv@seagate.sunet.se. Только будьте готовы, что на вас обрушится по 200 с лишним сообщений в день от переводчиков, работающих в самых различных языковых парах. И, пожалуйста, прочитайте правила, прежде чем вступать в дискуссию.

того, в русских статьях часто встречаются кириллические транскрипции нерусских имен собственных (фамилий, названий компаний, лекарств и т.п.), и на поиск их английских эквивалентов уходит масса времени.

Разница между чтением статьи по специальности на иностранном языке для себя и переводом этой статьи для другого человека примерно такая же, как между прослушиванием доклада и выступлением с докладом. А теперь вообразите, что вам нужно прочесть лекцию на тему, лежащую в стороне от ваших непосредственных исследований, и вы получите некоторое представление о задаче, стоящей перед переводчиком. Мои знания в области физики, химии и математики, дают лишь начальную базу для усвоения материала, необходимого для каждого конкретного перевода. Конечно, двуязычные словари это большое подспорье, но многих научных терминов в них просто нет, а для тех, что есть, обычно дается столько разнообразных эквивалентов, что выбрать нужный вариант можно только по контексту. Для того же чтобы разобраться в этом контексте, часто приходится изучать специальную литературу.

Существенную часть времени занимает один из важнейших этапов работы — проверка и редактирование. Подобрал нужные термины и сделав черновой перевод, я сначала просматриваю его на экране монитора, сравнивая с оригиналом, внося необходимую стилистическую правку и устраняя недосмотры и ошибки, затем распечатываю текст на принтере и сверяю с оригиналом его бумажную версию. После этого я внимательно прочитываю перевод уже сам по себе и вношу необходимую правку, прежде чем отдавать его клиенту.

Разве компьютер не упрощает работу переводчика?

Не думаю, что компьютер позволяет реально экономить время, хотя он безусловно изменяет (и — на мой взгляд — к лучшему) сам характер нашей деятельности. Но если учесть затраты времени на постоянное изучение все новых программ, на освоение всяческих технических новинок, на модернизацию оборудования, устранение неполадок и рутинные процедуры, вроде создания резервных копий и оптимизации дисков, то экономия, полученная за счет ускорения набора и корректировки текста, оказывается иллюзорной. А кроме того, доля времени, потраченного собственно на ввод текста, ничтожна по сравнению с общими временными затратами на перевод.

Почему вы столько берете?!!

Переводчики-индивидуалы, как и любые другие самостоятельные предприниматели, помимо расходов на жизнь, несут определенные затраты по ведению своего бизнеса. Кроме обычных накладных расходов и затрат на аппаратное и программное обеспечение, налогов (по меньшей мере треть прибыли уходит на различного рода налоги), медицинской страховки и пенсионных отчислений, переводчики должны оплачивать подписку на журналы по своей специальности, а также онлайн-услуги по доставке

электронной почты и доступа к важным (и дорогим!) базам данных. Годовая подписка на журнал может обойтись в 30–100 долларов. Доступ к самой дешевой онлайн-базе данных стоит не менее 40 центов в минуту, бывают же базы в несколько раз дороже. А еще нужно регулярно покупать научные труды на том языке, на который переводить (для меня это английский); монография по физике или химии нередко обходится в 100–200 долларов. Кроме того, переводчикам нужно множество двуязычных словарей — тощим разговорником тут не обойдешься! Один словарь может стоить 200–400 долларов, а то и дороже, причем нужно иметь их как можно больше для каждой пары рабочих языков, потому что у каждого словаря есть свои плюсы и минусы. Необходимы и тексты на языках, с которых переводить (у меня, например, множество научных книг на русском языке). А еще я вхожу в три профессиональных союза, и везде членские взносы растут год от года (в настоящее время каждый взнос составляет около 100 долларов). Сейчас мои ежемесячные рабочие расходы раза в два выше той зарплаты, которую я получала будучи доцентом физики в колледже.

Скорость моей работы со времен пишущей машинки практически не изменилась, хотя теперь я могу переводить тексты из гораздо более широкого диапазона — просто потому что накопила много опыта в различных областях. Однако затраты на оборудование и расходные материалы увеличились в компьютерную эру на пару порядков. Поэтому очевидно, что стоимость переводческих услуг должна была вырасти пропорционально, учитывая не только рост стоимости жизни, но и рост рабочих расходов.

Почему у вас фиксирована минимальная плата за перевод?

Перевод любого — даже самого короткого текста — требует определенного

Заказчик–переводчик

времени на обработку. Мне нужно поговорить с клиентом, назначить цену, потратить время на получение и регистрацию работы, выполнить все стандартные процедуры (перевод начерно, изучение литературы для выбора правильной терминологии, корректировку, редактирование), подготовить и отправить перевод и счет на бумаге или в электронном виде, ответить на вопросы клиента.

Хотя я беру с клиентов плату в зависимости от числа слов (или — для небольших заданий — фиксированную сумму), я веду учет своего рабочего времени. Оказывается, что даже при фиксированной плате в 50–100 долларов за короткие переводы я зарабатываю на них в час намного меньше, чем на более объемных заданиях. Во-первых, для небольших работ значительно выше доля временных затрат на неизбежные, не связанные с переводом и потому не включаемые в счет процедуры, а во-вторых, для них неэкономичен подбор терминов. Ведь если текст достаточно длинный, то решения, найденные при переводе первого параграфа, скорее всего пригодятся и в дальнейшем. В коротком же тексте масса проблем может встретиться лишь однажды.

Важно помнить, что вы платите не просто за «слова». Вы платите за мой опыт, ресурсы и навыки. Я должна установить цены таким образом, чтобы мой доход покрывал мои расходы, иначе вы вскоре потеряете возможность пользоваться моим опытом, ресурсами и навыками, поскольку мне придется закрыть дело. Даже если ваше конкретное коротенькое задание каким-то чудом оказалось удивительно легким, мне нужно учитывать необходимость компенсации затрат на «задания-головоломки», почасовой доход от которых может быть меньше, чем плата подростку, присматривающему за вашим ребенком... Не стоит забывать также, что ваше задание может оказаться для меня легким только потому, что в прошлом я потратила много сил на изучение данной области.

Вы можете сделать перевод завтра к восьми утра?

Ответ на этот вопрос зависит от множества различных обстоятельств. Моя текущая загрузка, сложность материала и предназначение перевода — все это сказывается на времени выполнения конкретного задания. За последние двадцать пять лет я сделала массу переводов статей из русских научных журналов, накопила множество записей о такого рода работе и могу наглядно проиллюстрировать процесс в случае перевода с русского на английский. Учтите при этом, что с русского я сейчас перевожу быстрее всего, просто потому что за последние годы очень много переводила именно с русского. Учтите также, что речь идет о переводе с превосходного оригинала — чаще всего это просто фрагменты журнала. Разглядывание «полуслеплого» факса и угадывание пропавших букв значительно замедляет процесс перевода! (Такой оригинал часто приходится для начала перепечатывать, чтобы ускорить расшифровку.)

При переводе русских журналов от меня не требуется ввода уравнений или другого наглядного материала — я просто делаю для машинисток ссылки на исходные иллюстрации. В таком режиме простые тексты я могу переводить очень быстро (особенно если за справками не приходится обращаться дальше моих книжных полок). На подготовку же оригинал-макета уходит на 50–100% времени больше. С августа 1995 года я стала все чаще заменять обычную работу в библиотеке поиском в каталоге Knowledge Index службы CompuServe, а с августа 1996 стала интенсивно использовать информацию, имеющуюся в Интернете. За счет этого переводы в хорошо знакомых мне областях я могу делать в очень сжатые сроки (учитывая однако, что доступ в Knowledge Index открыт только по вечерам и что поиск в Сети в рабочие часы выполняется очень медленно). Но иногда без поездки в

библиотеку или без просмотра полного текста статьи или книги, полученных по межбиблиотечному обмену, проблемы не решить. Тогда работа над переводом затягивается.

Однажды я поставила рекорд, сделав перевод для «Химии гетероциклических соединений» — около 4000 английских слов — меньше чем за пять часов (примерно 850 слов в час); при этом мне не понадобилось проводить никаких исследований вне дома, потому что это было продолжение серии материалов, которые я перевела раньше, а вся терминология была совершенно стандартной для химических статей. Однако простота темы не всегда служит гарантией быстрого перевода. Более короткое задание для того же журнала заставило меня провести 8 часов в библиотеке, проверяя около 180 нерусских названий лекарств (то есть работая со скоростью примерно 22 слова в час — прямо скажем не быстро!). И такие проблемы при переводе с русского на английский типичны: часто приходится долго ломать голову, чтобы восстановить исходное написание фамилий или названий по их кириллическому представлению.

С другой стороны, перевод статьи из журнала «Измерительная техника», обычно содержащей подробные описания инструментария, а также теоретические рассуждения в различных областях, может занять часов 10 (при объеме английского текста — 4000 слов), то есть скорость составит 400 слов в час.

Время от времени я получаю «задания-головоломки», на которые идет непропорционально много времени из-за трудностей с терминологией. Например, одна статья из журнала «Дефектоскопия» (1000 слов) потребовала около 8 часов (125 слов в час), а перевод другой статьи из того же журнала (2600 слов) занял менее 5 часов (580 слов в час).

Было бы прекрасно, если бы я с ходу — прежде чем договариваться о сроках — могла определить, какой перевод не по-

требует много времени, а какой окажется «головоломкой»! К сожалению, несмотря на многолетний опыт, я не всегда вижу это с первого взгляда, поэтому приходится предусматривать некоторый запас времени, чтобы преодолевать неожиданные трудности.

Разумеется затраты времени существенно зависят от личного опыта и ресурсов. Выполняя четвертый перевод для «Астрофизики», я перевела 4000 слов примерно за 13 часов (то есть моя скорость составила около 300 слов в час). Но первый перевод для этого журнала шел примерно в два раза медленнее, потому что понадобилось освежить в памяти содержание учебников по квантовой механике и изучить совершенно неожиданные для меня аспекты теории гравитации (общая теория относительности обычно не очень-то подробно рассматривается в институтах). Итак, чем больше я перевожу текстов по какой-то теме, тем быстрее работаю, потому что чаще всего сталкиваюсь с одними и теми же проблемами неоднократно (и готовые решения уже хранятся у меня в голове или в файлах моего компьютера) и вообще лучше разбираюсь в материале.

Напоминаю, что все эти примеры даны для случая самого простого форматирования (когда не нужно ни набирать уравнения, ни вводить изображения, ни сканировать рисунки или таблицы) при переводе с русского на английский и очень высоком качестве оригинала. Более изощренное форматирование требует больше времени как на исходный ввод текста, так и на редактирование, причем тем больше, чем больше число иллюстраций. Следует иметь в виду также, что я не могу работать 8 часов подряд только над переводами: мой рабочий день должен включать и другие виды деятельности, такие как обслуживание ПК, чтение и исследование, ведение учетной документации, выписка счетов, привлечение новых клиентов,

Заказчик–переводчик

обработка простой и электронной почты. Кроме того, научные переводы — очень утомительная работа. Большинство консультантов рекомендуют переводчикам тратить не более 20–25 часов из 40-часовой рабочей недели на «оплачиваемую» работу, чтобы оставалось достаточно времени на «бесплатную» деятельность. (Правда, те же консультанты утверждают, что в домашнем офисе человек выполняет за 5 часов ту работу, которую в обычном офисе делают за 8.) Именно поэтому срочные задания обходится дороже — ведь мне нужно серьезно реорганизовать всю мою жизнь и рабочий график, а возможно, и поработать сверхурочно.

Хочу подчеркнуть при этом, что я не отличаюсь чрезмерной медлительностью. Переводчики научных текстов в среднем выдают от 2000 до 2500 слов в день. Однако я обычно рассматриваю как срочную работу все, что превышает 1500 слов в день для одного клиента, потому что нужно выделить время для обслуживания обычных клиентов, а также предусмотреть возможность поездки в библиотеку, ожидания ответов от других переводчиков и вообще вероятность возникновения трудностей.

Сейчас я пришлю вам по факсу факс с того факса...

До сих пор факсы обеспечивают сравнительно невысокое разрешение. А выполненная с низким разрешением копия документа, имеющего низкое разрешение, это еще хуже. Проблема качества оригинала особенно остро стоит для кириллических текстов из-за шрифтов (они обычно очень мелкие) и самих букв (в которых одна маленькая загогулинка может иметь существенное значение). Бледный факс с вписанными от руки буквами и пропавшими кусками чрезвычайно трудно читать, даже если это просто список продуктов на вашем родном языке!

Очень важно обеспечить переводчика максимально качественным экземпляром исходного текста. Иначе у него уйдет

слишком много времени на угадывание букв, а поскольку время — деньги, переводчик может потребовать дополнительную плату за напряжение глаз и проблемы с расшифровкой. Иногда я трачу минут по десять на то, чтобы разобрать одно неясное слово в факсе. Представьте себе, насколько осложняется дело, если весь документ неразборчив. При этом на печать чернового варианта и выполнение финальной стадии (сравнение перевода с оригиналом) тоже идет намного больше времени. Работа на агентства обычно занимает у меня больше времени именно потому, что они чаще всего предлагают работать с факсом, а для журналов я перевожу с четкого оригинала.

Если перевод вам нужен срочно, то имейте в виду, что переводчику гораздо сложнее уложиться в сжатые сроки, работая с оригиналом низкого качества. Поэтому нечеткие факсы повышают не только денежные, но и временные затраты. Да и результат может получиться неполноценным из-за неразборчивого текста.

Об искусстве перевода

Не сетуй же на перевод, яко бы оный был невразумителен, или не весма красен, ведати бо подобает, что весма трудная есть вещь добре переводить, ибо не точию оба оные языка, с которого и на который переводится, совершенно знать надлежит, но и самыя переводимыя вещи ясное имети разумение.

*(Краткое описание комментариев
Академии наук, 1728 г.)*

Записки переводчика

О переводе с французского романа Амели Нотомб «Влюбленный саботаж»

О. Чуракова

Кари крис,
Кари крис,
Кари крис...
Не умешь — и врать не берись!
Переводчик, сломай карандаш:
Перескажешь — размажешь — предашь.
Это подлинник неуследим.
Подвиг подвигом переводим.

В. Леонович. (1978 год).

Вступление.

Это мой третий перевод. У меня нет ни лингвистического, ни литературного образования, но я владею французским и хочу переводить. Я хочу, чтобы роман заговорил по-русски благодаря мне. Потому что я чувствую, что мне это по плечу. Потому что я люблю это. Автор так близок мне, что не приходится ничего выдумывать. Внимательно прислушаться, и слова придут сами собой. Переводить, как дышать.

Поскольку это уже не первая моя попытка перевода, у меня накопился кое-какой опыт, которым я и хочу поделиться. Я нигде не училась, я только читала книги и дошла до всего самостоятельно. Не собираюсь скрывать свое невежество и честно расскажу о том, чего я не знала, когда начала переводить и где я нашла ответы на вопросы.

Но прежде всего скажу о том,
ЧТО ВРЕДИТ ПЕРЕВОДЧИКУ.

Все, что я перечислю ниже, вредило и вредит мне самой.

Во-первых, и самое главное — самообольщение и самолюбование. Очень часто при переводе литературного текста настолько увлекаешься словами, что перестаешь замечать ошибки, ляпсусы или просто неудачные находки. Смотришь в текст, как в зеркало, и видишь одного себя. Это сказал я! Как это хорошо! А потом, когда перечтешь на свежую голову, тут и вылезут все фальшивые ноты.

Будем самокритичны!

Во-вторых, — ложное знание. Иногда лень заглянуть в словарь. Слово или выражение кажется знакомым и хрестоматийным, ан нет. И у старого разведчика глаз замыливается! Если слово можно перевести по словарю, ошибка тем более непростительна.

В-третьих, — узкий кругозор. Тяжело переводить текст, изобилующий библейскими цитатами, если не держал Библии в руках. Могут запутать параллели и аллегории. Сложно переводить, если не хватает элементарных знаний о культуре и повседневной жизни родины языка. Очень подводит незнание ультрасовременного, часто меняющегося жаргона. Тяжело переводить, если автор очевидно умнее, тоньше, образованнее тебя.

Слово молодым

В-четвертых, — небогатый словарный запас, увы. И если его не расширять и не развивать, то перевод будет похож на песенку «Оранжевые мамы оранжевым ребятам оранжевые песни оранжево поют».

В-пятых, — боязнь отступить от букв-вы подлинника. Калькирование иностранного текста, это самое опасное. Чаще всего там, где сохраняется буква, теряется смысл.

В-шестых, — чрезмерное целомудрие и боязнь называть вещи своими именами. Или, наоборот, чрезмерная словесная вульгарность и даже грубость переводчика, зачастую усиленная с неблагородной целью придать авторскому тексту остроты, вернуть крепкое, смачное слово, чтобы угодить дурному вкусу читателя.

В-седьмых, — нечуткость, близорукость, неделикатность. Очень часто искусство переводчика художественной литературы подобно актерскому мастерству. Он должен чувствовать тонкие нюансы и интонации текста и постараться сохранить их в переводе. Влезть в шкуру каждого героя, чтобы лучше понять мир его чувств, а значит суметь подобрать для него верное слово.

Уже после того, как я сформулировала для себя эти постулаты, я прочла о том, что думали на этот счет теоретики перевода.

Французский гуманист, поэт и переводчик Этьен Доле (1509–1546) считал, что переводчик должен соблюдать следующие пять основных принципов перевода:

1. В совершенстве понимать содержание переводимого текста и намерение автора, которого он переводит;
2. в совершенстве владеть языком, с которого переводит, и столь же превосходно знать язык, на который переводит;
3. избегать тенденции переводить слово в слово, ибо это исказило бы содержание оригинала и погубило бы красоту его формы;
4. использовать в переводе общеупотребительные формы речи;

5. правильно выбирая и располагая слова, воспроизводить общее впечатление, производимое оригиналом в соответствующей «тональности».

В 1790 г. в книге англичанина А.Тайтлера «Принципы перевода» основные требования к переводу были сформулированы следующим образом:

1. Перевод должен полностью передавать идеи оригинала;
2. стиль и манера изложения перевода должны быть такими же, как в оригинале;
3. перевод должен читаться так же легко, как и оригинальные произведения.

Мастера согласны со мной. Значит, я на верном пути.

Как переводить лучше

1. Очень хорошее средство, о котором известно всем переводчикам, это отложить перевод на время (если есть возможность), чтобы потом взглянуть на него на свежую голову. Это аксиома. Помогает абстрагироваться от первого «положительного» впечатления. Развивает самокритику. Неделя отдыха от перевода имеет большое значение, ведь за эту неделю можно узнать очень и очень много нового.

2. Читать Библию на том языке, с которого переводишь!

3. Постоянно пополнять словарный запас иностранного языка. Читать статьи в Интернете на зарубежных сайтах. Посещать зарубежные форумы, конференции, чаты. Прислушиваться к неологизмам и жаргону.

4. Постоянно читать русскую классику.

5. Сравнивать прекрасные русские переводы с подлинником. Учиться у мастеров!

6. Читать книги по теории и практике перевода.

7. ЛЮБИТЬ автора и произведение, которое переводишь, хоть это и не всегда возможно, потому что переводчик не всегда волен выбрать то, с чем работать.

8. Составлять собственные тематические словари, которые послужат в дальнейшем.

Находки

Итак, приступим.

Когда я впервые увидела эту книжку, то решила, что проглочу ее за один присест. Но мне не только не удалось быстро прочесть ее. Я порядком намучилась с переводом. Быть может те, у кого больше опыта и знаний, улыбнутся, и мои откровения покажутся им азбучными истинами. А может быть, я открою им что-то новое. Тогда все это пишется не зря.

Трудности с пониманием текста начались с первых строк.

Vider les meubles

Девочка мчится на велосипеде так быстро, что ветер свистит в ушах. Она наслаждается скоростью и свободой и ей кажется, что воздух у нее в голове, она вся, как парус на ветру. И тут я спотыкаюсь:

“*Plus la vitesse sifflait, plus l'oxigène entrain et vidait les meubles*”. Что значит это выражение “*vider les meubles*”? Новый французско-русский словарь Гака-Ганшиной молчит. Тогда я пишу письмо русской подруге, которая 11 лет живет во Франции. Она тоже не слыхала такого выражения и обещала поспрашивать у аборигенов. Но и знакомые французы ничего подобного не слышали. Приходится искать самой. Что бы это значило? Ветер врывается в комнату и «опустошает мебель». Т.е. падают с полки все безделушки, книги. Смысл понятен, но звучит коряво. Тем более, что речь не о комнате, а о голове, о мозгах. Девчонка так быстро мчится на велосипеде, что ветер ей мозги продувает. Как бы это увязать с *vider les meubles*? И тут меня осеняет. Да это не что иное, как «*сметая все на своем пути*». Отлично, так и запишем. Сейчас мне кажется, что ответ лежал на поверхности, но в первую минуту незнакомое выражение поставило меня в тупик.

La Chine. Она или он?

Еще один пассаж. По-французски Китай (*la Chine*) женского рода. И в одном месте автор сравнивает Китай с ловкой куртизанкой, которой удается обвести своих возлюбленных вокруг пальца. Чтобы не погрешить против смысла, Китай должен стать «женщиной». Иначе сравнение с куртизанкой становится неуместным и странным. Здесь можно выйти из положения, заменив мужское слово «Китай» женским — Китайская республика. Таким образом, и «женственность» образа сохранилась, и сравнение не утратило смысла.

«Расизм» по-французски

Слово «расизм» во французском не означает то же самое, что в русском языке. Или, вернее, значение его, как оказалось, гораздо шире. По-французски расизмом называют враждебность не только по отношению к представителям других рас, но и просто к жителям других стран и даже других районов самой Франции. Я встречала выражение «расизм» во французских романах, когда шла речь о стычках между французами и англичанами, русскими и белорусами и даже жителями Верхней и Нижней Савойи, а это, как известно, два соседних департамента Франции. Русское слово «расизм» гораздо масштабнее. «Расизм» французский зачастую имеет местечковый характер. Как быть, если в романе употребляется слово «расизм», а поругались всего-навсего украинец и белорус. По-русски здесь, конечно, более уместен «национализм», ведь украинец и белорус одной расы, более того, они оба славяне, родственные друг другу народы.

Где живут Zairois

В гетто живет много детей самых разных национальностей. Автор перечисляя их, упоминает французов, чилийцев, марокканцев, итальянцев... и среди прочих **Zairois**. Мне понятно, что это дети из Заира, но в русском языке нет слова «заирец», а писать «выходцы из Заира»

Слово молодым

или «жители Заира» не хочется. Вспоминаю, что Заир это вроде то же самое, что и Конго. Но ведь во французском есть слово “*Congolais*”, по-русски «конголезец». Почему же автор пишет именно *Zairois*? Чтобы понять это, пришлось открыть энциклопедию, где я вычитала много интересного. Изначально государство называлось Конго, потом с 1971 по 1997 гг. именовалось Заир, а потом снова стало называться Конго. Действие романа разворачивается в 1973 году, а значит, автор был прав, называя детей *Zairois*, потому что в это время они были жителями Заира. Но только мне от этого не легче. Я не могу написать «конголезец», я должна искать эквивалент слову *Zairois*. Читаю в той же энциклопедии, что Заир – страна многонациональная, потом перечисляются народы, говорящие на наречии банту, и называются они как угодно, только не «заирцы». Тут в русском языке пробыл. Везет французам, им проще. Прибавили суффикс и получилась новая национальность. Могли бы и мы сделать так же, но почему-то не получилось. Придется все-таки писать «дети из Заира», ну, а второй раз можно их и «заирцами» называть, все-таки это ребенок рассказывает.

Меркурохром

Дети играют в войну, у них есть госпиталь, и, конечно, не обойтись без лекарств. Из текста узнаем, что в аптечке у них есть «меркурохром». Не нравится мне это слово, думаю, что и читателю оно мало о чем говорит. Смотрю в энциклопедию и вижу, что это лекарство, которым дезинфицируют раны. И я заменила «меркурохром» на «йод».

Eclairer

В переводе с французского слово *eclairer* означает «разведчик». Вроде бы все просто. Но вот загвоздка. Глагол *eclairer* имеет два основных значения: 1) *освещать, озарять*; 2) *вести разведку*. И в тексте романа автор играет этими значениями, органично переходя с одного на другое, благо французский язык

позволяет. Но в русском языке слова «освещать» и «вести разведку» не имеют между собой ничего общего. И, однако, их надо как-то объединить. Как быть? Приходится выкручиваться, чтобы и слово не выкинуть и смысл сохранить. В тексте так: *La mission d'eclairer est d'eclairer, dans les multiples acceptions du terme*. Дословно по-русски: *Дело разведчика – разведывать, во всех смыслах этого слова. Чтобы плавно перейти от «разведывать» к «освещать» и при этом сохранить смысл фразы, предложение пришлось сделать длиннее: Дело разведчика – узнавать и разведывать, проливать свет на то, что скрыто от глаз, освещать неведомое.*

Курьезы

В одном месте автор упоминает эпизод из фильма югославского режиссера Эмира Кустурицы «Папа в командировке». Есть там такая сцена: коммунистический допрос, на котором присутствуют трое: вентилятор, *l'interrogé* и *l'interrogateur*, что в переводе на русский означает «допрашивающий» и «допрашиваемый». Длинные, некрасивые громоздкие слова. Русские причастия и отглагольные прилагательные слишком растянуты. Я порядком помучилась, пытаюсь найти им замену. Дело осложнялось и тем, что фильма я не видела, и совершенно не представляла себе, о ком идет речь. Кто эти *interrogé* и *interrogateur*? Следователь и преступник? Палач и жертва? Неизвестно, а выдумывать нельзя. Делать нечего, придется посмотреть фильм. А найти его тоже не просто. Фильму почти 20 лет, он получил премии на кинофестивалях, но о нем уже мало кто помнит. В видеопрокатах и магазинах его нет. Зато его можно записать в Доме Актера им. Яблочковой в киоске «Классика мирового кино», что я и сделала. Посмотрела фильм, внимательно присмотрелась к сцене допроса... и нашла решение. *L'interrogé* и *l'interrogateur* стали называться по-русски просто «двое мужчин». А сколько было беготни и мучений, чтобы дойти до этого!

Расширяем кругозор и словарный запас

Здесь я хочу рассказать о словах в тексте романа, перевод которых, так или иначе, стоил мне немалого труда. В основном, это имена собственные, которых не найти в словаре. Есть и специфические термины, для которых нужен особый словарь. И есть, наконец, понятия, тесно связанные с историей одной страны. Возможно, вы сотни раз слышали о них по-русски, но вы не узнаете их в тексте на иностранном языке, потому что выглядят они совсем иначе.

В случае с моим переводом задача усложнялась тем, что трудные слова не несли почти никакой смысловой нагрузки в тексте. Автор упоминает их вскользь и только один раз. И потому, кроме того, чтобы найти значение данного слова, предстояло также понять, для чего оно здесь упомянуто. Зачастую от этого зависит адекватность перевода.

Как это по-русски

Я почти ничего не знаю о Китае и мне трудно переводить, когда автор говорит о нем. Приходится постоянно наводить справки. И я узнаю, что такое площадь Тянь Ан Мэнь¹ и Банда Четырех². А также, как правильно перевести с французского названия памятников древнего Китая: *la Cité Interdite*³, *le Temple du Ciel*⁴, *la Colline Parfumée*⁵, *les tombes Ming*⁶. (Слава богу, я знаю, что такое *la Revolution culturelle*⁷ и *la Grande Muraille*⁸.) Когда я

¹ Площадь Небесного Спокойствия в Пекине

² Название политической группировки в Китае во главе с женой Мао Цзедуна — Цзян Цин.

³ Запретный город — бывший императорский дворец Гугун в центре Пекина.

⁴ Храм Неба (Гяньтань) — средневековый архитектурный ансамбль, в котором Императоры Минской и Цинской династии приносили дары небу и молились о благодатном урожае. Построен в 1420 г.

⁵ Душистые Горы — парк Сяншань. Самая высокая точка — камень Жуфэнши, по форме напоминающий курительницу благовоний, который и дал название парку.

⁶ Могилы 13 Минских императоров в 50 км к северу от Пекина.

⁷ Культурная Революция.

⁸ Великая стена.

нашла русские эквиваленты этим китайским названиям на сайте «Этот удивительный Китай», то решила, что читателю тоже будет интересно узнать, о чем идет речь. И в переводе я сделала сноски к каждому памятнику архитектуры древнего Китая.

Я была очень удивлена, когда узнала, что *Renmin Ribao* правильно писать по-русски *Женьмин Жибао*⁹, а не Ренмин Рибоа.

Эпаналепсис. Красная книжечка.

Улипо

Посмотрите на подзаголовок и покажется, что эти слова не имеют между собой ничего общего. Но только не у Нотомб. Она умудрилась уместить их в одной фразе, которая поначалу поставила меня в тупик, из которого, казалось, нет выхода. Приведу здесь начало предложения:

J'ai eu beau lire Ho Chi Minh dans le texte, traduire Marx en hittite classique, me livrer à une analyse stylistique des épanadiploses du Petit Livre rouge, réaliser une transcription oulipienne de la pensée de Lenin...

Не фраза, а целый кроссворд, я спотыкаюсь на каждом шагу. *Epanadiplose, Petit Livre rouge, oulipienne...* В словаре этих слов нет, и для меня это катастрофа. Я просто не смогу перевести этот отрывок, если не найду значения слов.

С *Красной книжечкой* проще всего. В «Яндексе» я нашла, что так назывался сборник цитат речей Мао Цзедуна, который китайским коммунистам рекомендовалось учить наизусть.

Epanadiplose — это очередной «подарок» Нотомб, филолога по образованию. Тексты ее романов пестрят лингвистическими терминами, вроде «литота» и «плеоназм». Во французском языке есть слово *anadiplose*¹⁰ и есть *épanalepse*¹¹. Если внимательно присмотреться к этим двум словам, можно догадаться, что *épanadi-*

⁹ Народный ежедневник, китайская газета.

¹⁰ Анадиплосис — лингвистический прием, повторение конца предыдущей фразы в начале следующей.

¹¹ Эпаналепсис — лингвистический прием, в котором повторяются начало первой фразы и конец второй.

Слово молодым

plose — слово-гибрид, изобретенное на-смешницей Нотомб. Значит, по-русски, это *эпанадиплосис*.

*On en apprend tous les jours*¹²!

Еще одно открытие — Улипо¹³. Те же знающие люди рассказали мне про организацию OULIPO (Улипо), от которой и образовано прилагательное *oulipienne*. Чтобы понять суть, я прочла статью про Улипо. Осталось только придумать русское прилагательное от слова Улипо. Улипийский, улипский, улипианский, улиповский... Нет, не звучит. Напишем просто «методом Улипо». Подождем, пока умные люди изобретут это прилагательное, что можно было законно им пользоваться.

Одно предложение, а сколько нового!

Chou En Lai

Чтобы понять, что это за «капуста в молоке»¹⁴, или вернее, кто этот мистер Х, я отправилась во французский Интернет. Для начала набрала в поисковой системе Yahoo.fr искомое словосочетание. Сеть выдала много страниц по истории Китая времен правления Мао. *Chou En Lai* упоминался очень часто, было понятно, что это один из сподвижников Мао, но как его зовут по-русски??? И тут снова помог сайт «Этот удивительный Китай». Я внимательно просмотрела фамилии ближайших соратников Мао, и «незнакомец» был найден. Им оказался *Чжоу Эньлай*. Кто бы мог подумать... Разве заподозришь его в Шу Ан Лэ?

Sentier Lumineux

В тексте дословно: *Ее взгляд был пугающим, как Sentier Lumineux*. Название мне совершенно незнакомо. Что за «Светлая тропинка»¹⁵? И чем она так страшна? По виду — это имя собственное. Скорее всего, словарь не поможет, так как здесь

¹² Каждый день узнаешь что-то новое (фр.)

¹³ Улипо (Oulipo) — Организация, созданная в 1960 г. во Франции Р.Кено и Ф.Л.Лионне, с целью совершенствования французского языка.

¹⁴ Chou en lait (фр.) — капуста в молоке. Слову Chou En Lai. По-французски произносится Шу Ан Лэ.

¹⁵ Дословный перевод Sentier Lumineux с французского.

важен не отдельный перевод каждого слова (значение их нам известно), а значение всего словосочетания. Мне опять не обойтись без Интернета. Французская поисковая система помогла узнать, что это название революционно-террористической организации в Перу. А благодаря Рунету мы выяснили, что по-русски это будет «Светлый путь». Мать героини — индианка из Суринама, и взгляд ее наводит такой же страх, как террористы на мирных жителей.

Episode de Cent fleurs

История «Ста цветов», упомянутая Нотомб, судя по контексту, могла относиться только к истории Китая. На этот раз я сразу доверилась Рунету и быстро получила ответ. «Сто цветов» оказались одной из страниц из истории правления Мао Цзедуна¹⁶.

Voix d'hermine

Разговаривают две девочки. И у одной из них *voix d'hermine*. Такого словосочетания в словаре нет. Слово *hermine* означает *горностай*. Причем тут есть интересный нюанс. Так называется горностай зимой, когда он белый. Для «летнего» рыжего горностая у французов есть другое слово. Не кроется ли в белизне, какой-нибудь секрет? Оказалось, что кроется. На диске *Le grand Robert*, который содержит 9 томов знаменитого французского толкового словаря, я прочла, что слово *hermine* имеет старинное значение «чистый», «невинный». Вот и белизна, и решение найдено. *Voix d'hermine* = невинный голос.

Авторские изобретения

Нотомб не ограничилась эпанадиплосисом. В тексте можно встретить и другие слова, придуманные ею. Она влюблена в слово и любит играть им, что можно заметить и в других ее романах. В романе «Влюбленный саботаж» попались такие изобретения Нотомб, как «синола-

¹⁶ «Пусть расцветает сто цветов, пусть соперничают сто школ» — лозунг Мао, согласно которому творческой интеллигенции Китая было разрешено критиковать действующий режим. Впоследствии «недовольные» подверглись террору.

лия», «синофагия», «синопатия» и «синомания». Напрасно я искала их в словарях и энциклопедиях, просто нужно знать, кого ты переводишь. «Словом можно играть, подбрасывая его, как тюлень мячик¹⁷» – слова самой Нотомб, и она прекрасно справляется со своей задачей, заставляя недоумевать и восхищаться читателей.

Долой суши-бары или сюрпризы транслитерации

Выше я упомянула о Жэньминь Жибао, китайской газете, которая в латинской транскрипции пишется Renmin Ribao, и о Чжоу Эньлае, которые поставили меня в тупик. В тексте мне также встретилось китайское женское имя Тре, которое я по наивности сначала написала по-русски Тре. Позднее мне указали на ошибку, и мне пришлось обзавестись таблицей транслитерации китайских слогов, писанных латиницей. А заодно и японских, ведь Нотомб многое связывает с Японией, она о ней пишет и часто упоминает японские имена в своих романах.

Оказалось, что на самом деле китайскую звали Чже. (Кто бы мог подумать!) И это так же верно, как то, что известное во всем мире японское блюдо sushi, правильно читать суси, а не суши. В русском языке все-таки тридцать три буквы в отличие от английского, и потому нам легче передать на письме истинное звучание китайского или японского слова. Надо только знать, как оно звучит в оригинале. Сегодня редко встретишь человека, который прочел бы Versace – Версейс, вместо Версаче, ведь это имя у всех на устах. Совсем не то с японо-китайской экзотикой, и потому здесь нужно соблюдать особую осторожность, чтобы не попасть впросак. Таблица соответствия китайских слогов русским позже помогла мне расшифровать такие имена собственные, как Zhan Xueliang (Чжан Сюэлян), Chiang Kai Tchek (Чан Кайши), Tian Jing (Тяньцзинь), Xin Jing (Цзиньчжоу), и многие другие.

¹⁷ А. Нотомб «Влюбленный саботаж».

Скрытые цитаты

Распознавание скрытых цитат в тексте – показатель общей культуры переводчика. Скрытая цитата – это такая цитата, которая никак не выделена в тексте, ее произносят как бы между прочим, она может выдаваться за слова персонажа или быть просто вплетена в контекст. Но человеку, который читает книги на языке оригинала, сразу видно, откуда эти слова. В основном, скрытые цитаты принято переводить согласно литературоведческой традиции. То есть, *Bel ami* уже никак невозможно перевести, к примеру, «Красавчик», это только «Милый друг». А «Boule de suif» – это, конечно, «Пышка», а не «комочек жира».

В тексте «Le sabotage amoureux» мне встретились слова *A l'ombre du ghetto en fleur*, которые сразу напомнили название знаменитого романа Пруста *A l'ombre des jeunes filles en fleur*¹⁸, и конечно, лучше перевести их «под сенью цветущего гетто». Здесь автор иронизирует и надо постараться эту интонацию сохранить.

Дух подлинника

Считаю, что невозможно перевести хорошо, если у переводчика нет сочувствия к персонажам книги. Также огромную роль играет отношение переводчика к самому автору. Если любишь автора, которого переводишь, с ним устанавливается контакт через его произведение. Ты как бы настраиваешься на одну волну с ним и поешь в унисон. Даже если тебе не все нравится, ты не со всем согласен, ты принимаешь историю такой, как есть, и остаешься ей верен до конца. Любовь к автору есть верность духу и замыслу книги для переводчика. Через любовь происходит перевоплощение, поэтому для меня искусство перевода сродни актерскому мастерству.

История, рассказанная Нотомб в «саботаже», это прежде всего история любви и самоотречения. И главным ритмом романа я бы назвала внезапный порыв и стремительный бег. Добавить детский максимализм, жестокость и эгоцентризм,

¹⁸ «Под сенью девушек в цвету», роман французского писателя М. Пруста.

Слово молодым

которые странным образом и в то же время совершенно естественно уживаются с желанием принести себя в жертву. Для переводчика очень важно почувствовать градус отношений, чтобы верно передать их.

Героиня романа – избалованный ребенок, любимица семьи. Она привыкла к обожанию и любви окружающих. Утверждения «Вселенная существует ради меня» и «я – центр вселенной» не должны остаться незамеченными. Но вот приходится подчиниться обстоятельствам и «этим бездельникам взрослым», которые хотят силой увезти ее из Японии в Китай. Законный вопрос: А как же Япония обойдется без меня? И далее: *L'inconscience du ministère m'inquiete*. Буквально: беспечность министерства тревожит меня. Вначале я так и оставила. Но потом эта фраза поневоле часто вспоминалась мне. Что-то не то. Слово «тревожит» какое-то ненастоящее, не на месте. «Ребенки» так не говорят. Ну, конечно, здесь надо по-другому: «*Куда смотрит министерство?*» Именно так! Это возглас негодования. И хотя у автора нет в тексте ни вопроса, ни восклицания, здесь эта интонация уместна, потому что ЭТОТ ребенок думает именно так.

В том же абзаце: *Je boude*. Буквально: я обиделась. Но здесь больше недовольства, чем обиды. Недовольства, которое должны заметить взрослые. А значит, точнее перевести: *я надула губы*. Это молчаливый протест. Протест РЕБЕНКА.

Забавна и очаровательна наивно-искренняя мания величия юной героини. «*У меня было слишком много дел. Была толпа, которую нужно восхищать. Была репутация, которую нужно сохранять. И легенда, которой надо себя окружить*». Вызывает уважение ее самодостаточность: «*У меня никогда не было друга или подруги. Я никогда не задумывалась об этом. Зачем они нужны? Мне хватало самой себя*».

Примечателен отрывок, в котором семилетняя героиня мечтает посвятить свою жизнь карьере разведчика. Как ее восхищает эта профессия:

«От разведчика зависит жизнь армии. С риском для жизни он крадетя по незнакомой территории в поисках опасности,

может случайно наступить на мину и его разорвет на тысячу частей. Кусочки его геройского тела медленно лягут на землю, нарисовав перед этим в воздухе ядерный гриб, такое конфетти из плоти. Уцелевшие товарищи по оружию, увидев в небе его останки, воскликнут: «Это был наш разведчик!» А поднявшись на приличную для исторического события высоту, тысяча осколков замрет на мгновение и приземлится столь грациозно, что даже враг будет рыдать над моей кончиной. Я мечтала так умереть. Этот фейерверк сделал бы из меня легенду на все времена».

Кто из нас в детстве не мечтал о подвигах? Лично я мечтала, и потому переводить этот отрывок было для меня наслаждением. Впрочем, как и все остальное. Практически все в этом романе нашло отклик в моей душе, я верила каждому слову. А потому льщу себя надеждой, что перевод мой удался. Но об этом судить тем, кто его прочтет.

Заключение

Перевод был не раз мной пересмотрен, исправлен и дополнен. Почти всякий раз, возвращаясь к тексту оригинала, я находила что-то новое, чего не заметила раньше.

Я сделала много сносков к тексту, чтобы пояснить читателю те или иные названия и фамилии, которые упоминает автор. Как я уже говорила выше, зачастую эти имена не имеют большого значения для понимания сюжета, они упомянуты вскользь. Скажу даже, что сноски эти больше нужны мне, как переводчику, чем читателю. Возможно, редактор сочтет, что эти сноски перегружают художественный текст, что читать их никому не интересно. Я с этим не совсем согласна. Во-первых, всегда есть надежда, что книга попадет в руки к любознательному человеку. Во-вторых, даже если нелюбопытный прочтет сноску, роман будет звучать для него чуть иначе. Регистр ощущений и ассоциаций будет чуть шире, а значит, возможно, и интерес к произведению больше. Ведь наша задача заинтересовать читателя и помочь ему полюбить роман. А иначе для чего мы трудились?

Лидеры и их тени (фрагменты истории)

А. Чужакин

Феномен «кагемуси»¹ в устном переводе

Издревле в Японии существуют так называемые «кагемуси» — тень воина, его помощник, оруженосец, «второе я»². Это понятие в ряде случаев можно отнести и к личному переводчику государственного деятеля, который становится его тенью, alter ego, доверенным лицом и даже советчиком³. Однако во время переговоров, выступлений «тень» выходит на передний план — ведь перевод, как воздух, — его замечают, когда он плох, несвеж. Настоящий профессионал работает так, что представителям разных стран и культур начинает казаться, что они говорят на одном языке, что межкультурные различия исчезли. Люди смеются над шутками друг друга, понимают иронию, воспринимают аллюзии, намеки и пр.

У переводчика, который постоянно работает с одним и тем же человеком⁴, достигается полное взаимопонимание с ним, создается доверительная атмосфера. «Кагемуси» знает, что и как будет сказа-

¹ К сожалению, в отечественной переводческой практике это слово передается в «англизированной» транскрипции — кагемуси. О передаче японских имен собственных при переводе с европейских языков см. кн. Д.И. Ермоловича «Имена собственные на стыке языков и культур».

² Великий А.Куросава поставил фильм об этом феномене.

³ А в некоторых случаях даже другом, помощником, проверенным соратником.

⁴ Principal.

но, привыкает к специфике речи и мышления. Иногда между лидером страны, даже в период его пребывания у власти, и его переводчиком складываются добрые человеческие отношения (Хрущев, Брежнев — Суходрев, Горбачев — Палажченко), с ним делятся сокровенными мыслями, советуются по профессиональным вопросам, а то и по личным делам, доверяют свои проблемы. Он видит, как никто, «человеческую сторону», слабости, недостатки своего босса.

Переводчик, оставаясь на втором плане, помогает вершить историю. Переданная им мысль превращается в дело: фактически его устами объявляются войны и заключается мир, он переводит исторические фразы, определяющие судьбы миллионов, и полупьяную чушь, угрозы и шутки; видит величие и посредственность, храбрость и уступчивость, откровенность и ложь, добро и зло, воплощенные в слово. При этом переводчики знают гораздо больше тайн и секретов государства, чем многие самые высокопоставленные деятели.

Переводчик-дипломат видит, как творится история, помогая крутить ее колесо, однако зачастую сам попадает под него и сходит с арены вместе с политиком, чаще добровольно, — по этическим соображениям.

Он становится невольным свидетелем и величия, и того, как кто-то падает

лицом в салат на обеде у императора, сваливается с трапа самолета, наступает на платье собственной жены на приеме в Белом доме, того, как опрокидывают поднос с бокалами шампанского на лидера освободительного движения на кремлевском банкете. Что-то остается на киноплёнке, что-то видят по ТВ, но большинство таких эпизодов запечатлевается лишь в памяти человека и уходит вместе с ним.

Даже «ас перевода» — всего лишь человек: у него может что-то разболеться: живот — от непривычной еды прямо в ходе торжественного обеда, или голова — от нечеловеческого напряжения, или — просто зуб (и тогда таблетку дает сердобольный помощник американского президента)⁵, но, по сути, это никого не интересует. Show must go on! Более того, после долгих часов серьезнейших, изматывающих ум и душу переговоров той же ночью нужно делать записи бесед. Это не только особое искусство, приходящее с опытом, но важнейшая составляющая переводческой деятельности и вообще любых переговоров. А утром, после двух-трех часов сна, — снова на работу...

Но это искупается ощущением сопричастности высшим интересам своей страны, тому «делу, которому служишь», чувством удовлетворенности своей работой и своей востребованностью — и как специалиста, и как личности.

Сейчас нашему государству особенно нужны такие люди, которые, каждый на своем направлении, защищают безопасность родины, помогают сохранить ее тайны, укрепить ее пошатнувшееся положение в мире и хоть немного «подправить имидж», — то есть настоящая элита страны, специалисты своего дела, в том числе мастера перевода.

⁵ Так было с В. Суходревым во время встречи А. Косыгина с президентом США Л. Джонсоном в 1967 г. в Гласборо.

Руководители СССР и России и их «тени»

...Приехав в Москву, выдающийся, ныне почти забытый английский писатель-фантаст Г.Уэллс⁶ общался с В.И. Лениным без переводчика. «Кремлевский мечтатель», как Уэллс назвал Ленина, человек образованный, в отличие от своих преемников, знал несколько европейских языков, мог общаться на немецком, французском и английском. Даже в самой сложной обстановке. После убийства германского посла фон Мирбаха во время беспрецедентного приезда в посольство Германии⁷ правительства Советской России во главе с В. Лениным последний отказался от услуг переводчика, раздраженно бросив на ходу: «Переводчик не нужен».

В других случаях переводчик все же требовался. К примеру, на встрече с монгольским вождем Сухэ Батором помогали переводить сотрудники Наркоминдела, в том числе и «из бывших» царских дипломатов. В дальнейшем обеспечивали перевод на высшем уровне и молодые кадры из рядов новой советской интеллигенции. Внешние связи СССР в 1930-е годы были сравнительно ограничены (Отдел переводов наркомата, ныне Департамент лингвистического обеспечения МИДа РФ был создан много позднее, в 1953 г. по распоряжению В.Молотова).

Деспот и «вопросы языкознания»

В 1930-е годы И. Сталин нередко встречался с зарубежными гостями, общественными деятелями, писателями, в том числе тем же Уэллсом, Л. Фейхтвангером, А. Жидом, Р. Ролланом и др. Но лишь в ходе Великой Отечественной войны международные связи достигли небывалого уровня. Кремлевский затворник даже выехал за границу, в Тегеран и

⁶ Его книга об этой поездке *Russia in Shadows* (Россия во мгле).

⁷ Сейчас там находится посольство Италии, а об этом эпизоде напоминает мемориальная доска без надписи с Барельефом В.И. Ленина.

Потсдам, на исторические переговоры с союзниками.

На долгое время «кагемуси-смертником» Сталина стал легендарный В.М. Бережков. Именно он глухой ночью с 21 на 22 июня переводил страшную новость, когда Риббентроп объявил послу СССР о начале войны Германии с Советским Союзом. Ранее В.М. участвовал в переговорах Гитлера с Молотовым. После возвращения окольными путями из Берлина в составе персонала советского посольства и торгпредства⁸ он становится участником всех встреч лидеров антигитлеровской коалиции.

«Кремлевский тиран» корректно относился к своим переводчикам. Об этом говорили и В. Бережков, и О. Трояновский, и китаист Н.Федоренко, работавший с Мао Цзедунем. Будучи билингом, Сталин, вероятно, понимал, что такое межкультурные различия, сознавал сложность выражения мысли на чужом языке. Бережков вспоминал, что вождь даже — сознательно или нет, трудно сказать, — говорил «под перевод» — краткими фразами, четко и размеренно, ясно формулируя свои мысли⁹, и с симпатией относился к переводчику. Тому прощались и забавные, как теперь кажется, «проколы»: в Тегеране молодой В. Бережков, не успевший перекусить заранее, во время паузы на обеде Сталина, Рузвельта и Черчилля, положил в рот кусок бифштекса именно в тот момент, когда «хозяин» заговорил. Так и сидел переводчик с набитым ртом несколько секунд, показавшихся ему вечностью, пока не проглотил этот кусок. Иностранцы дружно смеялись, а Сталин одернул несчастного. Тогда обошлось...

⁸ Сотрудников обменяли на немецких дипломатов, находившихся в момент начала войны в Москве.

⁹ Язык и лингвистика интересовали грузина Иосифа Джугашвили. Об этом говорит его статья «Марксизм и вопросы языкознания», которая вызвала в 1950 г. широкую дискуссию о роли языка в обществе, разумеется, спровоцированную властями.

Впоследствии Сталин доверял В. Бережкову особо важную информацию, и не только он. В первые дни военных действий немцы именно через Бережкова намекнули, что были бы готовы на сепаратный мир. А в конце войны Сталин во время обеда в Кремле сообщил представителю США, что вступит в войну с Японией после разгрома Гитлера. Сделал он это именно через В.М., а не устами Молотова.

Более того, Сталин пощадил Бережкова, когда выяснилось, что его родители во время войны оказались на оккупированной территории. Бережков не был репрессирован, сослан в Сибирь, а «всего лишь» отправлен на работу в журнал «Новое время»¹⁰. Другие переводчики Сталина были награждены боевыми орденами, в том числе недавно скончавшийся посол В. Трояновский, который также неоднократно переводил Сталину, а затем перешел на дипработу.

Вождь-переводчик

...Гимн — дело серьезное. Однако и тут бывали анекдотические случаи. Сталин был доволен гимном, который написали Михалков и Эль-Регистан. Но гимн еще нужно было перевести на языки всех союзных республик. Когда переводы были сделаны, к сожалению Сталина оказалось, что особенно подкачал грузинский перевод. Кроме того, текст безбожно опоздал и лишь весной 1944 года поступил к вождю с оправдательной запиской: «Грузинский язык не допускает чередования двенадцатисложных строк с одиннадцатисложными и девятисложными. При этом, в отличие от русского, в грузинском языке ударение производится на первый слог в двух- и односложных словах и на третий слог с конца в словах, содержащих три и более слогов. Так что перевод не лишен недостатков...» Увидев этот детский лепет, Сталин хмыкнул в усы: «Говнюки, я б и то лучше перевел»¹¹.

¹⁰ Разумеется, это был просто акт милосердия по отношению к человеку, знавшему всю подноготную советской дипломатии.

¹¹ По материалам АиФ.

Mr. К и его эскапады

Если переводить Сталина было не столько сложно с профессиональной точки зрения, сколько просто страшно (Л. Берия, присутствовавший почти на всех переговорах, внушал ужас своим видом), то экспансивный непоседа Н.С. Хрущев часто ставил в тупик тем, что откладывал в сторону заготовленную речь и импровизировал, жонглируя смачными народными присловьями: «мы не ноздрями мух ловим», «всяк кулик свое болото хвалит», «кузькина мать» и пр., а то и вообще непечатными пассажами. Приходилось выкручиваться... Именно при Хрущеве, в 1960-е годы взошла звезда В. Суходрева. Живший в детстве в Англии, он блестяще, даже артистично переводил и умел выходить из самых сложных положений, тем самым расположив к себе и Хрущева, и Косыгина, а также прочих лидеров помельче. Безупречно владея английским (причем и британским, и американским вариантами), он выделялся своим обаянием, компетентностью и уверенностью в себе.

«Mr. К», как называли Никиту Сергеевича на Западе, мог «брякнуть» такое, что имело последствия, которые он сам не мог «просчитать». Его фраза “We will bury you” (Мы вас похороним) вызвала шок на Западе. Поняв это, Хрущев пытался объяснить, что имел в виду естественную кончину капитализма – социализм просто проводит «загнивающий» строй в последний путь (ср. Он похоронил вчера своего друга). Помните Стинга?

“Mr. Khrushchev said/We will bury you/I don't subscribe to this point of view/It's not a natural thing to do/Because the Russians love their children, too.”

Интересно отметить: в этой песне, появившейся в 1980-е годы, одной из лучших у Стинга, он точно уловил противоречие между характером Никиты Сергеевича и этой неудачной фразой, что объясняется использованием полисемии, которая может быть по-разному истолко-

вана в зависимости от намерений получателя информации и уровня квалификации переводящего.

Перевод был адекватен и единственно возможен в ситуации без ясного контекста, но понят или истолкован так, как нужно было Западу и антисоветской пропаганде – в политике двусмысленность, расплывчатость нежелательны, если, конечно, неясность и многозначительность не являются целью говорящего. («Язык дан дипломатам, чтобы скрывать свои мысли».)

Но, когда загнивать, точнее «застаиваться», стал социализм, лишенный импульса намеченных А. Косыгиным на конец 1960-х годов экономических реформ, так и не осуществленных, начались

Застой в экономике, бум перевода

По признанию В.Суходрева, после импульсивного балагура и шутника Никиты Сергеевича переводить стандартные сухие речи Л. Брежнева было легче, но менее интересно. Зато они – лидер и его переводчик – прекрасно смотрелись вместе: высокие, импозантные, со вкусом одетые в шикарные костюмы, яркие широкие по моде галстуки, оба с пышными шевелюрами. Модно одетый, улыбчивый суперпереводчик оттенял авторитет лидера супердержавы, к чьим словам (в блестящем переводе мастера) прислушивался весь мир.

Бонвиван и весельчак, любитель красивых женщин и роскошных авто, после 1977–78 гг. Брежнев стал заметно сдавать. И ранее не любивший говорить без бумажки, теперь он стал читать заготовленные тексты, путая и произнося совсем не то, что надо. Это была какая-то напасть для его помощников и стыд и позор для страны.

Мой коллега по ЦК Э. Капский, переводя встречу Брежнева с президентом Анголы, вдруг с ужасом осознал, что Генсек начал читать не текст речи, а справочно-информационные материалы

к беседе: где находится страна, ее территория, население, политическая система и пр.¹² У ангольцев буквально челюсти отвисли: большинство знали русский (а президент НРА Ж.Э. душ Сантуш вообще закончил вуз в Баку и был женат на русской). Быстро оправившись от шока, как и подобает «профи», Э. Капский стал «переводить»: «Дорогие друзья! Нам известно, что ваша страна находится на западе Африки. Мы рады, что территория ее составляет..., прекрасно, что население выросло..., с удовлетворением отмечаем, что политическая обстановка... и пр.» Все вздохнули с облегчением. Переводчик выкрутился, ну а дальше беседа пошла по привычному руслу: Брежнев зачитал свой текст, а анголец свой, и потом пошли обедать – все вопросы были уже решены на уровне министерств и ведомств.

Разумеется, даже самые опытные мастера не застрахованы от ошибок. Иногда никуда не годен (плохо написан или непонятен) «исходный материал», однако бывают и оговорки, и неудачи. Например, мало кто знает, как переживал В. Суходрев, оговорившись во время перевода первого в истории выступления президента США Р. Никсона по советскому ТВ: «мы выступаем за более хорошие отношения...»

Однако в исполнении мастера перевод, особенно на родной язык, может быть даже несколько лучше, логичнее оригинала, причем при полном сохранении его стиля и нюансировки. Это дается комбинацией «способности + искусство + навыки + опыт», которая нарабатывается многими годами учебы и самосовершенствования: переводчик учится всю жизнь (не только на чужих ошибках). Недаром англичане говорят: “You learn by doing.”

В преддверии перемен

...Беседы Ю.В. Андропова, который пытался дать новый импульс развитию

СССР, а также международным отношениям, переводили сотрудники МИДа или, особенно если речь шла о межпартийных связях КПСС, даже чаще – сотрудники ЦК КПСС. Последние отличались тем, что кроме языка, они глубоко владели сутью проблем, особенно в специфичной сфере отношений компартии с партнерами. Что так же важно – они прекрасно знали своих зарубежных коллег из «братских» партий, которых сами же и «курировали». Переговоры на высшем уровне между лидерами партий, в том числе во время съездов КПСС, обслуживались «партийцами». Но они редко попадали в объектив фото- или телекамер, лишь на вторую-третью страницы «Правды», где появлялась краткая сухая информация: «Встреча в ЦК КПСС».

Вспоминается забавный эпизод. Эфиопские партийно-правительственные делегации выделялись щедростью и обилием подарков. Дарили всем – от Генсека до горничной в отеле, разумеется, всякую экзотику – бумажники из крокодиловой кожи, изделия из серого или черного дерева, игл дикобраза, из слоновой кожи и пр.

Как-то мне пришлось срочно подменить заболевшего переводчика на беседе с руководителем Эфиопии М. Хайле Мариамом, элегантно одетым властным человеком небольшого роста с военной выправкой и надменным выражением лица.

Перед возложением венка к мавзолею. Президент Африканского национального конгресса Южной Африки О. Тамбо (в центре) 1984 г. Публикуется впервые

¹² Все это, кстати, Капский сам и подготовил.

Все прошло безупречно, но на всех не хватило подарков. Свирепо взглянув на приближенных и свиту, Менгисту царственным жестом вынул из нагрудного кармана авторучку с личной золотой монограммой, и помощник с поклоном вручил ее мне.

Шло время, и здоровье Андропова ухудшалось на глазах. Уже через месяцев восемь после прихода к власти, на подписании договора о дружбе с Анголой, на советского лидера было жалко и горько смотреть. Бледный, согбенный человек, едва держащийся на ногах. Живыми оставались лишь умные, но грустные глаза.

Еще эпизод партийной дипломатии. Беседу с мадагаскарскими товарищами ведет замзав МО ЦК КПСС Р. Ульяновский – интеллигент, дипломат, ученый, пострадавший от репрессий Сталина (кстати, очень напоминавший умом и доброжелательностью Д.С. Лихачева). Переговоры идут к концу. И вдруг он просит меня выйти! Что ж, дело хозяйское. С грехом пополам беседа завершается на смеси русского и французского, как потом мне с юмором рассказал старший коллега.

Вскоре в мой кабинет заходит начальник и передает личные извинения Р. Ульяновского, добавив от себя, что в мое отсутствие обсуждался вопрос о размере финансовой помощи коммунистам Мадагаскара (настолько шекотливая тема, что она даже не заносилась в запись беседы). Пресловутое «золото партии»...

Надежда и разочарование

«Кремлевский больной» К. Черненко удивил высоких гостей, приняв в день похорон Андропова до 15 делегаций – от США до Мозамбика. Новый Генсек был словно «на автопилоте» – мог неподвижно сидеть на переговорах, зачитывать свой текст, что-то произносить и даже шутить. Автору пришлось быть на встрече «Устиныча» с делегацией КП Израиля. Она продолжалась часов шесть подряд. Все уже просто изнемогали, буквально

валились под стол от усталости и напряжения, а Черненко, казалось бы, спокойно сидел и слушал.

...И вдруг, после почти десяти лет застоя и апатии, избран Генсек, который может ходить без поддержки и говорить без бумажки! – правда, как правило, слишком долго и подчас малосодержательно.

Тогда же появляется и новый «кагемуси», – выпускник иняза, имеющий незаурядные способности и опыт успешной многолетней работы в ООН и МИДе СССР П.Р. Палажченко. Он привнес в профессию переводчика необыкновенную интеллигентность, профессионализм и сдержанность.

Уже во время первой беседы, которую переводил П.Р., – с Радживом Ганди, между Горбачевым и его новым переводчиком возникла взаимная симпатия (возможно, Михаилу Сергеевичу было не вполне комфортно с обладающим западной внешностью и манерами Суходревым, с его четкой «привязкой» к старым временам.).

Началась эпоха перестройки, сопровождавшаяся не только «ветром перемен», но и бесконечными речами. При этом выступления Горбачева на Западе в лучшую сторону отличались от того «сырья», которым кормили советских трудящихся. (Как-то в конце 1980-х я сказал П.Палажченко: «Разве может политик публично размышлять вслух? Это какое-то сплошное резонерство. Лидер должен говорить кратко, афористично, ярко и, если надо, как де Голль, учить свои речи наизусть».)

Но забалтывание всего и вся шло по нарастающей, а переводить Генсека «с родного на русский» не решались.

Кстати, немалая заслуга в том, что за рубежом сложился положительный образ Горбачева, принадлежит именно его соратнику, Павлу Руслановичу, превращавшему «словесный кисель» в красивый, четкий и приятный для восприятия PR-продукт. (Услышав это мнение, Михаил

Сергеевич нашел в себе благородство и самоиронию пошутить: «Теперь меня будут вспоминать как второстепенного политика эпохи Павла Палажченко».)

Эпоха «Кремлевского мечтателя II» стала вторым (после Хрущева) периодом расцвета устного перевода: внешнеполитическая активность СССР достигла невиданных высот – бесконечная карусель визитов за рубеж или приемов в Москве, переговоры, встречи, беседы, заявления, брифинги и пресс-конференции, не считая «выходов в свет» и общения с публикой, в том числе на приемах. Запомнился прием интеллигенции в Кремле, где гостями М.С. были Йоко Оно, Грэм Грин, Н. Мейлер, Дж. Гелбрайт, К. Кристоферсон, М. Влади и др. Было радостно и почетно общаться с кумирами...

Нагрузка для переводчиков МИДа и ЦК была невыносимая, количество конфиденциальной информации зашкаливало. Но ляпов и глупостей, ошибок в переводе практически не случалось, равно как и недоуменных вопросов переводчика вроде: «А что он имел в виду?».

«Знаешь, я плохо сплю, – признался мне как-то во время дружеской встречи в кафе рядом с инязом один из мастеров перевода. – Я слишком много знаю».

Действительно, только «кагемуси» присутствует на так называемых встречах с глазу на глаз. Затем, разумеется, переводчиком же делается запись беседы, подчас от руки и в одном экземпляре – настолько деликатные вопросы затрагиваются. (Недаром Горби как-то зло бросил в 1991 г.: «Есть вещи, о которых я никогда не скажу».) Такую фразу мог произнести, по-видимому, каждый лидер. Вряд ли это сделают и переводчики. Переводческая этика запрещает разглашать доверенную информацию¹³. Впрочем, есть еще одна особенность – переводящий, как правило, мало что помнит (новая информация в ходе напряженных долгих переговоров начисто «стирает»

¹³ Есть также вполне официальный допуск к секретной информации и предусмотрена уголовная ответственность за государственную измену.

предыдущую). Выручает специальная система переводческой скорописи, на основе которой, собственно, и составляется запись переговоров.

Есть ли предел у “bespredel”?

В отличие от предыдущих, период Ельцина не дал яркой фигуры переводчика, ассоциирующейся с новым правителем «новой России». Некоторое время «на вершине» работали С. Бережков-младший, А. Грошев; Д. Голыбин, А. Федоров (французский язык), другие опытные сотрудники департамента лингвистического обеспечения МИДа России.

Общий развал в стране не замедлил сказаться и на переводческой сфере. Скатился в тар-тарары престиж профессии, упала зарплата в МИДе, снизился уровень профессиональной подготовки, но остались славные традиции и закаленные кадры, энтузиасты и даже, можно сказать, подвижники своей профессии.

Переводить Б.Н. было сравнительно несложно – «кондовый» язык, долгие паузы, небыстрый темп (особенно в последние годы)... Однако такого косноязычия, стольких ошибок или бессмыслиц мир давно не видел (на почетном втором и третьем местах, вероятно, Р. Рейган и нынешний Буш). Судите сами: Президент РФ принимает Нельсона Манделу. Соответственно в справочных материалах встречается сокращение ЮАР. А нам все равно! Что же услышали гости из Африки? «Мы рады, что там у вас в Югославии дела идут неплохо». Переводчик без малейшей запинки произнес: «В вашей стране...», сохранив тем самым лицо Б.Н. Никто из африканских гостей и виду не подал, хотя многие члены руководства ЮАР учились в СССР и прекрасно знают русский язык.

Мастера перевода знают менталитет, обычаи, культуру и историю других народов. Вынужденные мгновенно переключаться от слушателя к говорящему, они переходят границу своего «я» и переживают нечто вроде раздвоения личности. Они подмечают черты, ускользающие от

других, так сказать, со стороны, многое им виднее. Так, известная английская переводчица И. Кириллова отметила «крестьянские черты» в личности «раннего» Ельцина (1990 г.). Он не смог ответить на изощренные вопросы британского интервьюера и «просто замкнулся в себе». «Борис Николаевич, – сказала она вкрадчиво, – если вы не будете отвечать, то этот очерк все равно будет написан, но как бы уже без вашего участия». Тот все же собрал свой «крепкий пейзажный ум», и беседа кое-как состоялась.

Новое тысячелетие – стабилизация и корректность

Сотрудники МИДа, имеющие дело с нынешним хозяином Кремля, с уважением отзываются о его интеллигентности, выдержанности и корректности.

В. Путин «не брезгает» спросить у переводчика, как лучше что-то сказать или сделать так, чтобы тому было удобнее, – прекрасное качество: чем выше положение человека, тем предупредительнее он должен быть к нижестоящим (как говорят историки, «Король-солнце», Людовик XIV, снимал шляпу перед последней горничной).

Сейчас говорить В.В. Путин стал более размеренно и четче формулировать, хотя его иногда заносит на «козлов, сортир, мух, котлеты, сапоги всмятку, обрезание, схватить за одно место» и, наконец, «цугундер» и т.п. Вероятно, определенной части обширного народонаселения РФ и нравится «юмор в кирзовых сапогах», но вот для переводчиков такие неожиданности – проблема, именно из-за непредсказуемости и контекстуальной неожиданности таких «словесных кульбитов». Бывали и случаи, когда переводчики просто теряли дар речи. Например, на пресловутом «обрезании» споткнулся молодой переводчик, просто не зная английский термин и не сумев быстро придумать что-нибудь вроде «*operation on your thing*». Вышел конфуз, и смак пропал. (Все, кто хотел, видели этот подробный и довольно злой сюжет в

передаче «Намедни», которая не раз с удовольствием отслеживала ляпы переводчиков.)

Как говорят англичане, критиковать легче всего. А вы побудьте там, наверху. Хотя, как ни парадоксально, если отбросить психологический прессинг и огромную ответственность, работать на самом верху для опытного переводчика порой не так уж сложно: речь, как правило, идет об общих вещах, без технических деталей, в отличие от переговоров экспертов: там просто «грызня» за каждое слово, каждую запятую какой-нибудь декларации или коммюнике, которые почти никто и читать не будет.

Посочувствуйте тем, кто несет на себе груз огромной ответственности. Не каждый сможет схватить суть и мгновенно передать ее, сохранив нюансы и акценты оригинала, при этом «не играя роль» того, кого переводишь, не пародировав жесты и мимику своего босса на другом языке. Как говорит Палащенко, переводчик всегда несколько отстранен и нейтрален, он стоит над схваткой.

Пока рядом с В. Путиным не видно постоянного переводчика-«тени»; вероятно, отчасти потому, что он сам прекрасно владеет немецким и может общаться по-английски и, отчасти тем, что из-за нынешней зарплаты (и никаких прибавок за работу на высшем уровне, заметьте) иногда необходимо «халтурить» где-нибудь на Западе, где синхрон «тянет» до 500 долларов за четыре-пять часов работы, отчасти – текучестью кадров (квалифицированные сотрудники переманиваются крупными корпорациями, банками и пр.).

Пожалуй, в последнее время чаще всего рядом с президентом симпатичный и талантливый выпускник МГЛУ А. Цыбенко. Он уверенно работает и хорошо смотрится рядом с «боссом». Подрастает и новое поколение мастеров. Им также предстоит увидеть вблизи, как будет твориться история нового века. Услышать – поскольку все чаще приходится переводить телефонные переговоры мировых

лидеров (иногда чуть ли не с домашнего телефона переводчика).

Переводчик – «у нас» и «у них»

Создается впечатление, что сейчас на высшем уровне царит обстановка – причем не только в плане перевода, как вы догадались, – «здорового пофигизма», что скорее хорошо, особенно для переводчика. Ценится его умение создать – для обеих «высоких договаривающихся» сторон – приятную рабочую атмосферу без нервозности. Стоит отметить, что немало проколов в этой ситуации допускают западные, особенно американские, переводчики. Как правило, они билингвы или русского происхождения, дети эмигрантов различных поколений из России и СССР. (Однажды один из них споткнулся на термине “flat tax¹⁴”, не зная эквивалента или забыв его, переводчик выдал «равный для всех уровень налогов».)

Вообще-то, советская школа перевода – еще один «пережиток социализма», которым стоит гордиться. За десятилетия изоляции от внешнего мира и «железного занавеса» были разработаны уникальные методики, были подготовлены специалисты мирового уровня. От западной школы наша отличается тем, что предполагает обучение переводу всех видов на иностранный язык, причем он может быть безупречен с точки зрения и произношения, и грамматики, и лексики. Известно, что на саммитах западные лидеры предпочитали советских переводчиков своим.

Далее: в отличие от нашей страны, переводчик Госдепа США так и уйдет на пенсию переводчиком (правда богатым), а в СССР многие способные юноши, начиная с перевода, делали блестящую карьеру дипломата (например, П. Трояновский, В. Суходрев и многие другие).

Следует особо отметить, что внешне западные лидеры подчеркнуто вежливы с переводчиками и не считают зазорным поблагодарить его и пожать «мозолистую руку».

¹⁴ Единая ставка налога (на совместной пресс-конференции Путина и Буша в СПбГУ в 2002 г.).

Однако наш госпротокол был и остается более «благодарным» к переводчикам, чем западный, учитывает значение их работы: наш «кагемуси» всегда сидит рядом с главой делегации (государства) и за столом переговоров, и на приемах (обедах). Ему подают те же яства – другое дело, есть ли время прикоснуться к ним. Надо, кстати, учиться бросать в рот кусок-другой во время пауз.

На Западе, согласно их протоколу, переводчики сидят за спинами жующих и пьющих VIP и работают. (Один британский коллега рассказал, что как-то переводя в Греции М. Тэтчер на банкете, сидел позади нее. В какой-то момент, уткнувшись в свои записи во время короткой паузы, он обнаружил под носом тарелку со снедью, которую сердобольная г-жа Тэтчер собрала со стола и со словами ободрения передала переводчику – «в помощь голодающим»¹⁵). Вот чему бы следовало поучиться кое-кому у нас.

Бывают ситуации, когда переводчик становится своего рода спасательным кругом. Переводчик Госдепа США (с немецким языком) поделился такой «байкой»: на встрече президента Л. Джонсона с канцлером ФРГ К.Г. Кизингером первый не смог ответить на довольно сложный вопрос, связанный с научно-технической стороной оборонной доктрины НАТО, и замешкался. Канцлер воспользовался паузой и тактично отлучился. «Мистер переводчик, – неожиданно обратился к нашему коллеге Джонсон, – а что вы знаете по этому вопросу?»

В отличие от своего босса, переводчик тщательно проштудировал материалы к беседе и сообщил все, что запомнил. Так что Джонсон через пару минут смог легко дать обоснованный ответ, а переводчик удостоился комплимента от канцлера за глубокое знание предмета. Благодарность Джонсона выразилась в столь крепком пожатии колена перевод-

¹⁵ Правда, в своё время она же отказалась пойти навстречу членам ИРА, объявившим массовую голодовку, и рассмотреть их требования. Несколько десятков человек погибли от голода.

чика, что тот чуть не подпрыгнул от боли. «Вероятно, так в Техасе принято выражать признательность», — объяснил с усмешкой рассказчик (впоследствии он работал с Р. Рейганом и другими лидерами).

Переводчики... Им «властно все — и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений», и вкрадчивая риторика Сталина, и экспансивная правда-матка Хрущева, и казенная сухость Брежнева, и логическая жесткость Андропова, и витиеватая пустота одних, и постпыхмельные «загогулины» других, и «лингвистическое мочилово», и просто ужасающее косноязычие, слобренное безграмотностью и уголовным жаргоном менее крупных фигур политических шахмат на доске современности.

За свою многовековую историю устный перевод успешно миновал Сциллу всемирного языка — и тщетных попыток его внедрения — и пока не разбился о Харибду компьютерного перевода, остающегося пока еще неуклюжим, но порой небесполезным подспорьем (в основном для письменных работ).

Очевидно, однако, что проблема замены человека машиной «устного перевода» встанет со всей остротой лишь после создания полноценного искусственного интеллекта.

Но это уже совсем другая история.

...не женское лицо (или дело)?

Действительно, почему на высшем уровне так мало женских лиц (и не только среди переводчиков)?

Что касается «гендерного» вопроса, то на памяти автора работа преподавателя МГИМО, способнейшей и обаятельной Е. Ивановой в середине 70-х на переговорах советского руководства с новыми лидерами Португалии после апрельской революции 1974 г. Это был период «медового месяца» дружбы между двумя странами.

В последнее время в Кремлевских интерьерах мелькает милая дама — переводчик из МВФ и, пожалуй, это все, что можно припомнить.

На Западе, особенно в галантной Франции, женщины гораздо чаще работают переводчиками президентов, премьеров и членов кабинетов. Как правило, эти переводчики — потомки русских эмигрантов, прошедшие подготовку в ESIT (Высшей школе устного и письменного перевода) Университета Дофин в Париже¹⁶.

В Англии плодотворно трудится Ирен Кириллова, дочь русского офицера. Она переводила Ахматову, Солженицына, Суркова, Горбачева и Ельцина (в том числе во время визита Елизаветы II в Россию). Самые теплые воспоминания остались у нее от четы Горбачевых и от общения с великой Анной Ахматовой.

В Англии перевод на русский преподают в университетах Вестминстера (Лондон), г.г. Бата и Лидса, в Шотландии — в Эдинбургском университете, где имеется традиционно сильная школа перевода. В Англии эта профессия в почете и среди переводчиков женщин, пожалуй, больше, чем в России. Почему так исторически сложилось?

К сожалению, интерес к русской культуре и, тем более, к языку катастрофически упал: если в 1980–90-е годы в Вестминстере обучалось 30–40 студентов, то в 2003 г. — трое (потом двое), причем только в аспирантуре. Основной потребитель переводчиков — структуры Евросоюза, этого нового Вавилона, где рабочими являются языки всех государств — его членов.

Традиционно в СССР профессия устного переводчика считалась чуть ли не «военной», особо сложной, ответственной, связанной с огромными психофизическими перегрузками, внезапными выездами в командировки, ночной работой и... ненормативной лексикой в кулуарах,

¹⁶ Во время празднования 50-летия Великой Победы на приеме в Кремлевском дворце Ф. Миттерана переводила на русский дама, запомнившаяся не только хорошей работой, но и какой-то напряженностью, отсутствием легкости, а также режущим слух грассированием, резкой и нерусской интонацией. Очевидно, это была француженка русского происхождения. Разумеется, с переводом на французский она справлялась безупречно.

необходимостью нередко принимать участие в продолжительных застольях и т.д.

Женщине действительно нелегко выдержать такие перегрузки, но главное, вероятно, – в устоях российского общества – в политике женщин всегда было мало, как в СССР, так и сейчас.

Зато среди переводоведов и лингвистов, а особенно среди преподавателей женщин действительно много больше, и они вносят важный вклад хотя бы в теоретические основы переводческого дела, в обучение теории и практики перевода.

Однако можно предположить, что женщинам еще предстоит сыграть свою роль – роль переводчиц глав государств и правительств. Сначала, вероятно, в команде коллег-мужчин, которые могли бы взять на себя самое сложное направление, например, запись беседы.

Языковой «цугундер»

Любопытно, что 2003 году проследилась новая тенденция – перевод, особенно словечек и выражений, исходящий из уст лидера страны, становился предметом чуть ли не общенациональной дискуссии по ТВ и на страницах серьезной прессы.

Иногда обсуждался результат или возможные варианты перевода, как например, «схватить за одно место»¹⁷. Эксперты «Известий» с умным видом обсуждали, как это лучше передать на разных языках, в том числе на английском.

Существует выражение *to grab by the ass*, почти эквивалентное русскому в плане грубоватой шутливости. Так что это можно было бы перевести *instead of waiting until they grab you by you know what* предположим.

Далее предметом высокоученых дебатов стало пресловутое «довести до цугундера». Вначале не все поняли, что именно имелось в виду, но явно – что-то нехорошее. Отрывок из культового сериала, где слово использовалось в смысле «тюрьма» не вполне прояснил ситуацию.

¹⁷ См. также статью «Места надо знать» с. 38, а также статью. М. Берди, с. 39.

Прошла пара дней, пока в «Известиях» не посмотрели в словарь иностранных слов и разъяснили, что имеется в виду наказание – сотня ударов *zu Hundert* палками – немецкое, судя по всему, изобретение, переятое Павлом I.

Вариант устного перевода – *will get you into real trouble*. Теряется образность, но приходится жертвовать этим ради результата: скорости и поступательности, линейности речи.

Что хорошего во всем этом – кроме «невидимых миру слез» переводящего – это то, что такие вопросы привлекают внимание широкой публики, пробуждают интерес к русскому языку и правильности речи – это вообще большая тема, которая заслуживает отдельного разговора, на страницах журнала в том числе

Приглашаем поделиться своим практическим опытом и воспоминаниями также и членов Клуба выпускников ВИИЯ, МГИМО, МГЛУ. Присылайте интересные фото-, выдержки из прессы и другие материалы, в том числе и из личных архивов.

Об искусстве перевода

Или не переводи автора, или, переводя, покоришься ему и спрячь свой ум, свои мнения.

(П.А. Вяземский)

Издательство «Р.Валент» предлагает

Рано или поздно многие переводчики берут в руки перо, стараясь выплеснуть на бумагу накопленное. У кого-то получается уникальный учебник, у кого-то словарь (который хитрый автор назовет несистематическим, хотя система ох как продумана), кто-то подготовит сборник стихов, кто-то изложит то, что в течение многих лет рассказывал на лекциях студентам.

Как интересна творческая лаборатория писателя, а писателя-переводчика тем более!

Поэтому мы открыли рубрику **«Издательство “Р.Валент” предлагает»**.

И это сделано прежде всего для того, чтобы переводческий труд засверкал еще одной творческой гранью.

Сегодня мы представляем книгу:

Ищите и найдете

М. Загот

Итак, на свет появилась книга — «Ищите и найдете, или Англо-русский словарь библеизмов для всех и каждого». Многие удивляются — что у меня общего с библеизмами? И как вообще хватило сил и терпения обработать такой обширный материал? Как хватило усидчивости? Попробую как-то внести ясность.

Скажу сразу — я человек не религиозный, воспитывался в духе атеизма, как и все люди моего поколения. Церковь была отделена от государства, я никогда в нее не ходил, почти ничего о ней не знал, и вообще мои интересы лежали в другой сфере. Единственное яркое воспоминание о религии из детства — это праздник Пасхи. В школе эта тема была запретной, родители мои тоже росли и развивались в то время, когда религии люди, особенно в больших городах, чурались, соответственно, и информацию взять было неоткуда, если не проявлять специального интереса.

Но по-настоящему я познакомился с Библией много позже, уже после окончания переводческого факультета иняза. Находясь в экзотической стране Бангладеш, я столкнулся с каким-то православным священником, и он подарил мне экземпляр Библии на русском, а английскую версию я там же и купил. Помню, очень боялся вести через границу — а вдруг бдительные таможенники найдут книги на дне чемодана? Запрещенной Библия вроде и не была, но все-таки церковь отделена от государства... А уж с членством в партии Библия явно была несовместима. Но таможенники не проявили ко мне интереса, и я стал потихоньку погружаться в эту Книгу Книг, пропитываться ее духом, к тому же были и другие возможности познакомиться с библейской тематикой — например, кинематограф. Так или иначе, в начале девяностых я начал собирать библейскую фразеологию — на английском и на русском, просто так, для себя. Ни о какой книге не думал.

Стал ли я религиозен теперь, после такого глубокого погружения в Библию? Нет, не стал, в том смысле, что я не испытываю потребности регулярно ходить в храм Божий. Но сами принципы христианской религии мне вполне близки и понятны, тем более что на них подозрительно смахивает моральный кодекс строителя коммунизма, который – в отличие от Библии – нас заставляли учить в школе. Не укради, не убий, возлюби ближнего – кстати, в английском этот «ближний» звучит, как «neighbor», то есть «сосед» – для меня эти заповеди были и остаются чем-то вполне естественным. Как и утверждение Екклесиаста о том, что надо радоваться жизни, пока ты полон сил – rejoice in your youth. Или его же слова о том, что надо «пускать хлеб по водам» – то есть помогать другим, и твои добрые дела к тебе вернуться («cast bread upon the waters», кстати, именно так – “Bread upon the Waters” – называется роман замечательного американского писателя Ирвина Шоу).

Верю я и в то, что многое в нашей жизни предопределено и известно заранее. Да, безусловно, надо идти к намеченной цели, чего-то добиваться, ориентироваться на высокую планку. И все же... у того же Екклесиаста есть такое выражение: “The race is not to the swift”. Русский вариант – «не проворному достается успешный бег». Чтобы понять, что это значит, надо прочитать фразу целиком, а фраза вот какая интересная: “The race is not to the swift, nor the battle to the strong, neither yet bread to the wise, nor yet riches to men of understanding, nor yet favor to men of skill; but time and chance happeneth to them all” («не проворным достается успешный бег, не храбрым – победа, не мудрым – хлеб, и не у разумных – богатство, и не искусным – благорасположение, но время и случай для всех их»).

Итак, время и случай, то есть «ваше благородие, госпожа удача». И рассчитывать на то, что жизнь всем воздаст по справедливости, нечего.

В освоении Библии мне очень помогло увлечение кинематографом, да и музыкой. Прежде всего это фильм-мюзикл Нормана Джуисона “Jesus Christ Superstar” на рок-оперу Ллойда Уэббера, классический фильм на евангельский сюжет “Jesus from Nazareth” Франко Дзефирелли, фильм “King David” с Ричардом Гиром в главной роли, многосерийный “Moses” с Бертом Ланкастером. Все эти фильмы мне пришлось переводить для только созданного в середине 90-х годов канала НТВ.

В кинематографическом контексте я не раз встречался с переводческими ошибками: Ионафана называли по-русски Джонатаном, Варавву – Бараббасом. Помню, я в душе возмущался: как можно делать такие ляпсусы? Хотя чему удивляться? Ведь Библию, в отличие от Запада, в нашей стране с молоком матери никто не усваивал. Хорошо помню, как, работая переводчиком в Индии после института, наткнулся на выражение “Writing is on the wall...”, которое употребил тамошний начальник во время какого-то торжественного события. Я интуитивно угадал, что он имеет в виду, хотя не имел ни малейшего понятия о том, что речь идет о каком-то знаке свыше.

Я решил попытаться как-то восполнить этот пробел в языковом образовании, но понял, что работать над академическим изданием не хочу. Поскольку к религии я отношусь спокойно, написание книги-словаря было для меня скорее литературно-лингвистическим упражнением. Я поставил перед собой тройную задачу: во-первых, эта книга должна быть полезной, и с этой частью задачи, я, на мой взгляд, справился по определению. Такого словаря пока что не было – как ни странно, – соответственно, он будет очень хорошим подспорьем для переводчиков, преподавателей языка, студентов языковых вузов и так далее, как пишут в аннотациях ко всяким учебным материалам.

Во-вторых, мне хотелось, чтобы это книга была не просто лингвистическим продуктом, но и популярным. Дело в том, что вот уже 10 с лишним лет я преподаю в инья-

Издательство «Р.Валент» предлагает

зе, на факультете повышения квалификации переводчиков, где учится публика вполне продвинутая — люди, уже получившие одно образование, обычно гуманитарное, хотя и не обязательно. И вот я выяснил, что за редкими исключения эти продвинутые и образованные молодые люди, способные к языкам, имеют о Библии очень смутное представление. Иногда в ходе общения с аудиторией ссылаешься на что-то, на твой взгляд, понятное, простое и всем известное — скажем, «Фома неверующий» — “doubting Thomas”. И вдруг натыкаешься на стену непонимания — а кто такой Фома и в чем он сомневался? Или, кажется, что может быть проще: «Я умываю руки» — “I wash my hands of”. Но, опять-таки, когда попросишь рассказать, кто и по какому поводу эти руки умывал, в худшем случае молодежь этого не знает, а в лучшем дает ответ не вполне вразумительный. Как говорится, невероятно — но факт! И я решил не ограничиваться чисто словарной работой (слева английская версия, справа русская), а взять контекст пошире, рассказать, как используется, что означает выражение сейчас и что означало раньше, каков был его библейский контекст и так далее. В этом смысле эта книга может интересовать уже не только тех, кто работает с английским, но и тех, кто знает его пусть по минимуму, зато хочет как-то разобраться в Библии, а таких становится все больше.

В-третьих, и, наверное, в самых главных для меня — я хотел, чтобы получился не словарь, а именно книга, которую ты читаешь, и прочитываешь до конца. Не просто берешь с полки, когда требуется найти какое-то выражение, а читаешь по вечерам или в удобной обстановке. Для этого требовалась какая-то форма изложения, которой можно было бы привлечь читателя, какая-то легкость, не академичность. Вспомним, например, Жана Эффеля «Сотворение мира» или «Забавную Библию» Феликса Кривина. Из этого принципа я и старался исходить, когда писал статьи к библеизмам — чтобы было интересно. Вот пример:

FORBIDDEN FRUIT*Бытие 3***ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД**

Нечто желанное, но запретное, за пределами дозволенного

Интересно, что это одно из самых популярных библейских выражений в тексте Библии отсутствует, но суть от этого, конечно, не меняется. Господь запретил первым людям, Адаму и Еве, вкушать от древа познания добра и зла (tree of knowledge of good and evil). Но явился змей и искусил их, сказав: если отведаете плодов с этого дерева, ваши глаза откроются, вы познаете добро и зло и станете независимыми и свободными — равными богам. Перед таким соблазном люди не устояли и, соответственно, согрешили. Запретный плод сладок. К тому же «грех не беда — молва не хороша» — это у Грибоедова. Вдруг никто не узнает? Но Бог, конечно, все тут же узнал — тайное стало явным — и выслал парочку из рая.

Не могу отказать себе в удовольствии процитировать Пушкина — вот как он комментировал страдания отвергнутого Татьяной Онегина:

«О люди! все похожи вы
 На прародительницу Эву:
 Что вам дано, то не влечет,
 Вас непрестанно змий зовет
 К себе, к таинственному древу;
 Запретный плод вам подавай,
 А без того вам рай не рай».

См. ADAM'S APPLE, EAST OF EDEN и FLAMING SWORD

Еще пример:

FINGER OF GOD

Исход 8:19

ПЕРСТ БОЖИЙ

Судьба, знак свыше

Господь через посредство Моисея пытался вывести еврейский народ из египетского рабства, для чего наслал на египтян напасти, или, как сказано в Библии, *“plagues of Egypt”* («казни египетские»). Однако фараон был непреклонен — никак не мог предположить, что имеет дело с самим Господом. Между тем волхвы убеждали его: *“This is the finger of God: and Pharaoh’s heart was hardened, and he hearkened not unto them; as the Lord hath said”* («это перст Божий. Но сердце фараоново ожесточилось, и он не послушал их, как и говорил Господь»).

Чем обернулось упрямство фараона для египтян и для него лично — см. PLAGUES OF EGYPT.

На «перст Божий» сослался известный в прошлом игрок сборной Аргентины по футболу Диего Марадона, когда на чемпионате мира в 1986 году он якобы забил гол англичанам рукой. В ответ на упреки он сказал примерно следующее: *“If it was a hand, it was a hand of God”* («Если это и была рука, то рука Господа»).

Я прекрасно понимаю: подобным подходом рискую навлечь на себя огонь критики. Могу только сказать, что эту критику я заранее принимаю, — зато для меня было важно внести в книгу некий развлекательный элемент, подойти к делу творчески.

На самом деле, работать с этим материалом было безумно интересно, и когда я занялся не сбором библеизмов — они у меня были собраны достаточно давно, по крайней мере, в основном, — а непосредственно написанием книги, я уже не мог остановиться. Ведь в этой книге — вся мудрость жизни! И мне очень хотелось, чтобы эта мудрость — пусть в популярном виде — дошла до всех, кто дружит с английским языком, до молодежи в первую очередь.

В заключение — библеизм, о котором желательно всегда помнить.

LET US NOT BE WEARY IN WELL DOING

Галатам 6:9

ДЕЛАЯ ДОБРО, ДА НЕ УНЫВАЕМ

Трудитесь на благо других

Помогайте людям, и в конце концов будете вознаграждены, потому что нет работы важнее, чем помощь ближнему. *“Let us not be weary in well doing: for in due season we shall reap, if we faint not”* («Делая добро, да не унываем; ибо в свое время пожнем, если не ослабеем»). То есть всегда надо находить время и силы на то, чтобы помогать другим.

Вот строчки из стихотворения современной поэтессы Карины Филипповой:

«Что в жизнь пошлешь — того и жди в ответ.

Работают законы бумеранга».

Об авторах

Линн Виссон – американка русского происхождения, синхронный переводчик с русского и французского на английский в ООН с многолетним стажем. Училась и получила докторскую степень в Гарварде, а затем была профессором русского языка и литературы в Колумбийском и др. университетах США. Давний участник научных и культурных обменов между Россией и Америкой, автор целого ряда книг и статей, посвященных сравнительному изучению культуры Америки и России.

Мишель Берди – письменный и устный переводчик, специалист по межкультурной коммуникации, автор рубрики “Word’s Worth” в газете “Moscow Times”.

Дупленский Николай Константинович – выпускник МГИМО МИД РФ, переводчик, секретарь Правления Союза переводчиков России.

Ермолович Дмитрий Иванович – доцент, кандидат филологических наук, профессор кафедры перевода английского языка МГЛУ. Известный синхронист и письменный переводчик с большим опытом работы в международных организациях. Автор большого числа научных работ по лингвистике и теории перевода, ряда учебных пособий и словарей.

Загот Михаил Александрович – член Союза писателей России, Союза переводчиков России, доцент Московского государственного лингвистического университета, профессиональный переводчик.

Зарубина Зоя Васильевна – опытный международник, высококвалифицированный специалист в области страноведения, синхронного перевода и обучения практическому знанию языка.

Зубанова Ирина Владимировна – окончила МГПИИЯ им. М.Тореза (впоследствии – Московский государственный лингвистический университет) и с тех пор надолго не расставалась со своей alma mater, работая там в качестве преподавателя. Серьезно занимается переводом и преподает перевод в ряде московских вузов. Практикующий устный последовательный и синхронный переводчик.

Климзо Борис Николаевич – инженер-энергетик и лингвист, многие годы посвятил изучению английского языка научно-технической литературы. Автор многих статей, а также автор-составитель большого фразеологического словаря («Русско-английский словарь общеупотребительных слов и словосочетаний научно-технической литературы», тома 1 и 2). Однако, занимаясь лингвистическими изысканиями, автор никогда не прекращал практической деятельности по переводу и редактированию.

Ланчиков Виктор Константинович – выпускник переводческого факультета МГПИИЯ им. М.Тореза. Преподает на кафедре перевода английского языка МГЛУ. Кандидат филологических наук, профессор. Автор ряда теоретических работ. Мастер художественного перевода.

Палажченко Павел Русланович – выпускник МГПИИЯ им. М.Тореза, многолетний сотрудник ООН, дипломат, журналист, переводчик М.Горбачева и Э.Шеварднадзе, автор ряда книг и словарей.

Цвиллинг Михаил Яковлевич – один из ведущих теоретиков устного перевода, доктор филологических наук профессор МГЛУ.

Кэти Флик (Cathy Flick) – доктор философии по химической физике, магистр по физике, бакалавр по химии; более 25 лет переводит научную литературу с русского, французского, немецкого, испанского и итальянского на английский.

Чужакин Андрей Павлович – выпускник МГПИИЯ им. М.Тореза и Академии общественных наук, консультант ряда политических и финансовых структур. Преподает в МГЛУ, автор учебной серии «Мир перевода», в течение продолжительного периода активно разрабатывает одну из актуальных тем устного перевода – переводческую скоропись.

